

**Владимир
Круковер**

**КРИМИНАЛЬНЫЙ
ПОПАДАНЕЦ**

Annotation

Человек из 21 века попал в 1960 год с потерей памяти. Его личность всплывает в памяти отрывками и снами.

Любопытно, что есть воспоминания, в которых он милиционер. И есть, в которых он вор.

Да и бессознательно он порой действует уголовно...

Глава 1

«Умные не столько ищут одиночества, сколько избегают создаваемой дураками суеты».

Артур Шопенгауэр

Вечно идеализируем героя, сублимируем свое эго в него, во всемогущего, удачливого. Вот и читатель, сам не умеющий связно что-то выразить, испытывает катарсис читая про великолепных попаданцев. Отсюда коммерческий успех, но духовного содержания подобные книги не несут. Как бабы увлекаются «женским романом» с повторимым и банальным сюжетом, так и мужики упиваются боевыми способностями бульварных героев. Поглаживая вялой лапищей с жесткими волосами на тыльной стороне собственное пивное брюхо эти мужики впитывают эротические мечты книжного супермена, но не в силах разглядеть собственный отросток, кроме как в зеркале. Но в зеркало они не смотрят, ибо противно!

Бульварные люди
Гуляют по бульвару,
Читают бульварные книги,
Едят беляши с пылу — жару,
(Увы — за деньги, а не на-шару).

Бульварные леди
Гуляют по бульвару,
Читают бульварные книги,
Едят мороженное, благодарные дару,
(Естественно, не за деньги, а на-шару).

Бульварные дети
Бегают по бульвару,
Не читают никакие книги,
Не используют при нужде писсуары,
(Поэтому дворники долго чистят бульвары)[1].

Я ничем не лучше. Точно так же избегаю зеркал, восхищаюсь биографичными героями Арчибальда Джозефа Кронина, иду по «Лестнице из терновника» Макса Далина[2] и растворяюсь в

поэзии прозаической фантастики Олди.

Я — такой как все, выросший на братьях Стругацких и Ефремове, на Харпер Ли и Сэмюэле Клеменсе, на Булгакове и Бунине. В чем-то советский, а в чем-то Лондонский, Парижский, Израильский... Космополит и сноб, давно простивший родителей за детское одиночество. И в этом новом романе мой ГГ несет черты моей личности — моего Ангела и моего Дьявола.

Между ангелом и бесом
Прохожу я темным лесом,
По тропинке прохожу,
Ничего не нахожу.

Но не надо отождествлять литературный образ с реальным человеком, писателя — с его героями! Мое зло и добро, эманации моей личности лишь косвенно наносят ауру на литературные чудачества престарелого сказочника.

Между ангелом и лесом,
Я иду в обнимку с бесом,
От предчувствия дрожу,
Но свой страх не покажу.

Между бесом и тем лесом
Иду с ангелом небесным,
Бесу фигу покажу,
Пару ласковых скажу.

Ищи истину сам, читатель. В каждом из нас есть Зверь, есть Бог. И каждый из нас имеет выбор. Трудно быть Богом. Зверем — легче.

Между ангелом и бесом
Темной ночью, темным лесом
То и дело я хожу,
Ничего не нахожу.

"Так запомни, — учил Гаутама Будда, — те истины, что я принес вам, это всего лишь горсть листьев в твоей руке. На самом же деле их так много, как листьев у вас под ногами. Ваша цель — найти их, ведь суть моего учения заключается не в том, чтобы поклоняться Будде, а в том, чтобы быть Буддой".

Глава 1

*...Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.
Николай Гумилев*

Мне снилось, что я полусонный замер на балконе. Весна теплая, у второклассников занятия в школе со второй смены, но я все равно встаю утром со всеми. Мне нравится эта дорожная суета, нравится сесть со всеми за стол, позавтракать. И особенно нравится, что после завтрака я со спокойной совестью могу вновь лечь в кровать и досмотреть утренние сны.

Странный звук слышится со стороны улицы. Будто очень большая лошадь цокает копытами по асфальту.

Выбегаю на балкон, всматриваюсь. Тополь еще не оброс летней широкой листвой, поэтому сквозь узенькие листики улица видна хорошо.

У меня начинает щекотать в животе, а горло пересыхает, как во время ангины. По улице идет жираф. Это огромный жираф, он легко достает головой до балкона второго этажа. Это он цокает, как лошадь, хотя переступает по асфальту мягко. И, если честно, это не совсем жираф. Во-первых, таких огромных жирафов не бывает. Во-вторых, этот жираф переливается роскошными цветами, как райская птица. Кроме того, он цокает ногами и гордо смотрит не по сторонам, а только вперед.

— Папа, иди сюда, — сдавленным голосом зову я.

— Ну что там у тебя? — отзывается папа. — Я занят, мне собираться надо.

— Бабушка! — отчаянно кричу я.

Бабушка спит. Ей не до меня.

— Мама, а мама... — безнадежно зову я.

Мама на кухне, она просто не слышит.

Тогда я с трудом отрываю глаза от павлина, который уже прошел мимо дома и удаляется вдоль по улице, ведущей к реке, бегу в комнату и хватаю первого попавшегося — папу, тащу его на балкон.

— Дапусти ты, — говорит папа, — вот ошалелый... Ну, что ты тут увидел?

“Вот же, жираф сказочный...” — хочу сказать я, но радужного уже нету, ушел, так быстро ушел...

— Да так, ничего, — говорю я смущенно, — листочки на тополе уже распустились, лето скоро, каникулы.

Папа несколько удивленно смотрит на меня, переводит взгляд на чахлые листики, вновь — на меня, недоуменно хмыкает, уходит с балкона и тотчас забывает о странном поведении сына. А я смотрю в пустоту улицы. В ушах еще звучит цокот копыт, безумные краски так и стоят перед глазами.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,

И бег его плавен, как радостный птичий полет.

Я знаю, что много чудесного видит земля,

Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Прекрасное сказочное животное, видением которого я безуспешно хотел поделиться с родными, всегда будет цокать и переливаться красками в моей памяти, как символ одиночества!

— Больной, проснитесь больной, вам на процедуры.

Открываю глаза, удивленно смотрю по сторонам, приподняв голову от чахлой подушки. Похоже, я в больничке. В какой-то странной больничке из далекого прошлого. Вместо функциональной каталки с поручнями и регуляторами изголовья подо мной проваленная сетка архаичной кровати из алюминия. Я задираю простыню с черным штампом медучреждения и вижу комковатый матрас вместо кожаного упругого покрытия. А мне приходилось повалиться на этих модернизированных кроватях, чей ход на резиновых колесах мягок. Помнится, в приемном покое приборы кровати успевали и кровь взять, и давление померить, и ЭКГ сердца сделать. Только где и как это происходило? Вот, разрази меня гром,

не помню!

— Ну чего глаза таращите, на процедуры говорю, в сестринскую. Ты — ходячий, я знаю. И не будет сестра к ходячим бегать со шприцами, много вас таких.

Откидываю суконное одеяло, сажусь. Недоуменно пялюсь на серые кальсоны и рубаху, в которые одет. На подоле такой же штамп в ладонь: «Районная больница № 2». Неведомо как в памяти всплывает:

«Поступившее белье немедленно после его приемки на склад маркируется (ставится штамп) специальной несмываемой краской таким образом, чтобы клеймо не портило его внешнего вида.

Маркировочный штамп содержит наименование учреждения. Маркировка (штамповка) белья производится зав. складом в присутствии заместителя руководителя учреждения по административно-хозяйственной части или другого лица, у которого хранится маркировочный штамп. Приказом руководителя учреждения обязанности по маркировке белья и хранению маркировочного штампа могут быть возложены на другого ответственного сотрудника учреждения.

Хранение маркировочного штампа у зав. складом или другого лица, материально ответственного за сохранность белья, категорически запрещается. Ответственность за нарушение этого пункта инструкции несет персонально руководитель учреждения.

Зав. складом несет ответственность за нахождение на складе белья без штампа учреждения или с неясным (смытым) штампом...»

— Опять застыл, вот скаженный. Может голова кружится, так ты скажи, я что — изверг, если кружится, то лягай, лягай, я уже скажу сестричке, что еще не ходячий.

Опять эта назойливая... Кто? Нянечка, наверное.

— Да встану я, встану. Только как я босяком пойду?

— Так вона же тапочки, вона — под койкой.

Нашариваю ногой раздолбанные тапочки со сплюсненным задником. С трудом надеваю, встаю.

— Халат надень, — говорит санитарка (о, вспомнил), — не май месяц.

На спинке кровати действительно висит коричневый халат из байки. Надеваю, просовывая руки в рукава поочередно. Удивляюсь отсутствию боли в суставах. Раньше, помнится, не мог так запросто вывертывать руки, даже рубаху и то с помощником надевал, с метапелет. А что это за слово такое не русское — метапелет? Представление не имею. Что вообще с моей памятью? Или я как в анекдоте: там помню, тут не помню. "Суд помню, как шлем брали помню, в середине отрезало!" Хотелось бы знать, откуда эта фраза в моей бестолковке? Ладно, дойду до врача — узнаю, а то эта нянечка уже терпение потеряла.

В процедурной мне впиндячили в жопу здоровенный укол. Шприц стеклянный в металлической коробочке (память подсказывает: стерилизатор), а раствор сестра набирала из махонькой бутылочки (пенициллиновой), да и поставили мне, кажется, укол пеницилина. Чем же я, мать его, болен? И что с моей памятью? Она подсказывает, что шприцы такие — анахронизм и что существуют более современные антибиотики, которые не надо колоть. И тем более колоть каждые четыре часа — как рапортует мне собственная задница. Значит, я тут не первый день. И чем-то болен.

— Как бы мне врача повидать, сестричка?

— Завтра на обходе повидаешь. Ты уже задолбал каждый день до врача проситься, что ему дел других нету с тобой — голова отбитая память восстанавливать.

— А что, я давно тут?

— Неделя. И каждое утро заново это спрашиваешь. Амнезия у тебя. И крупозное воспаление легких. Тебе второй день, как встать разрешили. А доставили без документов, на улице в снегу подобрали. И ты не помнишь своего имени, ничего не помнишь. Так что иди в кровать, психиатр должен на неделе заглянуть, посмотрит тебя, может поможет чем.

Иду в кровать. Тем более, что слабость в теле, в ногах чувствуется. И грудь болит, что наверное естественно при таком воспалении. Как его? А, про круп что-то читал, так у детей горло распухает. Еще, вроде, ложный круп бывает. Тогда герой протыкает перочинным ножиком гортань и вставляет соломинку. И ребенок начинает дышать. А врачи скорой помощи благодарят героя за смелость. «Вы спасли малышу жизнь!» — говорят они, укладывая больного на носилки... Что-то меня опять не туда понесло. Во, крупозная пневмония — это обширное легочное воспаление, которое нередко переходит и на плевру, оболочку, покрывающую каждое легкое. Это что ж, я врач что ли, раз такое помню? А хорошо, если врач. В СССР врачам почет и уважение. Говорят, на скорой помощи они хорошо зарабатывают. Кто говорит? Хер его знает.

Лежу в кровати, накрывшись тощим одеялком. Холодно, однако. Или это меня морозит, температура повысилась. Сел, содрал с ножной спинки халат, накинул его поверх одеяла. Слабо удивился отсутствию боли в спине. Был твердая уверенность, что так изогнуться я просто не в состоянии. Впрочем — температура. В глазах все плывет, голова пухнет, надувается. Какие-то тени качаются, сквозь сомкнутые веки вижу вспышки и качание теней. Поднимаю тяжеленную руку, прикрываю глаза поверх век. Вспышки продолжают, защититься от мерцания невозможно. Становится трудно дышать. Ну — да, закрыт одеялом и халатом с головой, надышал в калачик свернувшегося тела. Приоткрываю щелочку, оттуда буквально режет холодным воздухом. Постанывая пытаюсь еще больше свернуться, чтоб не упускать ни крошки тепла. Слышу металлический стук перестук. Кровать ходит ходуном на хлипких ножках. Это меня знобит, трясет! И кто-то сдирает байковое укрытие, полосуюя меня струями ледяного воздуха.

— Эко тебе колотит, на-ка выпей. — Санитарка подносит к мои губам ладонь и буквально впихивает таблетки в безвольный рот. — Теперь запей, запей. — Вода проваливается в бездну пересохшей глотки. — Ну спи, попробуй заснуть, сейчас полегчает. Это таллин с аспирином и снотворное, вот пропотеешь, я тебе белье новое принесу и все будет хорошо.

Сестра видимо свалила, потому что я опять ухожу в полудремотное состояние. Но без теней и вспышек. Как-то спокойней стало. От таблеток или от участия, но спокойней. И чудится мне, что иду по Москве в мороз. Вечер, метет по низу легкая пурга, мерзнут ноги в теплых ботинках «прощай молодость». Черные, с резиновой подошвой и войлочным верхом на молнии. Промокавшие сразу, как только ты попадал под мокрый снег или заходил в троллейбус-автобус и немного потоптался в жидкой каше под ногами. Зато стоят всего четыре рубля.

...Я иду по ночной Москве, постепенно восстанавливая хорошее настроение. Впрочем, хорошим его называть не вполне правильно. Это, скорей, было настроение безразличия,

равнодушного покоя. Грубость сержанта, вышвырнувшего меня с вокзала, когда я так удобно устроился в зале ожидания на великолепном сидении у телевизора, чуток вывела меня из этого размеренного состояния, адреналин, наверное, непрошенной дозой поступил в кровь. Сейчас он рассосался.

Хорошо жить, не загадывая дальше, чем на пару часов вперед! Зато — свобода. Никаких тебе забот, всероссийский БОМЖ Вовка Верт! Это, когда мы с женой работали в многотиражке, она учинила такую подпись под фоткой. На фотографии шофер, утирающий руки ветошью, и подпись: “Никаких тебе забот, шофер 7-го АТП, Петр Зайцев”. Там должно было быть предварительное разъяснение, что Зайцев произвел полную техническую подготовку автомобиля и теперь на трассе у него не будет проблем. Но абзац по непонятной причине выпал, а оставшийся производил предсказуемое впечатление.

Я дотопал все-таки до “Баррикад”. Около метро проблескивал луноход, поэтому я вывернул на Столярный переулок, перешел на противоположный от бани, где проходу не было от крутых иномарок, тротуар и, миновав училище, нырнул в ближайший дом. Первый подъезд был под кодом, второй — тоже, но в третьем интеллигентные жильцы уже выдернули из замка электронную начинку, дверь была приоткрыта.

Люблю дома сталинской постройки. Подъезды широкие, с площадками и настоящими объемными батареями на каждой. И даже, перед чердаком предусмотрена площадка, где я, естественно, и обосновался, прислонившись к жаркому чугуну спиной. Между ног я уместил газетку, аккуратно разложил припасы, но пришлось встать: без запивки, да еще в расслабленной позе, до сих пор не научился пить не разбавленный одеколон.

Кроме того, следовало приготовить горячую закуску. Холодная закуска — удел извозчиков, настоящие интеллигенты используют только горячую. Вряд ли стоит доказывать, что аббревиатура БИЧ свидетельствует о моей интеллигентности, пусть и бывшей.

Стакан у каждого, уважающего себя бродяги, как пистолет у Лимонадного Джо, — всегда наготове. А у меня — так целых два: стограммовая стопка для спиртосодержащих суррогатиков и обыкновенный, для благородных напитков; в который я тотчас набухал пиво.

Одеколон в пищеводе не застрял, прокатился вонючим комом, подталкиваемый в тройную спину горьковатым шаром “Балтики-6”. Не знаю, возможно никаких комков и шаров там и не было, в физиологии пищеварения я — меньше, чем дилетант, но ощущения были именно такие — как от вонючего, огненного комка и благословенно горьковатого шара.

Эти стилистические изыски промелькнули у меня в голове и сменились благодатным умиротворением. Вечно сохнувший рот наполнился слюной, я вынул из горячих батарейных ребер беляши, куриную ногу, распластал луковку и начал с беляша. Курицу оставил напоследок. Вот ведь, детская привычка — оставлять вкусненькие кусочки на конец еды!

Запив трапезу последним глотком пива, я потянулся за сигаретами. Они у меня находились в пластиковой коробочке от какой-то импортной гадости, и среди них, как я помнил, было два вполне приличных бычка.

Нет ничего лучше, чем после легкой выпивки и приличного ужина затянуться крепкой сигареткой. Я точно помнил, что один из бычков «соверинг» — прекрасный вирджинский табак из Англии. Но ни бычка, ни коробочку, в которую я складывал предварительно подсушенные бычки, на месте не было. Не было в кармане бушлата, не было в кармане ватных штанов, не было ни в одном кармане пиджака. Ума не приложу, где и как я ее

ухитрился посеять? Не стащили же ее у меня?!

Я повожился, вставая, размял ноги и потопал вниз, на улицу. Я хорошо согрелся, взбодрился и чувствовал некий подъем. В любом случае совсем без курева ночь могла превратиться в кошмар. Да и выпивки не мешало бы надыбать про запас. Ведь через пару часов алкоголь выветрится, начнет потихоньку подступать трясучка. А я с похмела буду совсем вялый, трусливый. Сейчас хоть какая-то уверенность проявляется.

Я открыл дверь и поморщился от морозного воздуха. Дверь вдруг обмякла в моей руке и превратилась в кусачее одеяло, а я уже не стоял в ночной Москве, а лежал в больничной кровати. И представления не имел ни о том, где я и не о том, кто я!

[1] В.Круковер, «Декадентские стихи»

[2] Максим Андреевич Далин — русскоязычный писатель, автор произведений в жанрах фантазии, научной фантастики и даже детской прозы. Родился в 1970 году в Петербурге, где и живёт до сих пор.

Глава 2

Летит паровоз по долинам и взгорьям,

Летит он неведомо куда;

Я к маменьке родной заеду ненадолго,

А срок мне представлен на три дня.

Прости меня, мама,

Прости, дорогая! —

Вот всё, что я маме скажу.

Теперь я не знаю, в которую минуту

Я буйную голову сложу.

Изначальный вариант «Паровоза» был написан задолго до революции, а соответственно, и до появления на свет «официальных» авторов — Ивановского или Сечкина.

— Больные, приготовится к обходу! — голосила медсестра, заглянув в палату. — Сходить оправится и кровати заправить, сегодня сам главный будет обход делать!

Я спустил ноги на пол, нашарил плоские тапочки. Сильно пахло чем-то резким. Чем же это так противно пахнет? Ой, это же карболка. Вспомнилось как санинструктор в армии при помощи пульверизатора обрабатывал карболкой баню после ее посещения солдатами. И еще вспомнилось как, чтобы обезопасить от заражения грибок, нам, прежде чем приступить к банным процедурам, предлагалось встать ногами в таз с этим раствором.

Больничная рубаша и кальсоны на мне были мокрыми от пота, помнилось как колотило меня от высокой температуры, сон про то, что я — бомж, вспомнился. Но сильнее всего напомнил про себя мочевого пузырь, поэтому зашаркал ногами по сырому, вымытому с этой самой дезинфекцией, полу.

В туалете опять ударил по обонянию отвратительный запах, который излучали комья серо-белого порошка, насыпанного прямо возле унитазов. И опять память подсказала, что пахнет хлорка вкупе с другими отвратительными запахами туалета.

По возвращению поймала сестричка, протянув свежее белье:

— Переодевайся быстрее, скоро обход. Да и пижаму надень, ты теперь ходячий. Я тебе на кровать положила.

Что ж, дело хорошее. Только бы душ сперва принять.

— А помыться, я потный весь?

— Ну, положим, ты ночью был потный. Но горячую воду только после пяти дадут. Да и не стоит тебе пока рисковать, вчера еще в горячке метался, какое тебе пока мытье.

Что ж, пошел. Сменил белье, надел пижамные штаны с выцветшим узором, куртку с оторванным карманом. Клеймо больнице стояло на штанах спереди, я снял их и передел наоборот, тем более что разницы между задом и передом не было, как и ширинки. Подумал, что надо бы и простыни сменить, но в коридоре раздалось многоголосье и я просто накинул одеяло и слегка подоткнул его под кроватьную сетку.

В палате было еще несколько заправленных коек, но лежал я тут в одиночестве. И когда доктор с множеством сопровождающих вошел, я почувствовал себя как на расстреле под

десятками любопытных глаз. Врач был как-то карикатурно айболитный: в очечках, с бородкой и фонендоскопом на груди. Рядом с ним шли, наверное, мой лечащий доктор — спортивный мужик лет тридцати без растительности на лице и старшая медсестра — полная дама с выбеленными перекистью волосами и прической паж — аля Мирей Матье. Откуда я все это знал — непонятно, но знал.

— Пациент доставлен шесть дней назад с ушибами и частичным обморожением. Диагностировано острое воспаление в легочной ткани, при котором, по клиникорентгенологическим данным, пневмонический инфильтрат разрешается медленно. В настоящий момент у больного субфебрильная температура, потливость, утомляемость, общая слабость, вялость, кашель. Отмечается скудость проявлений при ярко выраженных рентгенологических изменениях в легких. В зоне пораженного сегмента выслушиваются влажные мелкопузырчатые хрипы, определяется укорочение перкуторного звука.

— Ну тес, ну тес? — главный врач посмотрел на дощечку с моей температурой, которую сняла со спинки кровати сестра, — ну тес, послушаем, разденьте больного.

С меня мигом стащили куртку и нижнюю рубашу, а доктор начал прикладывать холодный фонендоскоп к спине и к груди. Я зябко поежился.

— Почему в реанимационной палате холодно? — спросил главный.

О, я оказывается в реанимации лежу!

— С углем перебои. Кочегар ругается, что одна пыль, печи не могут набрать температуру. Мы уже в горздрав писали.

— Хорошо, сам позвоню. Ну тес, лечение выбрали правильное, добавьте еще витаминчиков ему в рацион и гематоген обязательно. Больной, вас как зовут?

— Он не помнит, ретроградная амнезия. Сегодня психиатр должен смотреть.

— Хорошо! Больной, есть просьбы?

— Мне бы помыться, пропотел...

— Горячая вода после пяти, вас проводят. Старшая сестра, позаботьтесь. Кто из студентов хочет послушать?

Желающие нашлись, так что я совсем задубел, пока будущие медики неумело прослушивали мои легкие.

Наконец толпа удалилась и мне удалось одеться. Я еще и одеяло на себя накинул. Бесила черствость врачей, как-то непривычно они себя вели. Даже видимость участия не изображали.

Но тут пришла сестра и принесла второе одеяло.

— Доктор распорядился, — сказала. — Одеяло хорошее, верблюжьей шерсти, не замарай.

И я подумал, что опять спешу с выводами. И еще подумал — а почему опять?

И как бы в ответ в сознании прозвучала песня, явно женская. Да и голос ощущался, как женский, хоть и слабенький — с невысоким диапазоном:

Смотри, как перевозят снег В небесной лодке. Какой короткий выпал век, Какой короткий. Чего искала, кем была, О чём мечтала?.. А снег осыплется с весла — И нас не стало.

Не стало неба и земли, Ни крыш, ни улиц, Как будто взрослые ушли И не вернулись, Как будто смотришь из окна И ждёшь ответа... Лишь лодка белая видна Над белым светом.

Очнёшься в городе пустом — Туман и слякоть. Уже не вспомнить ни о ком И не

заплакать. Как скоротечен человек — И сам не знает. Качнётся лодка, ляжет снег, И полегчает...[1]

Я напрягся, несмотря на расслабляющую мелодию. Снег осыпался с весла бесконечно долго, он падал в пустой город, в туман и в слякоть... Казалось, сейчас вспомню, вот — вот...

— Больной, ваш ожидает психиатр, идите скорей!

Нет, я придушу эту бабу, такой голос противный!

И уже в коридоре, запахивая полы халата, чтоб не светить кальсонами с ширинкой без пуговиц, я вспомнил другую песню — антагоничную ласковой скорби первой:

Не жди меня, мама, хорошего сына,

Твой сын не такой, как был вчера.

Меня засосала опасная трясина,

И жизнь моя — вечная игра.

Но мы пришли, открыв обшарпанную дверь" За столом сидел толстенький человек с густыми, как у Брежнева (кто такой Брежнев) бровями и широкополыми руками. Руки лежали на столе, прочно, как прибитые. Рядом — раскрытая газета. Газета: "Пионерская правда. С заметками. Большой очерк: «Дом не юрта» в подвале (откуда знаю термин). Статья головная: «Идущим в двухлетку». Подверстка с информашкой: «Сладкое дело». Но отвлек и привлек внимание анонс: "Вчера 1 декабря в Советском Союзе запущен еще один, третий по счету космический корабль!"

"А год, год какой? — заметалось сознание. А-а, вот — пятница 2 декабря 1960 года. Ни фиги себе! А почему меня дата так удивила?"

— Что-то вспомнили? — участливо наклонился со стола доктор.

Да вот, корабль запустили. В космос. Чудо какое...

— Хотите прочитать про космический корабль? Вот. — Доктор пододвинул ко мне другую газету,

Известия. На первой полосе инфа: «Космос-133 — первый экспериментальный космический корабль типа «Союз» (7К-ОК № 2). На борту находился манекен. Предполагалось протестировать стыковку с другим «Союзом» (7К-ОК № 1), который должен был быть запущен позже, но из-за неполадок на корабле № 2 его старт был отменен». Интересно! Ничего об этом не помню. В моем понимании космос вокруг нашей планеты перенасыщен разными кораблями и спутниками связи. Еще и жилой модуль должен летать, с людьми.

— А разве люди в космосе не летают? — спросил я доктора.

— Нет, — сказал он, с интересом на меня глядя, — собака летала, погибла. А так мы посылаем кибернетические умные космические корабли, даже на Луну летали.

«Ни фиги себе, — подумал я, — разве советские, не америкосы на Луну слетали? Вроде еще китаезы там побывали, нет — не помню!»

А вслух сказал:

— Простите, не помню ничего. Какие-то отрывки, особенно во сне. И не понятно — фантазии или реальность.

— Какие фантазии, расскажите. Нам это очень поможет.

Тоже мне любитель снов. Это сны — просто сны, бывает.

— Нет, простите, и снов не помню. Помню, что снилось что-то малореальное, но я же и реальности не помню. Вот про корабль в первый раз узнал, который на Луну. Даже не верится.

Ну а дальше было стандартно. (Это я так подумал, что стандартно, хотя убей — не помню — откуда такие знание про психиатров, что им нельзя доверять). Приседал, зажмурился, касался себя по носу...

И когда уже шел обратно в палату, изрядно утомленный, кстати, вспомнилось начало этой блатной песни:

Постой, паровоз, не стучите, колеса,

Кондуктор, нажми на тормоза.

Я к маменьке родной с последним приветом

Хочу показаться на глаза...

Поспел к обеду. Ослаб, но пришлось тащиться в столовку. Суп без мяса, но с картохой. Каша перловая с кусочком вареного мяса. Хлеб, кубик сливочного масла, чай жидкий из огромного чайника, как в армии (я был в армии?). Вкусно, но аппетита особо нет. Поплелся в палату — устал. Лег, накрылся с головой двумя одеялами. Уснул.

Проснулся от возникшего во сне вопроса — как «кондуктор» может нажать на тормоза? Кондуктор должен проверять билеты... Это, если в трамвае. Ну а в поезде? В поезде — проводник. Ну — да, проводница, свирепое создание у которой всегда водку можно купить с наценкой.

Решил провести собственную психологическую экспертизу. Во-первых, сны. Мне снилось детство, там в детстве был балкон и жираф, образ чем-то навеянный. Чем? Скорей всего стихами Гумилева. Кто такой Гумилев? Русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, прозаик, переводчик и литературный критик. Первый муж Анны Ахматовой, отец Льва Гумилёва. Эко у меня голова работает! Может я — литератор? Тем более, что в газетном деле разбираюсь, знаю про подверстку, про метранпажей и линотипичек, вернее про операторов линотипа, где чаще работают женщины. Скорей не литератор, а журналист. Был бы писателем, так искали бы уже. Да и в КГБ данные с фотографиями есть на всех писателей, легко проверить.

С другой стороны сюда не вяжется сон про то, как я в батарее подъезда обеды грел и жрал. Да и пиво — какое такое Балтика с номером, когда у нас в СССР только жигулевское по 22 копейки кружка. Бывает, двойное золотое из Чехословакии завозят, но хрен достанешь. Э-э-э, еще вспоминается пиво «Золотой колос», который можно было купить прямо в автомате, как газировку, но за 20 копеек.

Так, завязываем пока с пивными воспоминаниями, сделав вывод — пациент любил выпить. Иногда допивался до полной нищеты и собирал обеды, пил одеколон и опять же пиво. Но, судя по первому сну, я вроде рос в интеллигентной семье. Тогда как объяснить мою стилистику: то интеллигентная и правильная речь, то грубые выражения и типичный уголовный сленг. Пусть даже эти речи произношу про себя, как бы осторожничаю. Интересно, а сколько мне лет?

И я сделал то, что по всем литературным штампам должен был сделать в первую очередь — приподнял одеяло, оттянул резинку пижамных штанов и заглянул. Мужское

достоинство оказалось вполне достойным, так что возраст мой по меньшей мере старше восемнадцати. Да, было воспоминание об Армии, служил. Значит где-то за двадцать.

Попытался напрячь бицепс. Вполне упругий, не маленький по объему, хотя рука тоненькая, не мужская. Ну так служил, видать, недавно. Дембеля хилыми не бывают. Узкое запястье, длинный пальцы. Музыкальные. Где-то видел пианино, надо попробовать, вдруг я музыкант?

Попытки самоанализа прервала та нянечка с вредным голосом:

— Больной, просился купаться — так иди скорей, а то другие душ займут. Иди, пока горячая вода течет!

Пошел. Действительно тело чесалось от ночного пота. Пошел, но был остановлен тем же противным голосом:

— Ну и куда поперся, больной? Сменку возьми, дурья твоя башка.

Повернулся, забрал из рук нянечки тощую стопку белья: кальсоны с штампами, рубаха с штампами, вафельное полотенце со штампами, кусочек хозяйственного мыла и такой же — туалетного.

— Больной, голову хозяйственным промой попервости, а потом розовое трать. Оно духмянное.

[1]Небесная лодка — Елена Касьян

Пролетарии всех стран, соединитесь!

К борьбе за дело Коммунистической партии

Пионерская

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета сесоюзной пионерской организации имени В. И. ЛЕНИНА

Год издания 36-й
№ 96 [4431]

Пятница, 2 декабря 1960 г.

НЕБЕ-
ОВЫЙ
ОЛИМПИЙСКИЙ

ВСЕМ КЛАССОМ

ИДУЩИМ В Д

Первое здание пионеры!

Министр

ZU PRO 7 Plus
CAMERA

2020.03

"Обыкновенно за обрывками воспоминаний, ему самому непонятными, скрыты бесценные свидетельства самых важных черт его духовного развития".

Зигмунд Фрейд

Прошло три дня. Я теперь не забывал каждое утро недавнее течение событий, но память упорно отказывалась раскрывать тайну моей личности. Участковый, посетивший меня недавно, скептически отнесся к предложению запросить обо мне КГБ. Даже как-то насупился от упоминания этой организации. Но объявление с моей фотографией в местную газету дать пообещал. Вернее пообещал прислать журналиста, который напишет о человеке, потерявшем память.

Ну с помощью газет и расспросов удалось мне выяснить, что я нахожусь в городе Вязьме (четыре часа на поезде до Москвы, а на машине — три), в которой несколько фабрик и есть учительский техникум. Вязьма — неременная остановка путешественников по России на дороге в Смоленск. Здесь не только живописные пейзажи и старинные церкви, здесь — немеркнущая воинская слава. Вязьма принимала на себя удар европейских захватчиков, заслоняя Москву, сгорала дотла и возрождалась вновь. Здесь вам обязательно расскажут, что в ходе боев Великой Отечественной войны город практически был стерт с земли, разрушен. Но меня интересовало иное — как я тут очутился, если память скорей к Москве привязана. Судя по снам.

Мне вот как раз прошлой ночью снилось, будто живу я в общежитие какого-то завода, отдельная комната у меня в этой общаге и плачу за неё по-черному прямо комендантше. Кто-то вроде подсказал мне, что там можно пожить халявно, вот и пришел, договорился. Вещей с собой немного, небольшой чемодан. С деньгами напряг. В общежитие есть кухонька для жильцов и вот в ней-то я и вожусь, супчик варю. Э-э-э нет, не супчик. Варю я три сосиски, в комнате на табуретке накрыт газетой стол, там ломоть хлеба и головка чеснока. В тумбочке стоит заветная чекушка, вот сейчас доварю лакомство и пойду завтракать.

А потом надо искать деньги.

Это я одновременно сплю, варю сосиски и планирую свое поведение после еды. И вижу двойным зрением, как выхожу из общаги, представляющей двухэтажное здание глубоко во дворе. Выхожу, значит, из общаги, из двора и утыкаюсь в Краснопресненскую баню, которая не Сандуны, конечно, но тоже ничего. И мимо бани я уже выхожу к Зоопарку, а там рядом и метро по обеим сторонам дороги. Причем прекрасно знаю, что у центрального входа в зоопарк располагаются сразу две станции Московского метрополитена — «Краснопресненская» (Кольцевой линии) и «Баррикадная» (Таганско-Краснопресненской линии). Но что-то меня во сне ужасно смущает. Я снова мысленно выхожу из общежития, из двора и смотрю на баню, около которой все забито автомобилями, даже на тротуаре стоят. И я понимаю, что этого быть не может, ибо автомобили все иностранные: опель, Фольксваген, тойота, субари, форд... Откуда, скажите, в СССР столько иностранных машин, пусть даже и в самой Москве. Нет, есть возможно, вон слышал будто у самого Высоцкого мерседес, но тут, утром, у захудалой бани?

И тут я просыпаюсь с чувством несомненного голода и жалею, что не доварил сосиски.

И топаю на кухню урвать корочку хлеба.

Нянечки дают кусман хлеба с маслом и щедро посыпают его сахаром. Никогда не пробовал такой вкуснятины!

Нет, когда-то и где-то пробовал подобное. Но память приносит лишь разрозненные отрывки видений: домик в какой-то местности, где между высоких сосен стоят открытые веранды, полные людей; слово, не несущее информации, хотя и с расшифровкой — «ФТИ — Физиотерапевтический институт»; спичечную коробочку, полную божьих коровок, которую я вытряхиваю в траву, и детский голос: «Вован, дай откусить кусманчик?».

Может я — Вовка. Пробую имя вслух, обсасываю его, как мятный леденец: Вовка — божья коровка, где твоя иголка? Вован, Вовк, Владимир, Вова, Володимир, Владимир. Владимир Ильич? А чё — хорошо, буду Владимиром Ильичем. Зовите меня просто — Ильич.

Я уже почти оправился, мне еще колют пенициллин, но всего два раза — утром и вечером. Дают витамины, желтые шарики с кислым вкусом. Один раз поставили капельницу с витаминным раствором. Старшая сестра нашла в своих катакомбах старый спортивный костюм — теплую куртку с молнией до конца и надписью СССР на спине, такие же шаровары с задним кармашком. Так что я более менее прилично выгляжу и могу выходить в больничный двор. Шубы и теплые пальто с шапками висят на коридорной вешалке, больные не слишком охочи до прогулок. Там голо и снежно. За забором, за снежным бруствером (снег сметают к забору, не вывозят) виден город. Похоже, больница находится близ центра, так как через улицу в голых ветвях тополей просматривается гордость каждого советского города — Городской Комитет КПСС, Горком партии. Спиной к нему стоит мой тезка (если я действительно Владимир). Он в пальтишке, по-зимнему, а кепку снял, зажал в правой руке. Левая в кармане. Стоит лицом к народу, а к власти — спиной[1]. Все правильно. Откуда же мне на память приходит такой же Ленин, но стоящий лицом к райкому? Да, да, именно к райкому. И я там фотографировал свадьбу... Вроде...

Четко вспоминаю — поселок Еланцы. Который расположен в 200 км от Иркутска и насчитывает около 4000 жителей, среди которых преимущественно буряты и русские. Там я в КБО работал фотографом, интересный был обычай: на похороны и свадьбы делать коллективное фото напротив поссовета рядом с памятником Ленина. И фотограф сопровождал такую свадьбу, обходясь не казенным, на треноге, а личным, узкоплечным. в КБО (Комбинат Бытового Обслуживания), получил даже съемочный зал с деревянным фотоаппаратом на треноге и неплохую лаборатория. И возможность зарабатывать раза в три больше, чем в редакции.

Воспоминание прожигает мою дурную голову, нахлынывает слабость. Сажусь на лавочку при входе, где летом наверно курят врачи. Следовательно я действительно имею некое отношение к журналистике. И к фотографии. Вот бы еще время этого эпизода из прошлого моей личности определить. Надо бы в библиотеке посмотреть в энциклопедии, что это за поселок такой Еланцы и когда там КБО открыли?

С этими мыслями бреду домой, коим теперь стала больница. Санитарка рассказывала об одном таком, потерявшем память, так он по её словам больше месяца в больнице жил. В кочегарке работал, помогал, за что его кормили и одежду сгношили — тоже голый попал, в реке выловили чуть живого.

— Но потом оклемался, взбодрел, — рассказывала санитарка, — и начал ко мне клинья подбивать, стервец такой.

Я посмотрел на обвисшие щеки женщины явно преклонного возраста и сомнительно спросил:

— И что, уступила ты ему?

Она улыбнулась:

— А чего, парень видный был, на груди орел наколот в когтях герб держит. Когда память вернулась, оказалось воевал, награды есть. А я тогда бойкая была, на танцах всегда первая. Эх, было времечко! Вроде и город наш весь разрушен, немцы пленные работают, восстанавливают, и в магазинах даже за хлебом очередь, кроме консервов морской капусты — шаром покати, а и плясалось, и пелось. Эх! — она махнула рукой и пошла по своим делам, а я так и остался сидеть, опаленный призраком недавней войны.

Я теперь в общей палате, инфекционной. Десять коек, пять тумбочек, шторы на окнах, пару стосвечовых лампочек под потолком. Зима, мух нет. От вероятных вшей — прожарка. Я опять иду к расстроенному пианино «Красный октябрь» в надежде обнаружить в себе элементы музыканта. Увы, одним пальцем удалось сыграть «Домино», а двумя с примитивными трехпальцевыми аккордами — «Не брани меня родная». Это прогресс, когда в первый раз сел, то получилось лишь: «*ми-до-ми-до-фа-ми-ре-соль-соль-соль-ля-си-до-до-до* — ». Помните:

«Гнедич, Гнедич! Где ты был?

На Кавказе ж...ку мыл;

вымыл разик, вымыл два,

освежилась голова»?

Ой, это же чижик-пыжик! А меня чего то на Пушкина потянуло. Похоже, я все-таки имею некое отношение к литературе? В то же время вчера радио в соседней палате починил, откуда умею? Там всего лишь предохранитель перегорел, вставил проволоку и посоветовал купить новый. Приемник простенький, четырех ламповый супергетеродин «Воронеж» с двумя ручками управления. Одна ловит в диапазонах длинных и средних волн, вторая регулирует громкость.

Обычный то, обычный, но откуда знаю. Правда мои умения никого не удивили, как сказали соседи их дети тоже увлекаются радиолобительством и даже журнал такой есть «Радио». Массовый ежемесячный научно-технический журнал, тираж более 300 миллионов.

Так что мою память ни пианино, ни радиоприемник не стимулировали. Зато пришел журналист, сделал фото и подготовил небольшую заметку о том, что в городской больнице мается больной, позабывший кто он и откуда? Мы с ним неплохо поболтали и он тоже считает, что я по профессии журналист.

— Ну и что, — сказал он, — у нас многие корреспонденты сами фотают, не ждут фотокора. У меня самого в кладовке и увеличитель есть, и бачок для проявки пленки, и глянецватель. А бумаги в магазинах полно: контрастная фотобром, унибром, есть даже для коричневых портретных отпечатков. Не ссы, раскопаем твою биографию, нашу газету многие читают.

Дай бог, как говорится. Но на него надейся, а сам не плошай. Так что решил проверить

свое отношение к алкоголю — ну не зря же память такие пьяные сцены подбрасывает. Хотя, если я журналист, так они говорят там в редакциях и не просыхают. Кто говорит? А хрен его знает, кто?

Но как набраться, ежели денег ни копя, да и в палате что-то богатых алкашей не видно.

Я уже пробовал занимать, но никто не дал. Им чё — им жены пожрать приносят, а мне больничной шамовкой приходится перебиваться. Теперь, когда на поправку пошел, маловато, хотя кормят в целом нормально. Утром манка, посыпанная сахаром или политая вареньем с чаем, вечером — кофе и хлеб с маслом, печенье овсяное. Кофе с молоком, но какой-то странный, не бодрит и горький. Но в чем тут загвоздка я пока не выяснил. И обед не плохой, я уже рассказывал. Так что соседи в палате жадные попались, хоть по воспоминаниям люди в СССР не были жадными и всегда делились. Не помню чем, но ясно помню, что товарищ товарищу помогал и в учебе и в труде. И очень мне как-то обидно, что денек нету даже на кружку пива, хотя какое там пиво зимой. И не знаю, где тут в этой Вязьме пивнушка? Но обидно. Очень!

И в процессе таких эмоциональных раздумий будто некий второй я вмешался в мою больничную деятельность. И через час я засунул в кармашек спортивных штанов целый червонец. Целый розово-красный чирик с невозмутимым Лениным на правой половине. Слева герб СССР. Справа В центре номинал. Ниже текст «Билет Государственного Банка СССР. 10 Десять рублей. Банковские билеты обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и прочими активами государственного банка». Справа купонное поле для просмотра водяного знака, гильош с номиналом и подписью.

— Деноминированный, — гордо сказал владелец, выигравший в палатном аукционе ампулу с возбудителем, послереформенный. Не то, что старые портянки. Можно на золото обменять[2].

— Где? — сразу спросил я.

— В Москве, в главном банке, вот же написано.

Но расскажу подробнее о том, как я будто зачарованный спер в сестринской ампулу глюкозы и в туалете долго оттирал надпись. Потом, одолжив иголку, старательно, боясь расколоть, нацарапал иностранными буквами: “VOZ”, положил в карман пижамы и как бы невзначай вынул после ужина, стал рассматривать. Скучающие соседи, естественно, поинтересовались — что за ампула такая?

— Возбудитель иностранный, — коротко сказал я. — Стояк от него всю ночь.

Не знаю, как моему подсознанию удалось выдумать эту аферу, но вскоре состоялся настоящий аукцион, где победителем оказался жирный и неопрятный бухгалтер какой-то конторы. Жена, довольно красивая женщина лет сорока каждое утро приносила ему в баночках с пластиковыми крышками супы и вторые блюда, но он еще и в столовую ходил... Как только влазило! Ему выписывать с его кожной инфекцией только через неделю, успею смотаться прежде чем он испробует мой “VOZ” на практике. Но вреда не будет, глюкоза полезна.

С червонцем, в спортивном костюмчике с надписью СССР, в чужом пальто с шалевым воротником и в чужой шапке-ушанке я двинул кони (ну откуда у меня в лексике столько жаргона) на поиски забегаловки. Которая обнаружилась недалеко от больницы рядом с гастрономом. Вертикальная надпись: «Рюмочная» освещалась витриной гастронома, где

лежали макеты колбас, сыров и картонные окорока. Дощатая дверь питейного заведения захлопнулась за моей спиной,

Как-то, связи с этим и от ощущения свободы, сразу вспомнилось:

«В коридоре к уходящему Бендеру подошел застенчивый Альхен и дал ему червонец.

— Это сто четырнадцатая статья Уголовного кодекса, — сказал Остап, — дача взятки должностному лицу при исполнении служебных обязанностей.

Но деньги взял и, не попрощавшись с Александром Яковлевичем, направился к выходу. Дверь, снабженная могучим прибором, с натугой растворилась и дала Остапу под зад толчок в полторы тонны весом».

— Удар состоялся, — сказал я громко и потер ушибленное место, — Заседание продолжается, господа присяжные заседатели!

Раз, два, три, че- ты- ре, пять, вы- шел зай- чик
по- гу- лять. Вдруг о- хот- ник вы- бе- га- ет,
пря- мо в зай- чи- ка стре- ля- ет: «Пиф, паф» —
не по- пал, быс- трый зай- чик у- ска- кал.

[1] Простите авторскую вольность, памятник нынче возвышается возле ДК Центральный, а в далеком прошлом, его место было у городского театра.

[2] На самом деле обмен начался 1 января 1961 года. В обращение были выпущены банкноты нового образца достоинством 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей в соотношении 10:1 по отношению к старым асснациям большого размера.

*Выпьем, братцы, пока тут,
На том свете не дадут,
Пока тут — живи, не унывай!
Ну, а если там дадут,
Выпьем там и выпьем тут,
Там и тут друзей не забывай!
Леонид Север*

Как-то тускло мне показалось в забегаловке, какое-то предвкушение праздничных кафушек сразу угасло. Лишь в памяти светилась надежда, что где-то есть чистенькие вечерние места отдыха с разными напитками и красивыми закусками. Тут же все было просто: напитки — столичная и московская, закуски — шпротина на хлебе или ломтик селедки на хлебе. Несмотря на скудный выбор народ толпился. И было две очереди: во второй отпускали пиво в свою тару.

— Пену будем ждать, пока осядет? — хрипло вопрошала дородная мадонна пивного крана.

— Нет, нечего ждать! — отвечали задние в очереди.

Второй продавец, на сей раз мужик с рыжими усами на бульдожьей красной роже, распорядился стопками водки и кружками пива. Функцию стопок исполняли мытые в тазу граненные стаканы, куда наливали на глаз — половину или полный.

Стоило все это убожество недорого, сто грамм водки — 70 копеек, пиво — 22 копейки, закуска — 8 копеек. И это с ресторанной наценкой.

Я отошел к «стоячему» круглому столику, расчистил от селедочных объедков и газетных клочков место, пригубил свои первые в новой жизни сто грамм. Чего-то необычного в водочном аромате не нашел. Сивухой не пахнет, ацетоном не отдаёт. Легкое жжение в желудке ощутил спустя 3–5 секунд. Послевкусие нейтрально-водочное с небольшой, я бы даже сказал, минимальной сладостью. Не фонтан, а так вполне приличная водка.

Отхлебнул пиво. Кислятина жидкая. А вот закуска вкусная, особенно хлеб. Допил водку, подошел к краснорожему, спросил:

— А не разбавленное пиво есть?

На меня окрысился не только продавец, но и покупатели. «Пей, что дают. Неразбавленного он захотел! Я — чо, буду тут упираться за 75 рублей!

Действительно, подумал, ведро на бочку особо и не чувствуется, а продавцу приварок.

Какой-то старичок дернул меня за рукав:

— Они, слышь, еще по-божески. Не шибко разбавляют. Вон в ларьке Клавка, та и по два ведра льет. Зато тут водка хорошая, настоящая московская.

— Ну тогда еще сто грамм налей и селедку.

Селедка оказалась не такой вкусной, как шпротина. А хлеб — очень. Я стал думать о том, что где-то приходилось кушать невкусный хлеб раз ощущения все время подчеркивают вкусноту его и в больнице, и в забегаловке. Казалось, обычный черный хлеб...

Двести грамм в желудке пригрелись, растеклись по кровеносным сосудам, достигли

головы. Мне стало хорошо и как-то душевно тепло. Невнятный говор за столиками — резкий и пьяный по началу, обтекал мягкой ритмичной волной мою ватную голову. Я заказал еще порцию и закуску с шпротиной.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен...

И как-то обнаружил себя уже с приятелями, да и пиво организм принимал уже не морщась.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»[1] кричат.

Смутно помню, что читал стихи, с кем-то чокался, с какой-то дамой преклонных лет выпил на брудершафт и долго оттирал губы от её сладкой помады. А потом кончились деньги и рыжеусый продавец налил мне «дружеские» 150 грамм и дал хлеб с двумя шпротинами. Ну вроде как «по приятельски». После того, как я пообещал написать в газете о том, как он не только разбавляет пиво, но и бодрит его стиральным порошком.

— Свежесть или кристалл используешь? — спросил я ехидно. — Воду тебе прощают, но даже за соду не помилуют, особенно когда в газете пропечатают.

Я твердо знал при общем беспамятстве, что для пены торгаши используют соде или даже стиральные порошки. Вкус пива практически не меняются. И вот на этой пене, если не требуют отстоя и долива, пивные бароны имеют не менее пятидесяти рублей за день. За день, при средней зарплате инженера 120 рублей в месяц.

— А ежели тебе мои люди сейчас ребра просчитают? — не менее ехидно сказал продавец.

— Ты меня в первый раз видишь? И не знаешь — кто я такой. Так я представлюсь — новый сотрудник местной газеты. И что там насчет ребер?

— Слушай, — продавец льстиво заулыбался, — слушай, вот я тебе налью дружеские сто-полста настоящей столичной, и мы забудем этот разговор.

Он действительно налил, а я хладнокровно выпил и зажевал — вкусный хлеб со шпротами! И сказал:

— Ты имеешь в хорошие дни полтинник, не меньше. Ну делишься, естественно, все как положено. Будешь и мне двести пятьдесят отстегивать раз в месяц. И мы забыли этот разговор.

— Сто пятьдесят, — приступил он к любому делу — торговле.

— Двести и завязали.

— Ну, если ты действительно журналист новый...

Потом я брел в группе новых «друзей» по зимнему городу. Где-то мы ухитрились купить бутылку водки и распивали её в сквере у неработающего фонтана. Так прямо, сидя на бортиках чаши бассейна, в середине которого стоял слоник, заваленный сугробами. Хобот у слонячьего детеныша был направлен вверх и, наверное, летом из него била вода, а в бассейне бродили голоногие дети.

Мы пили водку из неизменного граненного стакана (мелькнуло какое-то воспоминание, будто бывают бумажные стаканы — какая глупость), который хранился в дупле соседнего дерева. Видать не одни мы пользовались в ночное время гостеприимством этого сквера.

Ну а потом я брел по улице уже в одиночестве и почему-то напевал:

Просто я живу на улице Ленина,
И меня зарубает время от времени.
Как ненавижу, так люблю свою родину.
И удивляться здесь, право, товарищи, нечему.
Такая она уж слепая глухая уродина,
Ну а любить-то мне больше и нечего.
Вот так и живу на улице Ленина,
И меня зарубает время от времени[2].

— Так мы сейчас на улице Ленина, ты в каком доме живешь? — раздалось под ухом.

Оказывается я бреду прямо по проезжей части, а рядом, вроде давно, едет милицейский бобик (память подсказала, что так зовут ГАЗ-67Б) и менты слушают как я горлопаню.

— Песня хорошая, слова напишешь? А мы тебя домой завезем, а то замерзнешь.

Заботливая милиция — что-то новое. А как же вытрезвитель, план выполнять? Тем ни менее ощутил, что действительно холодно, что шубейка распахнута, ноги ледяные. А я ведь еще вчера метался в жару с воспалением легких.

— Меня, братцы, лучше к больнице. Я в инфекционном лежу, воспаление легких было. А слова напишу конечно. (А сам подумал — интересно, существует ли в этом времени группа «Ноль»? Вроде, Чистяков еще не родился?)

Именно тогда в памяти проклюнулось осознание, что я не помню то, что было, зато помню то, что будет. И эти мгновения прозрения позволяют мне определиться со своей личностью, надо только аккуратно фиксировать и соотносить хронологически. Мысленно начертить линию с 1930 плюс-минус года, когда я приблизительно родился, довести её до окончания века и ставить отметины справа или слева от главной точки 1960 года.

Ну а меня в ту ночь довели от улицы Ленина, где, как оказалось, и был знаменитый фонтан со слоником, сами постучали, объяснили дежурному, что доставили больного и что он, якобы, помогал работникам милиции. Совсем компанейские ребята оказались, будто и не в ментовке работают. После армейской службы. А водитель служил, как и я на Дальнем Востоке под Ружено в ПВО (еще одна пометка в память — вот что Московская живородящая делает).

Ну а ночью предположение о том, что я служил под Ружино подтвердилось по военному четко. Мне снилось, будто я получил командировку в охотхозяйство Сидатун, где жили староверы, ловцы зверей в Уссурийской тайге. Дело в том, что они недавно отловили тигренка, а тигрица всю ночь бродила вокруг казармы и мяукала. В результате даже оправляться приходилось в ведро, а перейти ночью на локаторную станцию невозможно. Амурские тигры охранялись государством, мы могли лишь просить охотников её отловить и перевезти в другое место или продать в зоопарк.

Четыре брата, кряжистые староверы, промышляющие охотой и отловом диких

животных для зоопарков, были мне знакомы. Помню, как гостил в их рубленной навечно избе, где мне, как чужому, поставили отдельную посуду, чтоб не “загрязнил”, но сделали это тактично, ссылаясь на то, что городскому человеку надо посуду тонкую, благородную, а не эти “тазики”, из которых они, люди лесные, едят. За стол село семь человек: дед, отец, братья-погодки, старшему из которых было уже сорок, хозяйка. Дочь подавала на стол. Все мужчины казались одного возраста. Коренастые, пышущие здоровьем, с короткими — шкиперскими — бородами, голубоглазые, светловолосые. Разве, что у деда чуть больше морщин проглядывало вокруг русой, без единого серебряного волоска, бороды.

На первое была густая похлебка из сохатины. Все, кроме меня, ели прямо из огромного глиняного горшка деревянными ложками, четко соблюдая очередность и подставляя под ложку ладонь, чтоб не капнуть на блиставший белизной дерева стол. Кто-то из братьев поторопился и дед сразу звучно вмазал ему ложкой по лбу. Посмеялись.

Потом дочка поставила деревянное блюдо с жареным амуром и чугунок картошки. Появились на столе и разносолы: грибочки разных сортов соленые и маринованные, огурчики, помидоры, зелень, морошка, брусника. После нежной, бескостной рыбы появилась чугунная сковорода с жареной медвежатиной. Там были печень, сердце, часть окорока.

— Хозяин подранка встретил, — сказала мать, будто оправдываясь, что медведь добыт летом, не по сезону. (Медведя бьют поздней осенью, когда он в самом жиру, или поднимают из берлоги.)

Дед добавил:

— Дурной был, плечо болело. Память мог кого-нибудь, пришлось стрельнуть.

“А ведь ему, должно быть, далеко за восемьдесят”, - с завистью подумал я.

Вместе с рыбой был подан и ушат браги. Настоящий ушат емкостью ведра на два. Мужики брали его за деревянные уши и, высоко подняв над головой, лили в рот пенистую, медовую жидкость. Это единственный крепкий напиток, который они себе позволяют. Курево в их среде считается грехом, как и употребление алкоголя. Настоянную на меду забористую брагу они алкоголем не считают. И они, наверное, правы. Для них это просто стимулятор, как для нас кофе. Мне брагу налили в чудную из обливной глины кружку. Едой мой желудок был заполнен до отказа, а хозяева, казалось, только начали трапезу. Был подан горшок с кашей и рыбный пирог величиной с колесо от трактора “Беларусь”. Я пытался отказаться, но когда попробовал, съел свой ломоть за милую душу. Пирог был в четыре слоя: амур, лук с яйцом и укропом, сима (одна из самых нежных разновидностей красной рыбы, кета или горбуша по сравнению с ней, как пескарь по сравнению со стерлядью), снова лук, но уже с картошкой и капустой.

Подчистили и эти блюда. Горшок с кашей выскребли до дна. Брагу допили. “

— Яишню будете? — спросила хозяйка. — С кабанятиной можно ее?

Мужики подумали, посмотрели на деда. Было видно, что они не прочь. Но дед, к моей радости, покачал головой.

— Жарко сегодня, — сказал он. — Лучше почаевничаем.

К чаю в старинном с медалями самоваре, который, как и все в этой хате, был большущим, основательным, на века, были поданы пироги, блины и варенья из земляники, брусники, голубики, костяники, морошки. В чай были добавлены стебли и листья лимонника — удивительного по вкусу (настоящий лимон) и стимулирующему действию растения. Десяток ягодок лимонника напрочь снимают усталость, позволяют идти по тайге сутками без отдыха...

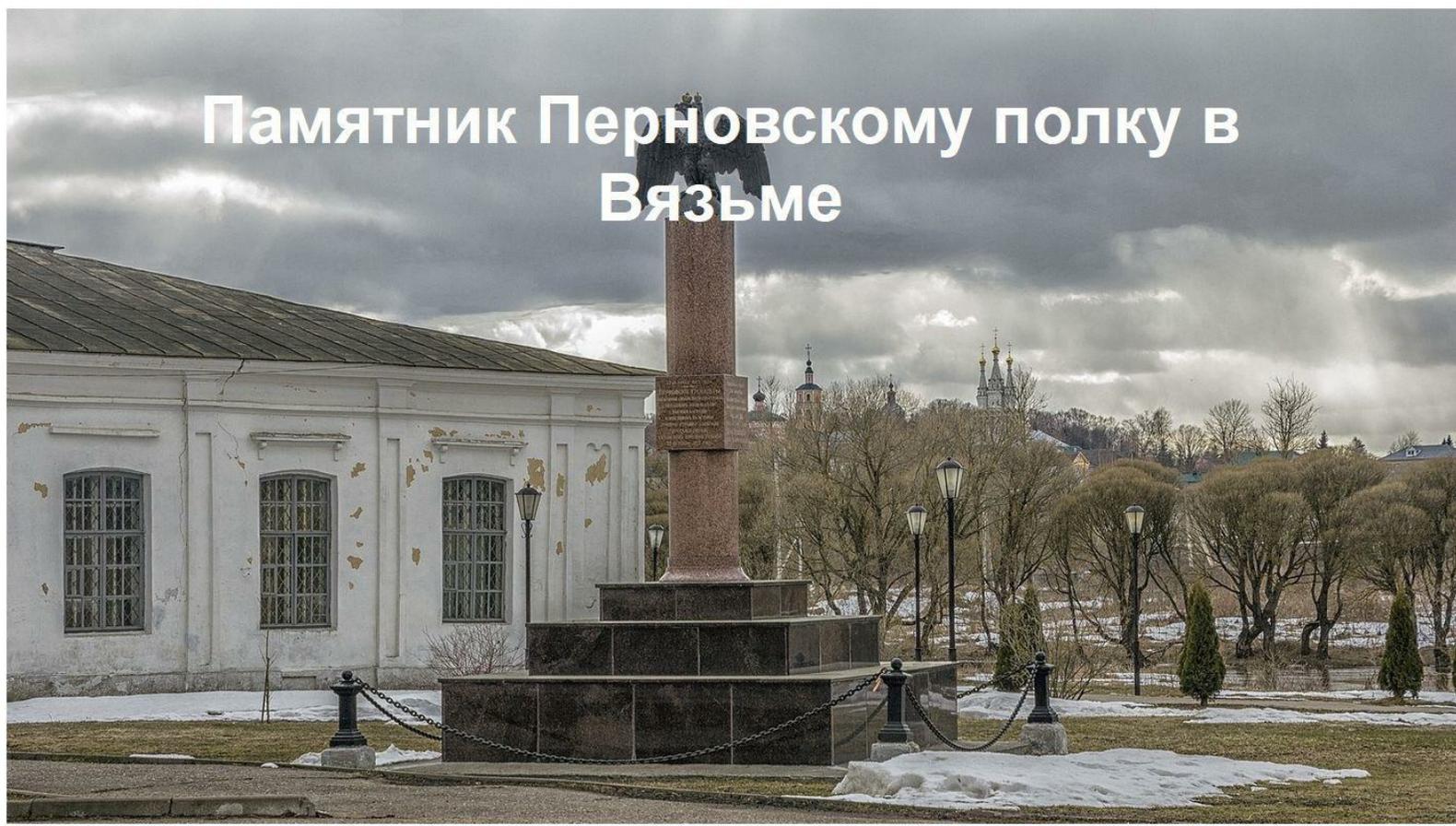
— А на кварц кто ходить будет? — вдруг сказала хозяйка, разрушая послеобеденный кайф. — Как по ночам шляться, так мы первые, а как предписания доктора исполнять, так мы дрыхнем!

Я открыл глаза и посмотрел на медсестру, не говоря ни слова.

Медсестра молча посмотрела на меня.

— Иду, иду, — спустил я ноги с кровати, — вот только в туалете отмечусь и на кварц.

Памятник Перновскому полку в Вязьме

[1] Истина в вине, «Незнакомка», Александр Блок.

[2] «Улица Ленина» — песня группы «Ноль». Автор текста и музыки — Федор Чистяков.

Во снах моих Даманский, как вопрос,
Зачем мы «градом» там людей сжигали,
когда потом алкаш — российский бос
со сворой — остров запросто продали.
Хотел сказать: «пропили», просто так,
(сколько запросто «пропить» мою Россию!)
но я, возможно, охламон, чудак,
которого в ней чудом не доби́ли.

Владимир Круковер, Воинский сборник

Лечащий врач, не зная уж как долечивать приبلудного потеряшку, решил взбодрить мою амнезию витаминами и кварцевым облучением. Солнца в Вязме по причине болотной низменности в декабре было мало, да и снег все время шел. Так и я не прочь загореть прямо в больнице, так что одевал синие очки и смирно лежал на спине или брюхе, кварцевался. Все равно завтрак проспал.

Собственно, и не хотелось есть. Какое — никакое, но похмелье наличествовало. Я лежал и пытался четче вспомнить арамейский сон, как-то проявить собственную личность. Вместо деталей службы почему-то всплыли стихи:

По вечерам я очень трудно сплю,
поскольку болят раны и суставы,
не столько сплю, как в забытьи дремлю,
забыв про службу и её Уставы.

Во снах моих Даманский, как вопрос,
Зачем мы «градом» там людей сжигали,
когда потом алкаш — российский бос
со сворой — остров запросто продали.
Хотел сказать: «пропили», просто так,
(сколько запросто «пропить» мою Россию!)
но я, возможно, охламон, чудак,
которого в ней чудом не доби́ли.

Стихи не подарили ответа, озадачив новыми вопросами. Что случилось на Даманском — маленьком, никому не нужном островке тут недалеко на реке Уссури? Кто такой «алкаш — российский бос? И почему бос?

В общем стихи были гнилые, антисоветские — это чувствовалось. И я даже перестал их вспоминать, потому что перегружали они мозг.

Ну а после процедур я был свободен, как выздоравливающий, до обеда, но мою свободу ограничили посетители. Буквально паломничество к моей койки началось.

Первой пришла старушка.

Не «божий одуванчик», а такая себе — кряжистая. Сняв шубейку обнаружила телогрейку с обрезанными рукавами и множество кофт, прикрывавших плотное тело. Под суконной юбкой виднелись лыжные шаровары с начесом. Обута она была в коротенькие валенки, вставленные в галоши.

— Ой, сыночек, — присела она на табуретку у моей кровати. — Ой, как тебя жалко-то. Я как прочитала в газете про тебя, горемычного, так и собралась. Вот — пришла.

Я молча ждал продолжения. Бабка тоже помолчала для важности, продолжила:

— У меня в хате места полно, одна живу. Все мои давно в Смоленск перебрались. Но навещают. Иногда. Так вот я и подумала, жить то тебе, беспмятному, негде. Да и денег у тебя нетути, написано, что тебе голого подобрали. Вот, а у меня хата большая. И дрова некому поколоть, да в огороде по весне работа найдется. Ты же умеешь дрова колоть?

Я подумал: умею ли я колоть дрова? Возможно. Так и сказал:

— Не помню я, бабонька. Может и умею.

— Вот, — радостно сказала гостья, — я и говорю — должен уметь. А у меня в погребе картошки, так перебирать надо. Воду опять же таскать. В баньку, в бочку, на кухню — вода нужна всегда, а колонка далеко, куда мне, бабушке, с коромыслом то управится, не по силам ужо. А ты парень молодой, здоровый... Здоровый, чай?

— Ну да, выздоравливаю похоже, — сказал я, наслаждаясь речами хитрой бабули.

— Так ты выздоравливай быстрее, да и давай ко мне. Вот адрес. И вот я тебе пирогов напекла с картохой. Много в подполе картохи, так перебирать надо. А пироги кушай, сама пекла.

Я потрогал узелок, пирожки уже остыли или вовсе были вчерашними. Проводил бабку добрыми словами, что подумаю, что время еще есть, не выздоровел пока до конца. И только вознамерился соснуть часок (привык к мертвому часу), как явился участковый.

Я почему-то подумал, что он крышует забегаловку, где я вчера рекетнул рыжеусого. Что такое рекет я и сам толком не понял, но подумаю над этим позже. А участковый пришел не просто, а принес мне временный паспорт — бумагу с моим фото, где было написано:

Временное удостоверение личности. Дано гражданину, который по причине травматической амнезии памяти не может назвать свои данные, но помнит свое имя — Владимир. У гражданина сняты отпечатки пальцев и разосланы вопросы по установлению личности в центральные отделы паспортных служб. Данное удостоверение служит временным документом для гражданина Непомнящих Владимира Владимировича, которое позволяет ему передвигаться по стране и устраиваться на работу.

Подпись начальника паспортного стола.

— Спасибо, друже, — сказал я. — Хоть на работу теперь устроюсь, аванс получу. А то ни одежды, ни жилья.

— Ну на работе тебе с жильем помогут, небось в СССР живем. Общежитие завсегда дадут. Или снимешь недорого, тут в Индии одинокие недорого пустят на пожить.

— Приходила одна уже, картошка у нее, видите ли, в погребе портится, перебирать надо. И дрова колоть.

— А что ты хочешь, индивидуалистам горисполком не помогает, все сами. Все лето на рынке первыми овощами барыжат, а к зиме — картошкой. А ты парень, вроде, крепкий. Или еще не оправился? Как здоровье то?

— Да вроде выздоровел. Документ забавный, но хоть такой, спасибо. С меня пузырьрь.

— Ты сперва на него заработай, успеешь поставить. Я вот тебе бушлат принес, еще армейский. Теплый. Со вчерашней смены ребята, которым ты песни пел, обещали еще брюки и обувь принести, дома пошарят у кого что есть. Не пропадешь, среди людей живем!

Меня прямо растрогал этот милиционер. Мелькнула озорная мысль — пойти на работу в милицию. Только не возьмут сомнительного беспамятного Непомнящих Владимира Владимировича.

Следующий визит начался как-то «перестроечно». (Почему упоминается в обрывках памяти какая-то «перестройка» понять не смог). Зашел человек, мужчина лет сорока в теплом полупальто и овчинной ушанке и спросил:

— Скажите, вы верите в Бога?

Мне, опять так непонятно почему, показалось странным, что вопрос задан без акцента. Хотя, какой еще акцент у этого мужика с рязанским фейсом. И чудилось мне, что мужичек должен быть в пиджаке, белой рубашке и черной бабочке.

Мужик повесил на спинку свободной кровати свое зимнее и оказался в байковой лыжной куртке на зеленую рубаху, все на пуговицах, как и мои новые брюки в ширинке. Отсутствие молний смущало. Хотя никто и не вспоминал про них, так и пользовались пуговицами.

— Так вы, молодой человек, крещенный?

Соседи по палате, которые ответили на вопрос мужика частью отрицательно, меньшей частью положительно, ответили вместо меня. Частично, что я нехристь безбожная, частично, что не помнит он не хера.

А я сел на койке, нашарил вечно ускользящие тапочки, уставился на мужика явно не поповского вида.

— Наша товарищество приглашает тебя, брат, на службу. Сегодня после семи вечера. Если возжелаешь — могу проводить.

— Я — больной. А в больнице — режим.

— Ничего, договорюсь с кем надо.

— Зачем это вам?

— Мы, баптисты, заботимся о нуждающихся. О тебе в газете написано, что заблудился ты, брат, память потерял. Бог имеет заботу о человеке во всем, даже в мелочах — люди вообще не понимают, насколько каждый из нас находится в руках Бога. Даже многие православные теоретически, на словах знают, что Бог не только далеко, но и весьма близко, но на практике получается, как у язычников — Бог конечно же где-то есть, но лучше я положусь на себя и свои силы и на кого-то другого. Но в этом, конечно себе не признаюсь. Говорит Господь: проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорой, и которого сердце удаляется от Господа. Кто же признается в маловерии? Нет, мы самые верующие — перефразируя советский лозунг: «Святым Духом крепка и сильна вера наша и наша душа!»

— Это очень мило, братан. Но ваше общество даст мне одежду, жилье, денег на первое время.

— Мы подумаем, но попервости хотели бы узреть тебя на нашем собрании.

— Спасибо, но я — больной. А в больнице — режим. И я намерен режим соблюдать...

Было еще пару граждан, невнятно бормотавших о долге совести и о том, что есть и жилье, и работа. У одного — в закулисной деревеньке, где у него свинарник на 12 голов.

— А жилье очень даже приличное, избушку еще прадед сложил...

У другого на лесопилке под Смоленском:

— Всего пару часов на электричке, а дальше автобус ходит... раз в сутки.

В советском союзе, естественно, не бывает безработицы, но чтоб настолько не хватало рабочих!

Уже после обеда явился парень совершенно жиганского образа. В кепчонке с чубом и начищенных сапогах (правда не хромовых, а яловых) с попыткой смять голенища в гармошку. Он сразу на меня наехал, но перепутал кровати. Наверное сосед потрепанного вида показался ему более подходящей фигурой для наезда.

— Что б тебя больше никогда не видели в нашем кафе, — орал он, добавляя матерщинные эмоции, — ты, падла, осмелился уважаемому человеку угрожать!

— Эй паренек, — окликнул я его, давно с малолетки откинулся?

— Откуда ты знаешь?

— Чё тут знать-то. За бакланство попал, там не сладко было, откинулся двумя третями, треть хозяину оставил. Мужиковал на киче, поэтому скостили срок. Так?

— Откуда ты знаешь?

— У меня три ходки за плечами, все на дальняках. А сейчас ты косяк давишь, так скоро и на легавый пшифт упадешь.

— Чаво?

— Любой торгаш — фраер. А что вор делает с фраерами? Правильно, вор их доит, доит как корову. Деньгу с них берет. А ты пришел за фраера права качать. Не знал, кумекаю. Но тот, кто за фраера — тот ссучился. А что с суками на киче делают? Правильно, их чморят. Петушат и под нары загоняют. Нахон?

— Э-э-, я не знал.

— Вижу, что не знал. Вот потому и не чмору. Ты, братело, пойдя сейчас к этой красно морде и скажи, что я приказал каждый месяц выдавать тебе по пятьдесят рублей. Это будет твой воровской приварок, так положено. Нахон?

— Ну да, нахон[1].

Ну прощевай. Вот я выпишусь и объясню тебе что такое правильный вор. Хочешь быть вором?

— Ага, нахон, хочу.

— Ну иди, братан, иди.

Я отправил шпаненка, ибо мне надо было для самого себя хотя бы перевести на нормальный язык сказанное. Оказывается во время эмоционального напряжения мое внутренне «Я» ведет себя совершенно независимо и владеет недоступными мне знаниями.

Но голова разболелась от недавнего усилия, когда я почувствовал опасность. Нет, шпаненка бы я одолел, но от таких можно и нож в бок схлопотать. Знаю я таких, бесбашенных! Не помню, но похоже действительно знаю, общался, встречал.

Я на время оставил попытки восстановить хоть часть памяти, а пошел проверять себя в

играх. В настольных играх, которых в палате было две — домино и шашки с шахматами. В одной коробке. Оказалось, что в домино не шарю, в шашках тоже, просто переставляю, а вот в шахматы разнес двух соседей. Скорей они были слабыми игроками, чем я сильным, но чем бог не шутит, когда черт спит.

Или наоборот?

Не помню.

А перед сном вновь настойчиво забормотали в моей голове стихи, загадывая новые загадки и не давая на них ответа:

Хотел сказать: «пропили», просто так,
(сколько запросто «пропить» мою Россию!)
но я, возможно, охламон, чудак,
которого в ней чудом не доби́ли.

Я вырвался, пройдя три зоны, нож
нагретый так проходит слои масла,
но все, что сочиняю, — просто ложь,
поскольку Вера в Родину угасла.
Во снах моих Даманский и Афган
(Чечню уж не застал, но тоже знаю;
Возможно потому я — растаман
и регги, как основу, обожаю.

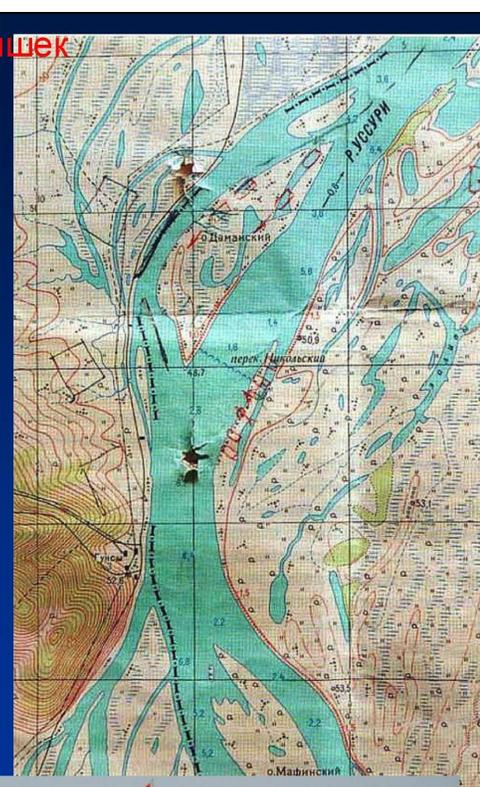
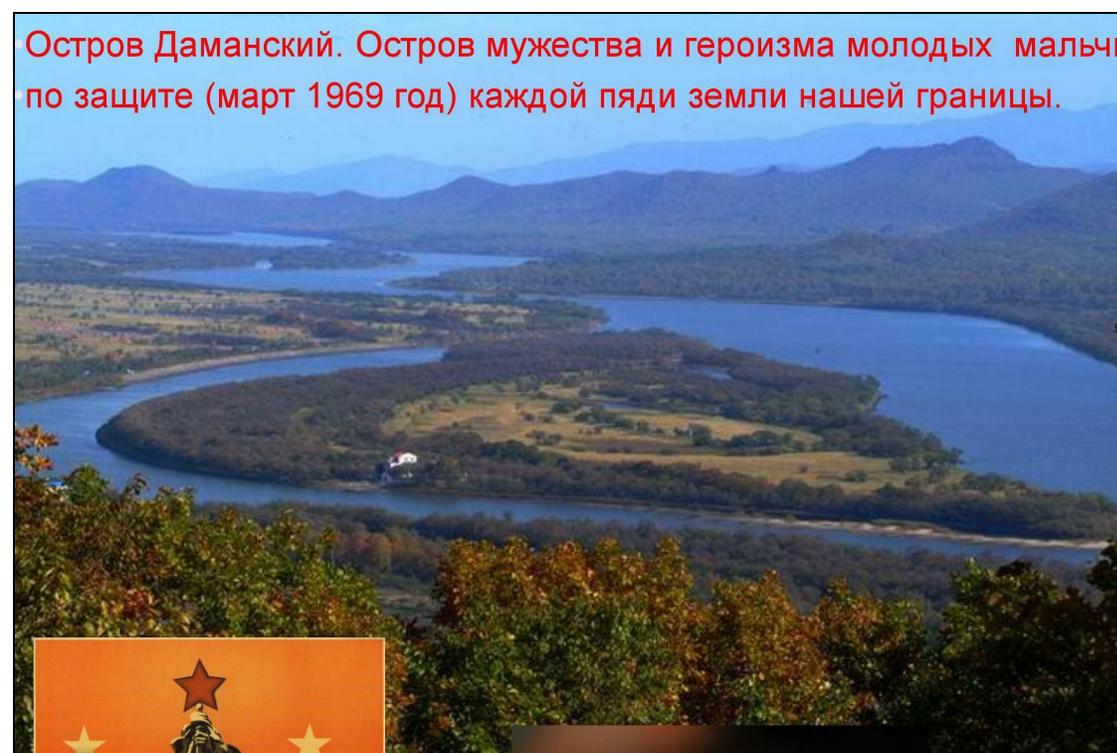
«Кайя знает дорогу до рая —
Держись вслед за ней, мой брат Исайя,-
Она утверждает,
Что эта задача простая».

«Зачем суетиться в слезах и тоске? —
Мы — голые дети в горячем песке...»

По вечерам я очень трудно сплю,
поскольку болят раны и суставы,

не столько сплю, как в забытьи дремлю,
забыв про Армию и про её Уставы [2].

Остров Даманский. Остров мужества и героизма молодых мальчишек по защите (март 1969 год) каждой пяди земли нашей границы.

- [1] נָכוֹן (нахон, иврит) — готов, верно
- [2] Владимир Круковер, Воинский сборник

Не верьте, Магдалина, во Христа,
Ему четыре шага до креста...
Владимир Круковер

Я проснулся совершенно очумелым, так как сон забросил меня в нечто ирреальное. Жара, жара, жара! И раздеться нельзя, потому что солнце сожжет беззащитную кожу.

Вода не успевает всосаться, выступая прямо из пищевода через кожу и мгновенно испаряясь.

Горстка иудеев презрела жару ради зрелища. Они сопровождают приговоренных к месту казни.

Ненормальные!

Куда приятней возлежать на козьих шкурах в прохладе глинобитного жилища, и пить прохладное кислое молоко.

Глупые римляне из-за этой казни мучаются на жаре в полной боевой готовности. Пилата, естественно, среди них нету — от во дворце, где фонтаны и мрамор надежно прячут от гневного солнца. Ала наемников на мелких лошадях проскакала на гору и оцепила лобное место. Отборные легионеры прошли туда же, вздымая сандалиями пыль. Как только не плавятся их мозги под медными шлемами?

Два бандита и проповедник волокут кресты на себе. Полное самообслуживание! Интересно, я бы в такой ситуации стал унижаться? Наверное стал, чтобы избежать побоев. Хотя, неизвестно что хуже — побои или такая «голгофа» с крестом на плечах.

Кстати, мы — интеллигенты распятие почему-то представляем по Булгакову. А на деле все иначе. И не кресты они волокут, а лишь перекладины поперечные. Основание креста, столб вкопаны постоянно.

Скоро их распнут, а спустя несколько столетий новое религиозное безумие охватит население. Уж кому — кому, а евреям надо бы уяснить, что запреты всегда вызывают аномальную реакцию. И хреновые последствия.

Если бы они не вынудили прокуратора казнить этого Назаретского безумца, то его идеи ушли бы в раскаленный песок Иудеи. И спустя столетия не служили очередными вожжами в руках попов-аферистов для управления толпой.

Если вдуматься, то в них нет ничего нового. Девять заповедей — это нормальный кодекс порядочного человека. Но человек пока еще — зверь. Зверь, в котором порой проглядывают человеческие черты. И мистическая сказка про смерть и возрождение, про бога и его сына гораздо понятней полужверю и получеловеку. И такому существу важней атрибутика этой сказки, чем конспективно-четкое изложение самой идеи.

— Эй, не толкайся!

Это мне, что ли? Да, мне. Задумался.

— Слива.

Понял и удивился. Хоть язык почти не изменился, разве что произношение. А удивился, потому что подобная вежливость тут пока не в чести.

А кто это, кстати? Знакомая рожа... А, а, а... Это же сам Иуда. Собственной персоной. Сопровождает своего учителя. Ну-ка, ну-ка...

— Эй, Иуда!

— Чего надо? (Ма царих)

— Ты действительно продал своего наставника за тридцать серебрянников?

— Что за чушь! Не за тридцать, а всего за четырнадцать драхм. Гроши. Хотя, за такого захудалого проповедника вполне достаточно. Ты представляешь, какие глупые вещи он излагал. Будто люди должны всегда любить друг друга и, даже, врага своего возлюбить.

— Действительно, чушь...

— А я что... Работа у меня такая, я же штатным осведомителем синода являюсь. И он, кстати, об этом знал. Вот дурак-то!

Действительно дурак...

Что ж, легенды редко соответствуют реальности. А Иуда ничего, симпатичный юноша. И одет хорошо: чисто и со вкусом. Надо думать, что должность осведомителей в эти века не считалась чем-то неприличным. Вон как держится с достоинством.

А зевак-то все меньше. Ясно дело, главное зрелище уже кончилось. Вот, когда они считали, будто от их голосов зависит, кого казнить — кого миловать, тогда толпа ликовала. А прибавление к кресту для них достаточно привычно.

Фу, ну и жара! К жаре привыкнуть невозможно. Как, впрочем, и к холоду. Это, кажется, Амундсен сказал? Про холод. Или Нансен? Не помню, а от холода загнусь..

Второе одеяло (верблюжье) у меня отобрали, так что выздоравливал на общих основаниях, под стандартным больничным. И к утру холод пробивал его насквозь! А сон — это вчерашний баптист навеял, долго бормотал про заповеди, про Иисуса, который за нас, грешных, на кресте мучился.

А я, признаться, ждал воинских воспоминаний — они помогли бы с датами. Одну дату уже вспомнил и она меня поразила. Она была после восьмого марта, потому что я недавно отправлял маме телеграмму с поздравлением, в 1069 году. Году, до которого еще девять лет. Ну, чуть меньше. И себя я видел в этом месте не в форме солдата, а в костюме и теплом плаще, четко зная, что отслужил, дембельнулся и теперь работаю в Хабаровске, репортером воинской газеты «Суворовский натиск».

Отчетливо склеилось в памяти, что отслужив я остался в Хабаровске. Вроде писал за время службы в эту газету, был военкором. И когда дембельнулся, отслужив три с лишним года, в военкоме предложили поработать в газете. Съездил домой, естественно, к маме, поступил на заочное отделение факультета журналистики Иркутского университета (дембелей в эти годы почти без экзаменов принимали, хоть и с одними тройками) и вернулся в Хабаровск. За время службы полюбил Дальний Восток. Общежитие дали, если женюсь — квартиру обещают.

И вот, мотаюсь по по краю, пишу, фотографирую. И, конечно, в горячую точку во время конфликта направили меня — недавнего воина.

Я потрогал шрам на лбу. Теперь я знал, что там под кожей серебряная пластина, закрывающая пробитый осколком нашей ракеты череп.

Самое интересное, что по большому счету остров Даманский, площадь которого составляет меньше одного квадратного километра, а во время паводков вообще полностью скрывается под водой, с хозяйственной точки зрения не был нужен ни одной из двух сторон. По закону он принадлежал СССР, но Китай всячески пытался оспорить его. В конечном

итоге подогнали новейшие секретные системы залпового огня БМ-21 «Град», который залпами сожгли китайский 24-й пехотный полк численностью до 5000 человек. Частично и казарма ПВО пострадала а я там осколок в лоб получил.

Я потрогал шрам на лбу. Не было у меня там никакого шрама. И я вовсе не мог служить в те годы, так как в шестидесятом году мне было по всем анатомическим показателем лет двадцать пять.

Чья же память бушует в моем теле, активно проявляясь ночами и при опасности? В одном уверен — стихи мои, продукт моего сознания, в каком бы теле это сознание не находилось. Я просто органически чувствую родство этих строк:

Не верьте, Магдалина, во Христа,
Ему четыре шага до креста.
Я тоже был распят, но не совсем,
Не до конца, а только лишь на год,
А жизнь с тех пор пошла наоборот:
Я стал амебой — только пью и ем.
Лишь по ночам приходят мысли о любви,
Лишь по ночам нещадно давит стыд.
Пью анальгин, и совесть не болит,
И не пылают Храмы на крови.
Я не похож на вещего Христа,
До точки я дошел, не до креста.
Быть может не хватает Магдалины,
Чтоб опять взвалить на спину крест,
И никого похожего на окрест,
Лишь пьяница бренчит на мандолине.
Поверьте, Магдалина, во Христа,
Ему четыре шага до креста.

Но самокапание прервалось, как все время в этой больнице, визитом нянечки с противным голосом.

— Больной, вам на выписку. Эй, чего лежишь? Тебе сейчас на выписку, сестра-хозяйка ждет.

— И чего она меня ждет? Меня же голым доставили...

— Надо пижаму сдать и полотенце, а постельное белье я уж сама заберу.

Пошел сдавать. Оказалось, что со мной кое что было, не совсем голым подобрали. Записная книжка со мной была и брелок в виде ящерицы с аккуратным ключиком на нем. Пролистал книжку, нашел только одну запись:

«На свободу даже не стремлюсь,
Ну зачем стремится на свободу?
Я в тюрьме свободе научусь,
Что бы объяснить её народу».

Загадочные стихи, несомненно мои, но как бы сообщающие, что не просто я с местным хулиганом по фене ботал. Во, опять почти знакомые термины, которые одновременно мне чужды. Златая кудря похлабыстала к мюмзику. Глокая куздря бубланула бокрѐнка. Любая

абракадабра, подчиненная правилам русской речи отчасти понятна. Я, вроде, где-то и когда-то курсовую писал на тему особого языка «арго». говорение феней, фенечкой — от слова офеня, бродячий торговец, коробейник. По фене не говорят, а ботают. Ботало — язык колокола. Покойник, главный персонаж похорон — жмурик. Слово понятное, от глагола жмуриться. Играть на похоронах ради денег — лажать, от лаж "доход", из французского. Играть для себя, ради искусства — лабать, от литовского лабас "хороший". Свои люди музыканты — хорошие, значит — лабухи. А вот те, кто слушает музыку, делятся на чуваков и чувих, от польского чувач "не спать, слушать".

Польский язык хорошо представлен в русских арго. Например, чмо — оскорбительное обращение к человеку. Тьма будет по-польски чма, звательный падеж от нее — чмо. "Эй ты, темнота!" — действительно оскорбление. Блатные не знают, что в древности чма означало также десять тысяч. Может, не стоит так неуважительно пользоваться этим словом?

— Эй, заснул! Откуда ключ-то? Помнишь?

Это сестра-хозяйка поторапливает. А действительно, откуда такой ключик симпатичный. По размером больше похож на открывалку малюсенького домашнего сейфа. Но откуда у советского человека домашние сейфы, никогда о таком не слышал. Может мой разум из далекого будущего, из коммунистического далеко, где в каждой коммунистической семье есть домашний сейф? Но возникает вопрос — денег при коммунизме нет, что в этом сейфе прятать? А-А-А, скорей всего там прячут от детей не детские предметы. Например, презервативы. «Резиновое изделие номер... Размер № 2. Цена 2 коп.» Мол, «Резиновое изделие № 1» — это противогаз, «Резиновое изделие № 2» — презерватив, «Резиновое изделие № 3» — ластик, «Резиновое изделие № 4» — галоши.

— Опять спит! Может тебя не выписывать, а в психушку отправить, гражданин Непомнящих?

— Да иду я, иду. Развонялась! Куда торопишься-то, толстуха.

— Если я — толстуха, то ты скорей на глиста похож. Розового.

Действительно, кварцевая лампа вместо загара придала коже розовый оттенок. Но я ведь точно помнил, что богатые не только плачут, но и получают красивый загар в специальных соляриях.

— Ну ладно. Спасибо вам за все, пойду я. Вот в палате попрощаюсь, к врачу зайду за справками и пойду себе. В милиции обещали с общежитием похлопотать.

— Если не сложится — возвращайся. Уж найдем тебе, где поспать, да и накормим. Эх ты, беспамятный!

Да, советский человек отзывчив и живет по моральному кодексу строителя коммунизма, в котором главные правила выучены наизусть:

Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма.

Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.

Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.

Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.

морального кодекса строителя коммунизма:

Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.

Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.

Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.

Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.

Непримиримость к несправедливости, тунеядству, дурости, нечестности, карьеризму, стяжательству.

Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.

Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.

Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Вот именно так я и думал, вспоминал заученные когда-то и где-то догмы. Шефствуя по хрусткому, еще не убранному с тротуаров, снегу к Кировскому райотделу милиции, где должен был меня ждать участковый инспектор младший лейтенант Горбатов Николай. И дошел, конечно, радуясь восстановленному здоровью, теплой одежде и обуви, возможным перспективам и, главное, свободе. От больницы пока что, но не от мыслей о потерянной памяти.

В милиции дежурный сказал подождать. Узнал меня по рассказам, предложил пройти во двор, покурить, а там и Горбатов подойдет.

— Курить то есть, я слышал ты без денег совсем?

— Курить нету, — сказал я. — И денег пока нету.

Он пошарил в столе и протянул мне полпачки «примы».

— Вот, возьми пока. У меня еще есть. И да — спички тоже возьми.

— Ну спасибо! — сказал я и пошел сквозь милицию на задний двор. Двухэтажное кирпичное здание и двор с высоким деревянным забором. Во дворе обнаружился гараж, где виделись две автомашины: грузовая и бобик. Был еще навес под которым угадывалась собачья будка.

Я прикурил. Честно говоря, я еще и не определился с тем курил я или нет до беспамятства. И курил поэтому не часто, когда угощали, да и для разговора. Курение мужиков сближало.

Из будки звякнуло цепью и вышла чепрачная овчарка. Похоже, молодая, поджарая. На меня посмотрела равнодушно.

А во мне шевельнулось нечто, нахлынуло.

Когда я буду умирать, к моей больничной койке подойдет невысокая немецкая овчарка. И, упершись передними лапами в край кровати, привскочит, положит голову подбородком на край подушки: глаза в глаза. Вернее, я то — одним глазом, ибо правый давно умер, не стал ждать меня целиком.

Странно, умираю по частям: почти отказал мочевой пузырь из-за раковой опухоли в предстательной; умер глаз; руки затряслись, особенно левая; потом отказали ноги: пописать вынужден садиться, а тут еще мочится приходится с помощью ксатрала, расслабляющего мышцы. В общем, не буду подробно описывать хвори, частичное отмирание способностей телесных. Хотя все началось с зубов...

У Марты (так я назвал эту собаку в далеком прошлом) умные карие глаза в обрамление

длинных ресниц. Шерсть мягкая, ласковая. С трудом подняв правую руку глажу по голове, чешу за ухом. Она любит, когда я её глажу. Но — только я, Марта весьма агрессивна к окружающим, даже к моей родне. (Которой в сущности и не осталось почти, старый я). Её можно понять. Подобрал на милицейском питомнике, куда сдали владельцы в 9 месяцев. А она все не верила, считала недоразумением. И менты держали её в загоне, где бросалась юная псинка на всех проходящих. Потом ослабела и лишь рычала лежа.

Не удивительно, несколько дней не принимала пищу от (по её мнению) врагов, почти не пила.

Так бы и умерла, если б судьба не занесла меня в этот питомник...

— Непомнящих, что случилось! — меня рывком выбросила из страшного воспоминания. Не исключено — последнего в старости. — Ты вылечился, али еще болен?

Это мой милицейский благодетель явился, не запылится.

— Да так, вспомнил нечто. Здорово, Колям. Вы что, такую отличную овчарку в охране используете. Двор охранять больше кавказцы подходят, а такую красавицу на цепи держать грех.

— Участковый заинтересовано посмотрел на меня, перевел взгляд на собаку.

— Попробуй, подойди к ней. Зовут Джуля. Хозяин сперва думал, что кобель, назвал Джульбарсом. А потом продал, год ей.

— А что — можно?

— Можно, можно. Иди.

Ну я и пошел. Кажется я люблю собак? Подошел, присел на корточки, погладил и, будто знал как, почесал за ухом, взъерошил шерсть на холке, под подбородком провел рукой.

Овчарка оживилась, лизнула меня в нос.

И я обнял её за шею.

Мы так не долго сидели с ней в обнимку, а может и долго. Потому что, обернувшись, увидел что сотрудники отделения вывалились на улицу и смотрят, как я милуюсь с овчаркой.

— Работал с собаками? — подошел ко мне плотный мужчина лет сорока. Он был одет в пиджак со свитером и черные брюки, заправленные в валенки. — Я начальник уголовного розыска Свиридов Виктор Борисович, чтоб по следу ходила. Еще, говорили, какая-то выборка вещей есть. Ты умеешь?

Я покопался в пустой памяти, похоже — умею, я буквально чувствую это, да и слово выборка мне не чуждо.

— Выборка с вещи — это просто, — сказал я. Собака может, понюхав вещь найти владельца этой вещи, а может наоборот. Еще можно в специальный пакет с места преступления воздух с запахом сохранить в банке, шприцом туда закачать стерильным, а потом дать собаке понюхать и она из группы людей выберет участника преступления. Одорология, наука такая про запахи.

— А сколько времени надо, чтоб научить вот эту собаку ходить по следу?

— Надо посмотреть, ответил я, отстегивая Джулю от цепи и похлопывая себя по левому боку рукой: «Рядом, Джуля, рядом. Ой, умница, рядом». Я готов позаниматься. Только ей надо нормальный вольер построить, да и лучше будет, ежели со мной пока поживет для лучшего контакта...

Две овчарки, две собаки,
Две собаки, две мочалки
Да на задних лапах в огород пошли.
В огород пошли — фотографа нашли.
Тот фотограф — старый вор —
Не заметил их в упор...
Владимир Круковер, Тюремное

Все это время и в больнице, и во время похода на пьянку, я ощущал некую неуверенность, сиюминутность своего существования. Все время казалось, что то, что со мной происходит, снится. Будто я сплю и вижу сон о том, как я болею, потеряв память. А вот теперь, взяв на себя ответственность за молодую овчарку, я почувствовал будто жизнь моя налаживается. Не висит в иллюзорной реальности, а обретает почву.

Начальник уголовного розыска Кировского отделения обслуживало центральные районы города, где наиболее неприятны совершаемые преступления. (За них наиболее строго ругали в райкоме КПСС). Поэтому он обрадовался наличию потенциального кинолога и быстро договорился с кадрами об оформлении меня на работу. Проводником служебной собаки (в этом времени не было еще термина: «кинолог») меня оформить не могли, естественно. Поэтому оформили сторожем, выдали списанную милицейскую форму, комбинезон для работы, яловые сапоги и башмаки фабрики «Большевичка», синие носки под форму (две пары) нижнее белье, сухой паек на неделю и аванс в размере сорока рублей (новых, послереформенных). Еще дали направление в общежитие Вяземского электромашиностроительного техникума. Как сказал капитан Свиридов:

— В кожаном фабричном пьют много, иди-ка ты к студентам.

Я вскоре узнал, что СОГБПОУ ВПТ было создано Постановлением Совета народного хозяйства Смоленского экономического административного района от 9 февраля 1960 года как Вяземский вечерний машиностроительный техникум. Первый набор студентов состоялся как раз в сентябре 1960 года. И общежитие, где живут ребята с деревень и сел Вяземского района, чистенькое, новенькое. Просто подарок, для холостого парня!

Уже в общежитие от коменданта узнал дополнительно: двухэтажное общежитие по адресу: г. Вязьма, ул. Просвещения, д.6, рассчитанное на 100 мест. Приоритет распределения мест будет осуществляться по следующим критериям и рассматриваться администрацией СОГБПОУ ВПТ:

Сироты

Иногородние граждане РФ из удалённых регионов РФ

Малоимущие (справка о получении детского пособия из соц. защиты)

Граждане получающие пенсию по потери кормильца справка из ПФР о попечении пенсии)

Средний балл аттестата...

— Но вы живите, конечно, — сказал комендант. — У нас еще второй этаж строители не сдали, шумно немного. Вот я вам отдельную комнату выдели, если вы и впрямь из

милиции? — он посмотрел на мой не милицейский вид в поддержанных одеждах. — Вот, чтоб без соседей, мы же понимаем — милиция.

— Кончай выебываться, дядя! — сказал я. Милиция — это не только уголовный розыск, где я кстати работаю. Это еще Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности, слышал небось?

И сразу нашлась мне просторная угловая, но теплая, комната, куда подручные тот час внесли необходимое: кровать, тумбочку, стол с двумя стульями, зеркало и постельное белье.

— Умывальник в коридоре, есть душевая, — любезно сказал поклонник ОБХСС, — горячая вода после пяти.

— А туалет?

— Как обычно, во дворе. Новенький. Я вам выдам ведро, вот его потом и выносите в выгребную яму.

Устроившись пошел за собакой. Коменданта из милиции предупредили, так что возражать не стал, поморщился лишь. Для него наличие в жилом помещении собаки граничило с кощунством. Тем в более в общежитие, где он чувствовал себя вершителем судеб. Еще бы, целый комендант! Как я понял за недолгое пребывание в относительно нормальном состоянии, не забывая все на утро, в этой действительности власть опьяняла, комендантов, сестер-хозяйственниц, продавцов, уборщиц и вахтеров. И они доказывали это повышенными голосами с примесью ругани, когда робкий посетитель пытался посягнуть на эти права. Ох как кричала на меня уборщица в паспортном столе:

— Куда на мокрое с грязными ногами! Не видишь что ли, чучело, — моют тут!

— Вот, — сказал я овчарке, — это наш дом, располагайся. Вот на тебя мяса выдали и крупы, мясо мы между окон, на холод, и крупу в тумбочку. Буду тебе каши варить.

Собака шевелила ушами, не отвлекаясь от основного занятия — обнюхать всю комнату и выбрать место для себя. Место выбрала у входа — будет охранять.

— Там под дверью дует, — сказал я. — Может вот в этом углу? Я тебе постелю, мне вот старый тулуп выделили тебе на подстилку.

Джулия подумал и все же перешла на роскошную кровать для собак. Но на дверь поглядывала: мол слежу, враг не пройдет и даже не войдет.

— Ну отдыхай, собакевич. Да и я прилягу, день выдался хлопотный. Только вот дверь запру, а то войдет кто по-общежитски запросто, а ты и рада кусаться, верность демонстрировать. Вот и у меня такая преданная псинка была, давно. То ли в прошлом, то ли в будущем. Марта её звали.

Марта её звали. Если только это не те самые — ложные воспоминания, которые подсовывает мне сознание, чтоб утешить подсознание.

Две овчарки, две собаки,
Две собаки, две мочалки
Да на задних лапах в огород пошли.
В огород пошли — фотографа нашли.
Тот фотограф — старый вор —
Не заметил их в упор.
Он редиску рвал, в рот ее пихал.
Он редиску рвал и с аппетитом жрал.
Две собаки, две овчарки

Привязали его к палке,
На улицу несли.
На улицу несли, тщательно трясли.
Тщательно трясли, приговаривали.
— Не ходи куда не надо,
Не воруй редиску с сада,
Будет хорошо.
А сейчас — плохо.
Ой, как плохо на палке трястись...
Дурацкая жизнь.

Проснулся я от лая. Сразу спрыгнул с кровати и зажал Джуле пасть.

— Вот так надо, только рычать, но не лаять. Ты же не пустилайка. А лай ослабляет девочек, надо просто грозно рычать.

Оказывается, комендант попытался своим ключом открыть дверь и сразу её захлопнул. То ли власть хотел показать, то ли забыл про собаку.

Я вышел и отобрал у него ключ.

— Если не хочешь должность потерять, — сказал строго, — то забудь, что в этой комнате кто-то живет. Чем реже я тебя вижу, тем больше у тебя возможности сохранить права ключника.

За окном было темно, а часов я пока не завел. Наручные «Восток» стоили целых 23 рубля, а у меня на все про все всего 40. И неизвестно, когда получка. Да и небольшая получка у сторожа, 75 рублей всего, не разгуляешься. Начальник обещал обязательные премиальные, но я постеснялся спросить их размер. Впрочем, рано об этом думать, а надо собаку вывести.

Пристегнул поводок, пошли гулять. Морозно, но не так чтоб слишком, градуса 15. Спустил с поводка, дал возможность побегать. Строго настрого запретил обращать внимание на прохожих. Гуляет, косится на меня — не грозит ли хозяину опасность. Носится по сугробам, проваливаясь с головой, ловит пастью снег, язык мотается. Молодая, на цепи сидела...

Подходит на призыв сразу. Научил подходить и сразу садится, команду «сидеть» она и так знала. Покидал палку, бегаёт, приносит. Вот и умница. Пришли домой, отряхнулась — вот и я искупался в снегу. Взял полотенце, протер как мог. Надо завтра пошарить по магазинам поискать ей щетку и прочую сбрую. Шлейку заказать, по следу в шлейке сподручней. Ну и, дав команду: «Место!» пошел на кухню — ужин варить. Сразу на обеих приготовил кашу с мясом, только ей почти без соли и специй, а себе в маленькой кастрюльке — как положено. Вот тоже умение, а откуда. Много ли мужиков умеют кашеварить. Значит есть в прошлом или будущем у меня такая практика, поварская.

Поставил на окно студится собачью кастрюлю, а свою просто на стол. Хлеб забыл купить. Пришел идти по соседям. Молодежь, естественно, и хлеб дала и рюмку налила. Ну как рюмку — полстакана. Граненного, соответственно. Самогон, но хороший, мягкий.

— Батя из хлеба гонит, говорит студент — прыщавый подросток лет шестнадцати. — А мамка в столовке работает. Хлеба на столах оставляют — ужась, а че, он же бесплатный.

«Да, да, — вспомнилось мне, — было в СССР такое раньше — бесплатный хлеб в столовых. Денег нет, зайдешь в столовку, намажешь горчицей хлеб и кушаешь, еще чаю можно было взять за семь копеек с сахаром. Но почему было, есть. Сейчас».

— Я пока один живу, — продолжал пацан, — коменданту сала дал и он ко мне не подселает. А то какой еще сосед попадетсЯ? ХочетсЯ, чтоб из нашего села. Я из Большой Гусевки, а вдруг из Воронцово или Гапонюшки подселают, мы с ними деремсЯ.

— Ну раз сала коменданту дал, то не подселать чужих-то. Пойду я, у меня там каша стынет, только сварил, ага.

Каша была уже терпимая, но первый закон кинолога заключается в том, что сперва надо накормить пса. На балконе кастрюлька простыла быстро, я еще проверил пальцем — нет ли горячего в середине, перемешал ложкой и поставил на пол. Дал команду: «Сидеть!» и подождал минуту. Выдержка — наше все, но начинать следует с небольшого времени, чтоб не сорвать у послушной, но молодой собаки психику. «Молодец, кушай»!

Вот и я покушаю, после чарки самогона аппетит хороший.

Как оказалось Джуля есть быстрее меня. Еще бы, нагулялась, теплая каша с мясом, что ж тут тянуть.

Вывел после еды еще раз. Собака молодая, терпеть, вроде, не приучена. Вон, аж два раза пописала. Надо миску помыть, тарелку, пока не задубели.

— Пойдем, Джуля, домой. Вот хорошо, маленькая моя, но лучше рядом иди. И не надо на меня с мокрыми лапами прыгать. Как вы, девчонки, целоваться любите! Все, все, «Место!». Мне еще посуду помыть надо.

А утром, после небольшой прогулки, часа занятий и завтрака потопал в милицию. Без собаки. Организовывать строительство и помогать с оформлением собаки на довольствие. Согласно ему, взрослому животному старше 6 месяцев положено в день:

600 г крупы;

400 г мяса рогатого скота или конины (разрешается менять на 1000 г субпродуктов);

300 г картофеля и других овощей

13 г жира

витамино-минеральный премикс по назначению ветеринара.

Бухгалтерша попыталась возмутиться, но документы пришли из Смоленского ОВД, где целый питомник. Так что она договорилась об частичной аренде промышленного холодильника местного гастронома, а меня спросила лишь:

— А что такое этот, как его, премикс?

— Набор из витаминов и минеральных полезных веществ. Можно на коровнике попросить, просто дозы для собаки меньше.

— Откуда ты все это знаешь, а имени своего не помнишь?

— Имя как раз помню, фамилию забыл. Но ясно же, что раз про собак помню, то работал в питомнике. Милицейском или еще каком. на железной дороге в Смоленске есть питомник караульных собак, на аэродромах есть...

— Да поняла я, поняла. Запрос на расширение финансирования кадрового состава послала в область. Только выйдет ли из этого толк?

— Толк несомненный, хорошая овчарка след спустя двое суток берет, если он не нарушен погодными условиями, дождем, например. Например, ограбили магазин. Собака нюхает пол, где воры натоптали, и ведет прямо до того места, где они спрятали ворованное.

Так как начальник угро сидел тут же, поддерживал меня в борьбе со скупой экономической девой, то включил режим певчего соловья.

— В журнале «Советская милиция» была статья о том, как проводник служебной

собаки раскрыл кражу спустя неделю. Дело было осенью, продавец сельмага болел и вскрытый замок обнаружил только спустя неделю. Опергруппа хотела уже зайти и описывать место происшествия, но проводник зашел первым и собака взяла след. И пошла, разгребая опавшие листья, которые, как одеяло, уберегли запаховый след. Привела она в поле, к стогу сена. Где и были закопаны продукты и ящик водки. Ну а дальше сделали засаду в соседнем стогу и взяли грабителей на третий день. Вожак был вор со стажем, выдержал краденное десять дней.

— Вот видишь, Марья Ванна, — сказал довольный капитан. Собака еще выборку умеет делать, вещь находить по запаху человека.

— Вот вы например ключи потеряете, я Джулю приведу и она вас понюхает да ключи и найдет.

— Не хочу я, чтоб меня какие-то собаки нюхали, — возмутилась Мария Ивановна. — Идите уже, собачники, договорилась я с гастрономом, там в холодильнике ваше мясо будет храниться. Только на мясокомбинат сами ездите, накладные вам выпишу.

Я проследил, чтоб плотники обязательно сделали в вольере второе дно с прослойкой воздуха для тепла, а будку — со съемной крышкой: убирать, просушивать. И уселся в бобик вместе с участковым, которого, как я понял, должен научить работе проводника. Николай сделал мне добро, но я не хотел быстро лишаться такой удобной милицейской должности. Хотя и понимал, что в своем нынешнем юридическом состоянии безымянного гражданина на работу в милиции рассчитывать не могу. Что ж, буду учить. Тем более, если выяснится мое настоящее прошлое, оно может оказаться совсем не милицейским, а напротив.

Я еще не вполне отошел от сна, совсем не общежитского. Мне снилось, что я куда-то еду в большой кампании, но купе заперто снаружи. Неспешно постукивают колеса. Двигается наш этап, набирает ход путешествие профессора в далекую Сибирь.

Приятным тенором поет в соседнем купе-камере какой-то зэк.

— Я так тебя люблю,

Люблю тебя, как брата,

В объятья страстные

О, не зови — молю.

Тебе принадлежать,

Вот в жизни что хотела,

Об этом знаешь ты,

Как я тебя люблю.

Наивная, нескладная песня. Но будит она тоскливые и тревожные мысли у пассажиров "стольпина". Даже охрана притихла, прислушалась, не стучит коваными прикладами в железные двери-решетки импровизированных купе тюремного вагона.

— Я так тебя люблю!

Усталая, больная,

Пришла к тебе,

О, не гони — молю.

Пусть я преступная,

Но пред тобой чиста я,

Об этом знаешь ты,

Как я тебя люблю.

Потянулся сосед, повел мощными плечами, пресек гнусное побуждение шкодливой руки почесать в паху, пресек монолог прямой кишки.

Конвоир черномазый, кавказец у двери маячит.

— Эй, бандита, часы есть наручный, кольцо есть зелетой, деньги есть?

— У нас все есть, дубак нерусский, — отвечаю с верхней полки я. — А у тебя что имеется?

— Водка есть, слюшай, хороший водка. Одеколونا есть. Светалана называется. Все есть.

— Баба есть?

— Баба много есть. Все моледой, карасивый. Только твой пусть сама ее просит. Крычи коридор, какой баба хочет? Я твоя маленький комната выводить буду с ней. Только палати дэнги.

— Гоша, — обращаюсь я к соседу, — поразмяться не хочешь? Я зэчек не люблю, они больно уж жадные и жалкие. Да и в тюрьме у меня этих лярв хватало.

— Как в тюрьме? Там-то откуда?

— Гоша! Коси, но знай меру. Будто ты надзирательниц за четвертак не трахал в изоляторе? Ты лучше отвечай по делу, я-то знаю, что ты в голяках, но займу на это святое дело.

— Эй, девчата, молоденькие есть? — возопил Верт в коридор.

Женская камера откликнулась разноголосьем:

— Всякие есть. — А молоденькие, это со сколько? — Целку не желаете? У нашей Фроси целка из жести. — Сыночек, мне всего семьдесят, но я еще крепкая. — Я девчонка молодая, у меня пизда тугая.

Уверенный голос перебил девчоночий галдеж:

— А выпить будет?

— Ты старшая, что ли? — спросил я.

— Ну, я. Что предлагаешь-то, и чего хочешь?

— Сама знаешь. Мне для кореша. Водяру сейчас пришлю тебе до хаты.

— А я девчонку пришлю, гони дубака. А может, сам хочешь? Для тебя я и сама бы расстаралась.

— Ты же меня не знаешь.

— Пахана по голосу чую.

— Спасибо на добром слове, ласточка. Дорога длинная, повидаемся. А сейчас принимай посыляку.

Я сую конвойному какую-то золотую вещичку и говорю резко:

— В женскую хату передай три бутылки водки и жратвы. Девчонку выводи вместе с моим человеком...

А потом, вспомнив про амнезию, пытаюсь понять кто же я такой, как выгляжу. Но нет в Столыпине окон и нет у этапируемых зеков зеркал. Даже прядки от ремня, способной отразить лицо, у них нет, ибо ремни отбирают, как и шнурки.

И в эту минуту отчаянья от невозможности себя познать Гоша — здоровенный грабитель наклонился и лизнул мою руку.

— Ты чего? — хотел заорать я, но проснулся. И пошел выводить собаку, которая вся исстрадалась ждать прогулки.

(Не вижу отзывов. Возможно, сюжет и тема не интересны, так скажите. Что я зря стараюсь!)

С О В Е Т С К А Я М И Л И Ц И Я

Полноценная
**С О В Е Т С К А Я
М И Л И Ц И Я**

- Работа, исполнительность, инициатива
- Органы коллективного руководства
- Большая работа в малых предприятиях
- Раскитители — наша беда
- Финансы предприятия и личные интересы

С О В Е Т С К А Я М И Л И Ц И Я

- Разговоры и встречи в детстве
- Они защищают отечество
- Трибуна передовика
- Вышла команда — за дело
- Новая система охраны

6

Все как в тумане. Мир убог.
А я — частица в этом мире...
Петляет полем колобок,
Чтобы его не проглотили.
Мораль я ведаю одну -
Встать выше варварской морали...
Меня стреляли на лету,
А заодно в родных стреляли...

В.Круковер, ранние сборники

В мясокомбинате была охрана на воротах. А чуть дальше огромные весы, как бы встроенные в дорожное полотно. На них заезжали машины при въезде, а потом — при выезде. разница в весе давала представление о вывозимом грузе.

Сразу мелькнула мысль, что привезя пятидесяти килограммовый камень и сбросив его на обратном пути, мы можем обокрасть комбинат на пятьдесят кг мяса или птицы.

На смену пришла вторая мысль — я что по сути: вор или мент?

По главной сути

Жизнь проста:

Её уста...

Его уста...

Откуда бы это? А, это стихи Федорова. Работал, вроде, перед войной на авиационном заводе в городе Иркутске и напечатал несколько стихотворений в областной комсомольской газете. И я какое-то отношение к этой газете имел. Это что ж, я такой старый, если уже перед войной в газету хаживал, в редакцию? Даже если мне перед войной было лет 16 то никак не складывается — я сейчас никак не старше 25 годков, значит родился где-то в 1933-35 году.

— Так что же выбираете? Обрезки говяжьих, кур или одни осердие[1]? — пробилось сквозь попытки обрести память. — Можно и чистым мясом взять третьего сорта, но маловато будет — вам по двести грамм в сутки положено.

— Это почему по двести, я же объяснял, что суточная норма 400 грамм.

— Двести — птицей, так в накладной.

— Подождите, я позвоню в отдел.

Телефон только в конторе. Висит и в цеху на стене какой-то массивный, военный, но это, как объяснили, для внутренней связи. Ну так всего 15 лет прошло после Отечественной, вон почти до Москвы дошли фашисты. И Вязьму превратили в груды обломков, все разрушили и потом сами восстанавливали, пока пленных не отпустили. Поэтому и охрана повсеместно, да и старое военное оборудование на гражданку перешло. Вон, у старшего охраны видел настоящий пистолет ТТ, а у остальных вохровцев револьверы, «революционные» наганы. И у моего участкового ТТешник, а в оружейки за решеткой видны в стойках автоматы ППШ, хотя на вооружении АК, да я и сам в Армии стрелял из «Калаша» с деревянным прикладом под патроны 7,62-мм.

И это при том, что я откуда-то помню, будто в милиции давно принят на вооружение

пистолет Макарова. Общая компоновка ПМ подобна пистолету «Вальтер ПП», однако Макаров существенно усовершенствовал базовую систему «Вальтера». Ему удалось практически полностью устранить задержки при стрельбе, вызванные утыканием патрона в скос патронника. И не спрашивайте, откуда знаю. Вот, к примеру, недавно видел машину Победу, так сразу всплыло знание: основной точкой опоры при создании Победы послужил немецкий Opel Kapitän 1938 года, Передняя подвеска Победы один в один опелевская: пружинная, на поперечных рычагах и со стабилизатором. Были даже шестицилиндровые Победы, но в мизерном количестве — для служб госбезопасности.

Вот так, размышляя, пересек весь комбинат и вошел в кантору, где позвонил в отдел с настенного телефона. Не стал тратить энергию в убеждении экономной бухгалтерши, сразу начальника угро позвал у дежурного, благо номер милиции в этой реальности неизменный — двухзначный. Как и остальные номера экстренного вызова:

- 01 — пожарная охрана
- 02 — милиция
- 03 — скорая медицинская помощь
- 04 — служба газа

А еще на номерном диске буквы... И память мгновенно подсказывает, что буквы остались от старой, еще дореволюционной московской системы номеров, которые группировались по районам города. Тогда, вызывая кого-нибудь по телефону, абонент, покрутив ручку и услышав ответ телефонистки, называл вызываемый номер приблизительно так: «Алло, барышня! Дайте мне Якиманку три-двенадцать».

И почему-то память одновременно удивляется, если только память способна удивляться, тому, что надо крутить диск, а не вызвать нужное одним касанием экрана. «Какого экрана, при чем тут экран, восклицает мое наносное я», но в ответ память вторично удивляется цифрам, она почему-то уверена, что они другие: 100 — Полиция Израиля. 101 — Скорая помощь, амбуланс. 102 — Пожарная служба. 110. 103 — Электрическая компания.

— Ну подскажи, — взываю я чуть ли не вслух, — подскажи, память — кто я, откуда я?!

Ничего не сказала рыбка, Лишь хвостом по воде плеснула И ушла в глубокое море.

А в трубке раздался прокуренный голос капитана Свиридова:

— Чего тебе, Непомнящих? (Чего тебе надо, старче?)

Разъяснил ситуацию.

— Ну бери пока, что дают. Я попозже с Марией разберусь. Не голодать же собаке, бери пока.

Взял двадцать килограмм куриных шей и попок. Мог взять и более пикантные куски: крылышки, ноги без бедер, но там кости, опасные для собак. А вот грудки и окорочка по накладным мне не положены, сорт не тот. Хотя, какие там окорочка — тощие и синие. (Сразу подумал, что курятину буду на рынке покупать, в Вязьме хороший рынок, почти в центре города). Взял говядины 15 кило. Не филей, конечно, а так — огузок, костистая пашина. Пусть и меньше на пять килограмм, но зато не обрезь с кожей, а чистое мясо. Своеобразная пересортица, но мясокомбинат в выгоде по весу.

Поехали домой (в смысле — в милицию). Даже как-то странно, ощущать милицию — домом. Вроде по воспоминаниям и снам я больше к творческим или к уголовным лицам отношусь. А стихи — что стихи: я и на зонах мог разные стихи выучить; если был вором, то не работал, конечно, свободного времени много. А библиотеки на зонах отличные, государство прямо со складов их в библиотеки посылает за счет издательств, в том числе и в

места, где воров исправляют. Течение такое в СССР, идеология — советского человека надо исправлять в исправительных заведениях строгого режима, а лучше в помещениях камерного типа — БУРах. Поэтому у нас и воря много, что милиция больше по профилактике правонарушений отчитывается, а не бандитов ловит.

Мое «Я» вело себе непредсказуемо, проявляя все большую самостоятельность. Кончилось покойное — больничное воспоминание простых истин, тело и душа стремились к чему-то более энергичному и более достойному. И это мое «Я» считало, что для начала надо поправить материальное положение — съездить в столицу (четыре часа на пассажирском) и добыть денег.

«Как добыть?» — спросил я сам у себя.

«Способов много, — ответило подсознание, — особенно в этом наивном времени. В Москве решим».

Я готов был тотчас устремиться в это смутное предприятие. Азарт переполнял пустую душу, не ведающую истины, не взыскующую благодати. "Так запомни, — учил Гаутама Будда, — те истины, что я принес вам, это всего лишь горсть листьев в твоей руке. На самом же деле их так много, как листьев у вас под ногами. Ваша цель — найти их, ведь суть моего учения заключается не в том, чтобы поклоняться Будде, а в том, чтобы быть Буддой".

Но дела привязывали меня к Вязьме. Я должен был побыстрее показать хоть какие-то результаты в дрессировке, поэтому день у меня состоял из беспрерывных, но чадающих тренировок молодой овчарки, из лекций для будущего проводника, но пока еще участкового, по работе с собакой и контроля над строительством вольера.

Я просто отложил эту поездку, но все время думал про нее, будто надеялся, что столица излечит мою амнезию.

Через неделю решился продемонстрировать выборку вещи. Собралась вся смена, ребята в спортзале сложили свои перчатки (а кто — шапки) на небольшом возвышении и выстроились у стены. Вошел я с Джулькой, дал ей занюхать чью-то шапку и сказал «Ищи». Собака не задумываясь выбрала владельца шапки, залаяла на него.

Попробовал обратную выборку. Обнюхали руку человека и послал к вещам на возвышении: «Нюхай, нюхай». Нашла, взяла в зубы и мне принесла. Вообще-то так не положено, ищейка просто должна определить вещь и сесть, залаяв, как собаки-миноискатели. Но я пока не отучал, чтоб азарт сохранился. Да и для наглядности хорошо.

А вскоре вольер закончили и я перевел собаку на уличное содержание. Кормление теперь взял на себя наш будущий проводник младший лейтенант Горбатов Николай.

А спустя сутки я уже ехал в пустынном ночном купе. Приключение, конечно, но все равно — рутина. «У нас в ГСП даже приключения рутинные. Метеоритная атака, лучевая атака, авария при посадке. Авария при посадке, метеоритная атака, лучевая атака... Приключения тела».

В общем, отвлекаясь на сущность этих дневниковых записей: главгерой попаданец и приключения тела читать увлекательнее, чем приключения духа, особенно если этот дух — такое унылое говно, как мой ГГ. Ну не совсем, конечно, унылое. Напротив, шустрый, как птица-говорун отличается умом и сообразительностью. Только все время посягает на государственную и частную собственность.

Взял я по нищете своей билет в плацкарт и завалился на голую скамью. Хотел взять матрас, проводник пояснил, что только, если постельное белье возьмете, всего रुपь. И зачем

мне отдавать рупь, ежели четыре часа я и без матраса вздремну, тело молодое, неприхотливое. А на рубль можно целых четыре кружки пива купить и еще на закуску останется. Или две кружки пива и два беляша. Горяченьких, с мясом и поджаристым тестом.

Это я не позавтракал в дорогу, так что и мысли соответствующие. Поплелся к проводнику. Поезд шатает, как лодку в качку, рельсы так проложены или старые. Иду, поддерживаясь за стены. Проводник дремлет, положив голову на скрещенные руки.

— Эй земля, — трясую его за плечо, — пожрать есть?

Поднимает голову, потирает глаза.

— Один на два вагона, не хватает проводников. Пожрать найду, если чекмарик купишь?

— Почему?

— Два рубля, как положено.

Я уже знаю, что пол-литровая бутылка водки стоит по всему СССР 2 руб. 87 коп., а вдвое меньшая «чекушка» — 1 руб. 49 коп. (включая 12 коп. стоимости посуды). Полтинник навару проводнику.

— А не жирно будет, скоро Москва?

Это я намекаю, что он уже запасенную водку до конечной не продаст.

— Ну и что, — отвечает, — водка не тухнет и не выдыхается. На обратном пути продам.

— А что хоть из еды то?

— Картоха с курицей вареной и луковица.

— А хлеб?

— Конечно.

— Ну давай, — достаю два рубля.

Проводник в качестве бонуса еще и чай мне, едва теплый, наливает из титана и заварку щедро из пузатого чайничка.

— До Москвы еще два с половиной часа, — говорит. — Можешь матрас взять, вздремнуть успеешь.

Ну да, ну да. Когда вопрос касается водки советский человек становится добрее. Не зря у нас есть обычай «обмывать» назначение. И я, кстати, не проставился в угро, к которому теперь принадлежу. Ну — формально.

Снимаю с верхней полки матрас, рассаживаюсь, как король, подложив под спину тощую подушку, раскрываю бумажный пакет с едой, чищу и режу луковицу. Почти половина вареной курицы, только ножка отломана. Выпить или не надо? Водка московская, не сучок — пить не очень противно. Да что там пить, рассусоливаю. Наливаю полстакана, выпиваю, запиваю теплым сладким (расщедрился казенным) чаем, набрасываюсь на холодную курицу с луком, хлеб откусываю... Да, самая вкусная приправа — голод.

Главное, зубы не болят, не шатаются.

А что, раньше шатались?

Память подбрасывает страшное ощущение семи оставшихся гнилых зубов, с которыми любая еда доставляет мучение. Целая гамма неприятностей, которые причиняли мне в течении долгой жизни зубы. И постоянный, животный — нутряной страх перед зубными врачами. С детства, когда папа водил к какому-то Абраму Павловичу, а тот ножной (точно помню — не электрической, он на педаль ногой давил, чтоб бор крутился) машинкой сверлил мне зуб без всякого наркоза.

Мне просто мозг острой болью, как молнией, пробило от этого воспоминания. Поспешил допить оставшееся, зажевал грудкой, лук доел, отпустило.

Значит у меня был папа и был в моей жизни какой-то частный врач, зубной палач. Только вроде в этом времени новокаин колют, чтоб боль снимать. Значит давно это было. Но вроде еще до революции новокаин изобрели?

Надо в энциклопедии посмотреть...

[1] Внутренности животного (печень, сердце, лёгкие), идущие в пищу.

Бывает всё на свете хорошо
В чём дело сразу не поймёшь
А просто летний дождь прошёл
Нормальный летний дождь

Мелькнёт в толпе знакомое лицо
Весёлые глаза
А в них блестит Садовое кольцо
А в них бежит Садовое кольцо
И летняя гроза

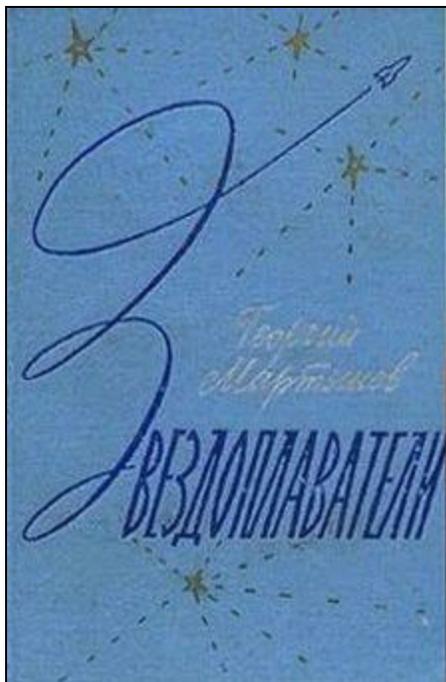
Геннадий Шпаликов.

Заиграла музыка, громкий голос сообщил на все купе: "Граждане пассажиры! Наш поезд прибывает в столицу нашей Родины, город Москву!" И радио торжественно запело:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Ну а я прошел через Белорусский вокзал и по дороге к метро через площадь, мимо таксистов на «Победах» и «Москвичах» остановился у книжного киоска. Внимание привлекла фантастика, почему-то не думалось что в этом времени издают фантастику.

Взял, просмотрел. Ленинградское издательство «Лениздат», толстая трилогия с невзрачной, но прочной обложкой советского фантаста Георгия Сергеевича Мартынова «Звездоплыватели». В книгу входят три повести: «220 дней на звездолете», «Сестра Земли» и «Наследство фаэтонцев». А что — интересно, почитаем. Только дорого наверное? Шекелей семьдесят... Обрываю себя мысленно, смотрю на заднюю станицу, где неизменная, пока существует СССР, цена — 38 копеек. С чего это у меня такие антисоветские мысли прс какие-то шекели, это что-то еврейское, не иначе, но я то, вроде, не еврей — чистейший русак с примесью татарской или монгольской крови. Ну а кто у нас на Руси не имеет этой примеси!

Положил книгу в сумку. Холщевую сумку через плечо мне на складе в РОВД выдали, таскать в ней дрессировочные предметы: аппортировочные, длинный поводок, лакомство для поощрения и что еще нужно. Например, рукавицу с вложенным в нее камнем для отработки команды: «Ищи!».

Решил в метро не спускаться, а пройтись, осмотреться. Тепло, вот на вокзале большущий термометр -7 градусов показывает всего. Самое время пройтись, Москву посмотреть. Вот и пошел.

И спустя где-то минут тридцать (надо наручные часы купить все же) дошел до непонятного автомагазина. Непонятного потому, что рядом с магазином была просторная стоянка продажных машин. Они стояли еще без номеров, прямо после железнодорожного переезда, разных цветов и разной степени поцарапанности. Я прошел в конец стоянки, поглядывая на покупателей. Некоторые выбирали главным образом цвет, да смотрели, чтоб явных повреждений не было. Но большинство елозило вокруг машин с дрожащими щеками. Если бы у автомобиля были зубы, как у лошади, это значительно облегчило бы задачу покупателей. За неимением оных, они по пояс залазили под капот, ящерицами ползали между колесами.

— Почему такой ажиотаж, — спросил я одного из мужиков тоже озадаченного выбором.

— Чего? — переспросил он.

— Почему так много народу?

— А как же, новый выпуск. 45 лошадиных сил! Настоящий стилига, мы его несколько

лет ждали, талон не отоваривали.

Вскоре я узнал, что машины в СССР продают только по талонам, которые не так то просто получить. И что за современный облик с обилием броских хромированных деталей Москвич-407 называли «стилягой» и любили не меньше культовой 21-й Волги.

После получено информации мной уже управляло подсознание, которое все помнило, но со мной не делилось. Оно моими руками выпросило у сторожа здоровенный брезент (за рубль с возвратом) и выбрав заурядного “Москвиченка” поносного цвета и накрыло его купленным материалом, как чехлом. Мгновенно вокруг меня начали собираться заинтригованные покупатели. Какая-то тощая дамочка попыталась отдернуть чехол, но я гаркнул на нее:

— Отойдите, дамочка! Нечего тут лапать. Машина отобрана для Ивана Денисовича.

Минут десять я отражал наглые попытки взглянуть под чехол. Когда эти попытки начали сопровождаться поползновениями вручить мне купюру, я пообещал вы звать милицию. Стоявшая в стороне парочка многозначительно переглянулась и отозвала меня в сторону.

— Вы, наверное, специалист — заискивающе спросила сила женщина.

— В некоторой степени, — ответил я туманно.

— А что за машина? — поинтересовался мужчина.

— Обычная машина, — сказал я честно.

— Но вы же ее специально отобрали?

— Ну, нельзя сказать, что специально...

— Послушайте, мы в технике ничего не понимаем.

Вы не могли бы нам уступить эту? Вы еще выберете.

— Пожалуйста, — добавила женщина, — мы вас отблагодарим.

— Я не уверен, что могу быть вам полезен, — сказал я застенчиво.

— Пятьдесят рублей, — с видом бросающегося в пропасть, выпалил мужчина, — больше нет ни копейки.

— Ну, что ж...

Я стянул брезент с машины, сложил его, сунул под мышку. На выходе подмигнул сторожу, пообещал зайти завтра, так как еще не выбрал. Время клонилось к обеду, я отметил удачу в ближайшем грузинском кафе, где цыплят готовили в духовке, предварительно натерев сванской смесью[1]. Еда в этом кафе была дорогая, что не мешало стоять у входа очереди. Но я прошел мимо ожидающих с видом работника кафе, хозяйски постучал и кивнул швейцару за стеклом. Рублю, переложенный в его ладонь во время рукопожатия, удовлетворил обеих.

Цыпленок в меню определялся в два рубля восемьдесят копеек. Еще принесли лаваш (теплый!), бокал вина — тибани янтарного цвета и сочный салат из зелени и крутых яиц. Весь обед обошелся мне в пятерку, включая пятьдесят копеек чаевых.

Теперь меня (мое сытое и уверенное подсознание) интересовали пункты приема стеклотары. Я объехал несколько центральных и убедился, что они, как обычно, затоварены, а ящиков свободных нет. Длинные очереди страждущих смотрели на приемщиц с тоскливой безнадежностью.

Что ж, людям надо помогать. Вскоре я договорился с водителем грузовика (он искал халтуру на Киевском вокзале, я откуда-то знал, где дежурят левые грузовики) и подогнал машину к ближайшему киоску.

— Хозяйка, — обратился я к приемщице с развязностью экспедитора, — машина нужна?

— Сколько возьмешь? — охладила она мой порыв гуманной помощи торговле.

— Сколько дашь?

— Сорок.

— Стольник, — заявил я возмущенно.

Сторговались на 65 рублях. Я был предупрежден, что деньги получу только тогда, когда привезу с ликерки накладные о сдаче посуды. Алкаши, побросав авоськи и сумки, махом забросали посуду в грузовик и я сказал шоферу, который ни на миг не сомневался в моей причастности к клану торгашей или снабженцев, что надо по делам заскочить еще в два пункта.

В этих пунктах я уже не предлагал транспортную помощь. Я намерен был продать всю машину, но не по 12 копеек, а по 7. Деньги были обещаны в обеих, но опять же при условии накладных о сдаче бутылок на ликероводочный завод.

На завод мы въехали, как к себе домой. Четвертак помог грузчикам быстро освободить тару; свистнуть в конторе десятков бланков со штампами, пока мне выписывали за сданное количество, тоже не представляло трудов. Когда этим, одуревшим от тоски, перезрелым красоткам рассказывают сексуальные анекдоты, они не заметят, как вынесут стул из-под них.

Устроившись на подоконнике я быстро заполнил эти бланки через копирку, оригиналы изорвал и выбросил в урну, а оригинал и две копии предъявил в пропускную службу, где мне шлепнули на них печати и выдали пропуска.

Естественно, на вахте я ограничился одним, иначе вахтер начал бы требовать с меня еще два грузовика, которых у меня, к сожалению, не было. Дальше было просто. Получив в двух киосках по 620 рублей — грузовик попался не слишком вместительный, — я заехал и в третий, с которого начинал. Меня привела туда не жадность, а опасение насторожить ушлую торговку. Она внимательно просмотрела накладную, выдала 65 рублей и спросила:

— Завтра заедешь?

— Постараюсь, — сказал я.

И пошел себе прожигать жизнь в вечерней Москве. В милиции я отпросился на два дня, ссылаясь на возможность, бродя по Москве, вспомнить что-либо про себя. Так как в Вязме никто на мое фото не среагировал, то можно было допустить, что я — москвич и просто отстал от поезда. Мне даже дали бумагу с печатью, чтоб я мог переночевать в милицейском общежитие. Общежитие коридорного типа рядом со школой № 641 в Кузьминках. Я сунулся было в метро, где узнал, что нет такой станции и ветки такой нет. Странно, был уверен, что когда-то ездил в тот район именно на метро. Там еще Текстильщиков была остановка и я там чуть ли не квартиру снимал.

Остановил такси. А что — теперь богатый. Двадцать копеек посадка и двадцать за километр. Вот бы посмотреть маршрут на телефоне? (На каком телефоне?)

УВАЖАЕМЫЕ Пассажиры!

ОПЛАТЕ ПОДЛЕЖИТ ТОЛЬКО СУММА,
ПОКАЗАННАЯ ТАКСОМЕТРОМ, НЕЗАВИСИМО ОТ КОЛИЧЕСТВА
ПАССАЖИРОВ И НАЛИЧИЯ БАГАЖА

ТАКСОМЕТР ОТСЧИТЫВАЕТ:

- ЗА ОДИН КИЛОМЕТР ПРОБЕГА..... 20 КОП.
- ЗА ОДИН ЧАС ПРОСТОЯ У КЛИЕНТА 2 РУБ.
- ЗА ПОСАДКУ..... 20 КОП.

О КАЧЕСТВЕ ОБСЛУЖИВАНИЯ **ВЫ** МОЖЕТЕ
СООБЩИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ

— Обратного пассажира не найду, только за пятнашу повезу, — сказал таксист.

Ехали долго почти пятьдесят километров проехали. Вышло по счетчику 9 руб 75 копеек. Дал 15, как договаривались. Экий я нынче богач! Прошел в общежитие, дежурная представилась:

— Я — Нина Кузьмина, а коменданта сегодня не будет.

— Так, мне бы остановится на ночь.

Даже документы смотреть не стала, определила комнату без соседей, не умолкая ни на секунду:

— Наш посёлок Кузьминки нынче вошел в состав Москвы, — похвасталась. — До этого мы Люберецкими считались. Тут у нас все коренные москвичи, переселённые из старых и ветхих домов с улиц Горького, Волхонки, Чистых прудов, Таганки. А на работу многие ездят ездить в город.

Оказалось, что соблазнили Москвичей из центра тем, что каждой семье выделяли участок земли — 12 соток, оформлялись документы на строительство дома площадью 25x50 и давалась ссуда — по 2,5 тыс. рублей (250 по новому). Так и центральные улицы перестроили, так и новых партийцев да и нужных людей в центре жильем обеспечили.

Узнав, что приехал на такси, возмутилась:

— Ты миллионер, что ли?

Как выяснилось основным видом транспорта была электричка.

— Зимой по тропинкам, протоптанным в снегу, осенью и весной по грязи, летом по пыли — асфальтированных дорог в Ново-Кузьминках тогда было всего две — улица Горького — в районе сегодняшней Зеленодольской и Кузьминское шоссе, нынешняя улица Академика Скрябина, — продолжает Нина Кузьмина. Так что ты теперь прямо на электричку садись, сотрудникам милиции бесплатный проезд.

— Ну я же не знал, — оправдываюсь. — Теперь ясно, только на электричке. А скажите, где у вас тут поужинать можно?

— Столовая у нас хорошая. Пельмени там вкусные, сами лепят. До восьми, как раз успеешь.

— А сколько сейчас?

— Семи нет, — смотрит она на изящные часики с браслетом и надписью позолотой: «Заря», — как раз успеешь.

Окидываю её взглядом более внимательно. Под шалью, кофтой и темной юбкой видится крепкое тело молодой женщины, ножки выглядывают тоже прочные, бутылочные. Я в больнице, где у больных каждый второй разговор про баб, узнал, что ноги у женщин бывают бутылочные — это те, которые опьяняющие. Бывают ещё музыкальные — как ножки у старого рояля, или зажигательные — как спички.

— Нина, жильцов, вроде, нет новых, может составите кампанию. Я угощаю.

— Что, небось премию пропиваешь? На такси катаешься. Ну ладно, погоду чуток — переоденусь.

P.S.

Счел необходимым пояснить тем, кто не жил в СССР:

Эта табличка означала, что надо выстраиваться к черному ходу. Это был хитрый ход

приемщиков, чтобы люди сдавали бутылки в два раза дешевле — вместо 12 копеек за бутылку давали всего 8, а школьникам — 5. Таким образом приемщик мог заработать от 40 до 100 рублей за смену.

Именно поэтому место приемщика стеклотары через взятку стоило от 5 000 рублей.

Именно поэтому место приемщика стеклотары через взятку стоило до 5 000 рублей. К примеру, 408 «Москвич» — стилияга, в то время продавался за 4000 руб. Эту машину, приемщик, делясь с окрестным участковым и грузчиками зарабатывал примерно за полгода работы.

[1]**Сванская смесь** (сванская соль) — это грузинская приправа, получившая свое название по местности, в которой ее производили, — Сванетии. Состоит из смешанных с крупной солью измельченных пряностей: пажитника, шафрана, тмина, семян кориандра и укропа. Состав смеси может меняться, часто в него входят также чеснок и жгучий красный перец.

*Я не выучу урока,
Я скажу учителям:
— Все учебники далёко:
Дом гуляет по полям!..*

*Вместе с нами за дровами
Дом поедет прямо в лес.
Мы гулять — и дом за нами,
Мы домой — а дом... исчез!..*

*Дом уехал в Ленинград! —
На Октябрьский парад.
Завтра утром, на рассвете,
Дом вернётся, говорят.
Агния Барто — Дом переехал!..*

Столовая выглядела, как... столовая. Горки хлеба на столах, покрытых клеенкой, неприметная горчица и соль, имитация салфеток и нарезанной бумаги в стаканчиках. Сперва в кассе выбиваешь чек, потом получаешь оплаченное в окне раздачи. Есть меню, приковано к загородке кассы. Плакаты висят На одном написано: Хлеб за обедом в меру бери. Хлеб — драгоценность, им не сори», На втором: «Ленин и партия едины!»

Меню скромное, видно что столовая в основном обслуживает по абонеентам и каждый такой талон полноценного трехразового питания стоит всего 92 копейки.

— Надя, — оттеснила меня от кассы Нина Кузьмина. — Нам по особому, он платит.

Кассирша с интересом взглянула на меня и спросила:

— Коньяк или водку?

— Конечно коньяк, — ответил, — самый лучший. И все остальное по высшему классу.

— Лихо! — сказала кассирша. Двенадцать рублей.

Я заплатил и мне дали чек на 2-50, сказав:

— На раздаче знают.

Вскоре нас провели в закуток прикрытый занавеской и принесли поднос с закусками и графинчиком желтого напитка.

— Армянский, — кивнула на него раздатчица, — хороший. Триста грамм хватит?

— Как пойдет, — сказал я рассматривая закуски. Колбаска, буженина, салат из соленых огурцов и вареной картошки, залитых сметаной. Куриное заливное.

— Еще горячее будет, — сказала раздатчица, — жареная свинина с горошком. Развлекайтесь.

И ушла, задернув занавеску от немногочисленных посетителей...

ОБСЛУЖИВАНИЕ ПО АБОНЕМЕНТАМ

ЗАВТРАК

Выход продуктов	Блюдо	Цена, коп.
300/5	Каша рисовая молочная с маргари- ном	0-14
200	Кофе	0-05
150	Хлеб	0-03

ОБЕД

500/10	Щи на мясном бульоне со сметаной	0-12
75/150/50	Хек жареный с картофельным пюре	0-19
200	Чай	0-02
250	Хлеб	0-05

УЖИН

500	Суп гороховый на мясном бульоне	0-11
50/150/50	Котлеты говяжьи с рожками	0-15
200	Чай	0-02
200	Хлеб	0-04
	Всего за день	0-92

Я свою любовь оставил
 Где-то там,
 Где вокзальных площадей
 Унылый гам,
 Где стоят милиционеры -
 На посту,
 Где текут немые слезы
 По лицу.

Где-то там, на перекрестке.
 Трех дорог,
 От любви я, как от ноши,
 Изнемог,

Положил ее под кустик
Полежать,
А она решила к другу
Убежать.

И ищу ее по свету,
Как дурак.
Вон цветет на той поляне
Пьяный мак,
Вон стоит какой-то фраер
На углу,
Вон хохочут две девчонки на бегу.

Светит солнце, будто нанялось
Светить,
Плохо мне под этим солнцем
Будет жить.
Я замру с мильтоном рядом
На плацу,
Потекут немые слезы
По лицу...[1]

Кажется, я читал ночью Кузьминой стихи собственного сочинения. По крайней мере, так отрекомендовал. Но вся моя пылкость не заставила Нину преодолеть миссионерскую позу. Она даже срифмовала в третий подход: живот на живот, все пройдет. А потом, сообщив, что я её замордовал и неё там уже болит, смылась додежурировать. Ну а я с удовольствием поспал до девяти. Что уже девять, узнал уже от самой комендантши, которая меня невежливо разбудило.

— У меня данных вашего паспорта нет, Нинка — растеряха не записала. И командировочной нет.

— Так я заплачу, чего там. Вот — рубль. Хватит?

— Это административное общежитие, общежитие для работников МВД. Понимаете. Как вы тут очутились?

— Да все нормально, успокойтесь, вот письмо из райотдела.

Письмо комендантшу если не успокоило, то утихомирило. А то отыгралась бы на моей ночной миссионерше! Содрала с меня за ночлег 75 копеек, выписала квитанцию. И все, пошел я на электричку. Вечером шел поезд через Вязьму, так что надеялся успеть. А еще по Москве хотел побродить.

Вышел, естественно, на Ленинградском вокзале и пошел бездумно, просто по улицам от трех вокзалов, от Каланчевской площади. И неожиданно остановился возле какой-то стройки, которая оказалась вовсе и не стройкой. И тут подсознание, которое вчера управляло мной, как мошенником, включило режим журналиста. Не зря мне снились и уголовные, и газетные сны...

Но даже, если б не подсознание, я все равно бы застыл на месте, узнав что строители

передвигают пятиэтажный дом. Вот так просто, с жильцами в квартирах, не отключая газ, воду и электричество!

Я представился корреспондентом районной газеты из города Вязьма и действительно взял поразительное интервью у одного из инженеров. Заголовком сделал строчку из стихов о путешествующих домах Агнии Барто, отрывки из которых, как ни странно, мгновенно всплыли в сознании.

Если нам мешает дом

— Здравствуйте, я корреспондент газеты из Вязьмы. Хотел бы узнать, кто тут главный?

— Я — главный, инженер министерства Путей сообщения, и работник Н.Ж.Д. Эмануил Маркович Гендель, с 1935 года занимаюсь этими проектами[2].

— Уточните, что за проекты?

— Проекты по передвижке домов. Если градостроительная концепция изменилась, у архитекторов остается два варианта. Самый простой — снести все то, что мешает. Но это непрактично. Поэтому был найден более изысканный способ: передвигать старые здания в новые места. Пусть даже они весят тысячи тонн. Благодаря инженерным находкам удалось расширить центральные московские улицы и сохранить исторические здания.

— А что вы сейчас двигаете?

— Старинный Дом Сытина, здание 1904 года, где до революции размещалась редакция газеты «Русское слово». Мы его срезали с фундамента на Пушкинской площади и мы перемещаем на угол улицы Горького и Настасьинского переулка. Вскоре вид на новое здание редакции газеты «Известия» ничего не будет закрывать[3].

— Простите, не верится что огромный дом можно передвинуть! Он же рассыплется, разломается?

— Кому-то это до сих пор кажется фантастикой. Тем более если учесть, что такие перемещения происходили без отключения коммуникаций и выселения людей.

— А что, такое возможно?

— Похожая история случилась при строительстве Большого Каменного моста. На его пути стоял совсем еще новый пятиэтажный жилой дом, включавший четыре подъезда. Никто не хотел его сносить. Но прежде чем перевозить здание, его требовалось поднять почти на 2 м. И это при том, что вес постройки составлял внушительные 7,5 тыс. тонны. Более того, при «переезде» люди продолжали вести привычную жизнь.

— Ну, это за гранью разума. Жители наверняка почувствуют, что с их домом что-то делают.

— Вот тут вы не правы, товарищ корреспондент. Советские инженеры перемещают объекты настолько плавно, что жильцы не всегда сразу это замечают. Так произошло с бывшим Саввинским подворьем, которое теперь находится по адресу Тверская, 6/1. О новом месте жительства люди узнали только наутро, когда проснулись. Им намеренно не озвучивали точные сроки проведения операции, поэтому в назначенный день все были в квартирах и ни о чем не догадывались. Пока жильцы спали — метростроевцы трудились в поте лица. Это сооружение оказалось самым тяжелым из всех, что перевозили ранее: оно весило 23 тыс. тонн. Результат впечатлил всех. Моя бригада провернула все так ловко, что в одной из квартир уцелела башня из кубиков, которую накануне вечером сложила шестилетняя девочка.

— Примите мое восхищение, взявцам будет интересно узнать, как в столице двигают

дома.

— Спасибо! Если вам там в Вязме потребуется передвинуть дом, то обращайтесь. Мы распрощались и репортаж я завершаю отрывком из стихотворения Агнии Барто:

Возвратился я из Крыма,
Мне домой необходимо!
Где высокий серый дом?
У меня там мама в нём!
Постовой ответил Сёме:
— Вы мешали на пути,
Вас решили в вашем доме
В переулочек отвезти.
Поищите за углом! -
И найдёте этот дом.

Я пошел дальше, испытывая странные чувства. Ну отчасти, было радостно что есть подход к вяземским газетчикам. Не сомневался, что кроме мошенничества умею и могу работать репортером. А странным чувство было потому, что мне не хотелось быть аферистом. Как-то стыдно было выманивать деньги у глупых торгашей, когда рядом советские люди Двигали Дома! А эти торгаши при все их богатстве виделись жалкими существами, нищими и убогими на горе из бумажных и рваных рублей и трешек, не видящих идущую вокруг жизнь. Где-то двигали дома, строили плотины, запускали в космос ракеты, а они все копошились в этих пустых бумажках, в желании купить машину или норковую шубу.

Такие мысли были для меня внове и я решил зайти в ресторан и все обдумать за хорошим столом с выпивкой.

[1] Владимир Круковер, 100 стихов о любви

[2] Первый дом по проекту и под руководством Э. М. Генделя был передвинут на 25 метров в октябре 1935-го, всего за 25 дней.

[3] На самом деле это произойдет в 1979 году по не слишком очевидной причине — вдруг на 33 метра влево сдвинут «дом Сытина»

Я
земной шар
чуть не весь
обошёл, —
И жизнь
хороша,
и жить
хорошо.
А в нашей буче,
боевой, кипучей, —
и того лучше.
Вьётся
улица-змея.
Дома
вдоль змеи.
Улица —
моя.
Дома —
мои.
Окна
разинув,
стоят магазины.
В окнах
продукты:
вина...

В.В. Маяковский. Поэма «Хорошо!»

Выбор ресторанов, как я предполагал, в Москве в это время не мог быть большим. Я сразу поймал сам себя на этой мысли: «в это время». А я сам из какого времени? Время — лишь внешняя вариация вечности. Время стоит, оно все — и настоящее, и прошедшее — в современности. Время в моем осознании превращается в "становящийся образ вечности", которая в свой черед вмещает в себя весь смысл истории и выступает в виде головной боли.

Я оборвал чрезмерно сложную философскую мысль и посмотрел на табличку: Неглинная и на плотную толпу у входа в узбекский ресторан.

Пришлось обратиться к темно стороне своего сознания и из-за спины страждущих помахать в поднятой руке червонцем.

А в ответ — тишина.

Сменил купюру на четвертак.

И, будто по волшебству, массивные двери открылись, вышел швейцар и, обратив за спины очереди строгий взгляд, молвил:

— Кто тут по записи, пройдите.

И я прошел под обжигающими взглядами завистников!

Ну что тут рассказывать, узбеки всегда вкусно готовили. Опорожнив глубокую пиалу с насыщенным бульоном, кусками мяса и длинными плетями дунганской лапши, я испытал такое ощущение полноты бытия, о котором доселе читал только в библии (Я читал Библию?). И всего за 47 копеек! Потом принесли ароматнейший, весь в аппетитных поджаристых корочках и исключительно сочный внутри шашлычок. Причем, полноценной порцией на двух шампурах, да еще и с щедрым предложением зелени и теплой лепешки. А зубы у меня все на месте и все здоровые...

Наименование	Цена Бахоси	Номлари
Первые горячие блюда		
Суп-шурпа	-44	Гуштлик шурва
Маста ва (суп)	-54	Мастава (гуштлик)
Лагман по-киргизски	-74	ЛаЕман
Пельмени в бульоне	-58	Чучваралик шурва
К ийма шурпа		Шурпа Кийма
Манпар	-95	Манпар
Бешбармак	-87	Бешбармак
Манты в бульоне	1-00	Манты шурва
Тухум дульма	-78	Тухум дульма
Суп лапша с курицей	-55	Товук. гушлик угра
Бульон с яйцом	-46	

И опять меня пронзило ощущение мерзкой, беззубой старости где-то за пределами СССР. В одинокой, хоть и приличной квартире на берегу какого-то моря.

Я потряс головой и отхлебнул армянского коньяка из большого бокала. Резковат, но приятный, ароматный. «Двин», который специально сделали для полярников. А началось все с экспедиции полярников в 1937 году. Путешественников снаряжали всем Союзом, Армянская ССР в числе прочих снарядила исследователей севера коньяком в 50 градусов крепости. Вот помню же такие детали! Откуда, если родился где-то в этом времени?

Пятьдесят, не сорок, так что захмелел слегка. Швейцар на выходе спросил:

— Такси вызвать?

Но я решил пройтись. Не так уж далеко отсюда до Белорусского вокзала.

Приехал под утро. Хотел сразу навестить собаку, но вспомнил что проводником не буду, решил не травить душу, привязываясь и привязывая животное. Будут еще в моей жизни собаки! Так что и пошел прямо в редакцию, где нового потенциального рабкора встретили приветливо.

Узнал, что издается газета с 1932 года. Менялись названия: «Ленинец», «Правдист», «Ленинский путь», отражая, таким образом, идеологическую суть жизни страны и района.

Мою заметку приняли с удовольствием. Но пообещали привести её в надлежащий вид. Чем-то им не понравилась форма: «интервью», сочли зарубежной. Переделают в репортаж, добавят цитат, идеологии. Вполне подвал на первой полосе заполнят. 200 строк надо не меньше.

Я и не ожидал, что партийцы, составляющие редакцию этой газетенки, восхитятся моим стилем и формой подачи. Просматривая советские газеты в поисках своей личности, я убедился в их непроходимом канцеляризме. Только «Известия» и «Комсомолка» радовали свободой зарисовок и очерков. Но первая полоса и в них делалась по идеологическому шаблону. Мне просто надо было «засветиться» на страницах партийной газеты.

Поэтому я сухо спросил:

— А гонорар как получить?

— Мы думали, что вы просто по зову души к нам пришли, — сказал заведующий отделом писем, полный мужичок в пиджаке мышинного цвета и вязанном галстуке. — У нас многие бесплатно печатаются.

— Я — не многие! Давайте обратно интервью, я его в областную газету отправлю. В «Рабочий путь». Там, надеюсь, переделывать не будут. Вы вообще про авторское право читали?

На скандал, так как я не сдерживал голоса, пришли ответственный секретарь и машинистка. Последняя — за текстом, который следует набирать в первую очередь.

— Да вот, Люся, — раздраженно сказал зав, — автор капризничает, править не позволяет. Вообразил себя журналистом!

Я совершенно забыл, что заметка нужна была не ради трешки гонорара, а для установления прочных связей с руководством Вязьмы. К человеку, пусть и без памяти, который сотрудничает с милицией и печатается в газете, относятся более уважительно. А я пытался отсидеться, повспоминать, очухаться, наконец.

Как-то не учел, что правит тут единолично и настойчиво коммунистическая партия во главе с туповатым, но решительным кукурузником Хрущевым. И я когда-то проклинал это правления, боролся с ним, ненавидел.

Я вырвал из рук зава свою рукописную заметку и хлопнул дверью. Как-то унизительно показалось мне приспособляться к этим замшелым правилам, слушаться людей, которые в подметке мне не годятся по интеллекту.

И я пошел в общагу, но через рюмочную, где выпил целый стакан, запив кружкой пива. Жизнь уже не казалась мрачной, поэтому завалился на кровать в полудреме.

...Его со Светой как раз выгнали из газеты. Газета была — блеск! А больше всего — ее редакторша. Бывши продавцом сельмага, она, тем не менее, по чьему-то желанию унаследовала эту должность после смерти мужа — редактора. Звали редакторшу тетей Катей. Новая должность не спасла ее от фамильярности сначала бабок-покупательниц, а затем и литсотрудников. Тетя Катя — и все!

Должность ответственного секретаря газеты занимала ее племянница, еще полгода назад бывшая выпускницей местной десятилетки. Сельхозотделом заведовал спившийся учитель математики — личность толстая, флегматичная, глубоко и широко ориентирующаяся в алкогольном производстве и с таким же размахом поставлявшая сельскохозяйственную информацию на газетные полосы.

Под Новый год он со Светкой вместе дежурили по номеру. Доблестный зав. сельхозотделом зачем-то явился в редакцию во втором часу ночи с недопитой бутылкой в руках, а затем быстро уснул под столом. Это было весьма кстати: в редакции было очень холодно, и я, перепечатававший стихи на машинке, согревал свои ступни, пристроив их к толстой заднице Их Сельхозмогущества. Светка сделала мне по этому поводу серьезное замечание, но я от него отмахнулся.

Мы жили в щелястой избе, которую вначале топили забором, а затем самим дровяным сараем. Для сбережения тепла в избе заклеивали щели рукописными плакатами. Например, "На отеческую заботу родной Коммунистической партии о советском человеке ответим ударным трудом!" Или: "Клопа танком не раздавишь!", "Черви орлов не боятся, черви боятся кур".

В идеологическом отделе райкома КПСС по поводу этих плакатов шли горячие дебаты, предлагались даже варианты воспитательного воздействия на "много о себе понимающих" журналистов.

Питались молодожены картошкой и бараниной. Поскольку все хозяйства района были овцеводческими, то баранину мы со Светкой запасали целыми тушами, рассчитываясь за них по внутрикolkхозным ценам. Одной туши нам хватало на четыре варки, а одной варки — на полтора дня.

Я начинал свою творческую деятельность литературным работником сельхозотдела, но быстро сбежал оттуда из-за чрезмерных профессиональных амбиций своего зава (правил, сука, все мои заметки), и меня провели по штату фотокором. Светка же так и продолжала занимать должность заведующей отделом писем трудящихся. По дому у нее хлопот было тоже немного: раз в три дня сварить баранину с картошкой и три раза в день накормить милейшего щенка Антея — отпрыска отарных овчарок. Мы прожили втроем и проработали вдвоем относительно спокойно только зиму и лето.

Не полуостров —
Полустанок,
Где остановка —
Ноль минут...

У меня в ту пору прекрасно шли стихи, музыкой которых была, конечно же, Светка. Она на долгие часы уходила в тайгу, окружавшую поселок, возвращаясь с прогулок возбужденной и румяной, буквально тащила меня за собой, чтобы повторить вылазку вдвоем, но я упрямылся. Однажды она встретила в тайге белую ворону, и восторгов по этому поводу было не счесть. Однако, как она меня ни уговаривала, смотреть белую ворону я не пошел, а написал стихи про синюю птицу.

Там, где кедрь запудрена густо,
(В этот лес только я не ходил),
Где истошно трещат трясогузки,
Кто-то синюю птицу ловил...

Кончались стихи тем, что удалой охотник подстрелил синюю птицу, забыв, «что хотел причаститься, что молится о счастье хотел, что молиться хотел и виниться...»

С криком: «Света!» я и вышел из дремоты, вскинулся, всматривался в полумрак. И осознал, что кто-то стучит в дверь моей комнаты. Давно стучит.

Встал, открыл.

Оказался тот самый шпаненок. В сапогах (как ноги не отморозил) и с претензиями.

— Я спросил смоленского смотрящего, он на слышал про таких воров в законе!

— Горло пересохло поэтому я сперва выпил воды из граненного графина, налив её в граненный же стакан. Потом спросил:

— Про каких?

— Чего про каких?

— Про каких воров он не слышал? И кто он такой — этот смотрящий?

— Как кто — Гоша Ростовский.

— Если он Ростовский, то почему в Смоленске?

— Вы меня опять путаете...

— Слушай, пацан, сбегай ты лучше за бутылкой. Без неё не разберемся тут со смоленскими и ростовскими. Только «Московскую» не бери, возьми «Столичную» за три рубля и колбасы ливерной. Вот пятерка, сырок еще возьми пару. Я уже знал главные цены холостяков этого времени: «Столичная» — 3-07, «Московская» — 2-87, колбаса ливерная — 46 копеек, сырок «Дружба» — 14 копеек. И цены нашей поселковой столовой, которая вечерами работает как Кафе, тоже изучил. Молодость и хорошее здоровье делают чудеса: сижу за грязным столиком, ем порцию пельменей за 36 копеек (неизвестного состава) со сметаной. К этому имею даже чашку «бульона» из кастрюли, где они варились и ощущаю полное удовлетворение.

Но пока я раздумывал над ценами и желанием побриться — не бриться на ночь, шпаненок уже вернулся. Так что вопрос отпал, да и не очень-то хотелось выполнять ритуал: помазок, пена для бритья, станок с одноразовой бритвой «Нева», тройной одеколон и, обязательно, кусочки газеты — заклеивать порезы. Кто-то брился опасной бритвой, правя её на специальном ремне, но я так и не научился.

Парень разлил водку по полстакана, разломил сырок, нарезал колбасу. Бахнули, подышали, закусили. Столичная — водка приятная.

— Скажи, — начал я, — твой смотрящий меня видел?

— Нет, откуда.

— Так почему он решил, что меня не знает?

— Ну ты же Непомнящих Владимир?

— Эту фамилию мне в ментовке дали, потому что я ни хера не помню.

— А-а-а! И погоняло свое не помнишь?

Я задумался. Если в моем прошлом были уголовные моменты, то наверняка и кличка была. И что-то такое вырисовывается. То ли Маэстро, то ли Профессор. Профессор пойдет, нейтральная кликуха.

— Помню, вот сейчас вспомнил. Профессор. А ты давай, хилай отсюда, водку можешь забрать. Я спать хочу, только из Москвы приехал, устал.

Выпроводив парня излишне поспешно задумался. Какие-то смутные образы витали в памяти в связи с погонялом Профессор. Вот досплю, может и приснится что?

*Заклученные стихи не часто пишут,
Заклученные навзрыд поют стихами.
Учащенно звезды ночью дышат
Над моими скомканными снами.
Владимир Круковер, тюремные стихи*

И приснилась мне камера (неизвестно где и неизвестно когда) полная зеков, кроме двухъярусных нар лежали даже на цементном полу матрасы. Это была камера, для свезенных сюда туберкулезных. И их лечили: вызывали по одному на уколы, давали вместе с едой таблетки. И еда была больничная: к баланде и каше добавляли кусочек сливочного масла, утром давали стакан молока.

В камере все курили. Кто имеет отоварку в тюремном магазине — те курили сигареты прима или памир, не имеющие денег — махорку и бычки. Они собирали бычки от сигарет в пепельнице — банки из под бычков в томате и крошили их, сушили на здоровенной батарее рядом с толчком и крутили сигарки.

Я и сам был тубиком, доставленным сюда с зоны. Но лежал на вип-месте, над смотрящим. Наши кровати даже были отделены простыней от остальных восьми сдвоенных и спинками примыкали к окну. Но света от этого не прибавлялось, так как окно было не только забрано решеткой, но и прикрыто «зонтом», металлическим щитом, не позволяющим передавать в камеру вещи по веревочным «проводам» — кидать коня на жаргоне. Поэтому вещи передавали через надзирателей, а в соседние камеры — через туалетные трубы.

Меня как раз вызвали на вечерний укол. Вертухай открыл кормушку (откидную дверцу в тюремной двери) и крикнул:

— Профессор, к лепиле (врачу).

И такая тоска меня охватила, ведь ждал, надеялся узнать свое настоящее имя, фамилию. Такая тоска, что сразу проснулся. И свои собственные, вспомненные стихи записал:

*Заклученные стихи не часто пишут,
Заклученные навзрыд поют стихами.
Учащенно звезды ночью дышат
Над моими скомканными снами.
Спит планета в горестной оправе,
Спутники — слезинки среди ночи.
Заклученный в собственной державе
Безутешно сны свои полощет.*

*Вдоль забора ходят часовые,
Автомат отсвечивает грозно,
Лают глухо псы сторожевые,
И все реже всхлипывают звезды.
Утро наступает, как проклятье,
Зона изувечена туманом.*

И разборчивых стихов заклатья
Как обычно кажутся обманом.

Ну а потом пошел на работу — в милицию. Только стакан воды выпил и пошел.

Горбатов был уже на месте, покормил собаку и пытался дрессировать. Сделал замечание, погладил Джулю и отпустил в вольер.

— После еды отдых молодым собакам нужен, как и детям. Вот, например, охотничьих собак если покормить перед охотой, то они пищу отгрызают, чтоб не мешала. Или отключают процесс переваривания, еда лежит в организме мертвым комом. Вот отдохнет часик и начнем. Выборка вещи по запаху человека, выборка человека по запаху вещи, движение по свежему следу, движение по старому (спустя несколько часов) следу, задержание и обездвиживание. Дресс-халат сшили? Нет, ну тогда задержание отрабатывать не будем.

Но день нынешний, после угрожающего визита шпаны, не ожидался томным. Сперва вызвал капитан Свиридов, поинтересовался скандалом, который я якобы устроил в редакции. Вон как оскорбленные графоманы дело повернули!

Я вкратце объяснил ситуацию и успокоительно сказал:

— Вот в областной газете материал напечатают, всем злопыхателям нос утрем. С человеком, которого печатают в области, райончики связываться побоятся.

— Так уверен? Видать что-то вспоминаешь по этому — журналистскому делу. То-то я гляжу, речь у тебя грамотная, интеллигентная. А о чем статья-то?

— Про передвижению пятиэтажных домов. Так переносят на другое место, что жильцы спят спокойно.

— Где-то я читал, — сказал капитан, — что в 1455 году некто Аристотель Фиораванти переместил двадцатичетырехметровую колокольню делла Маджоне при церкви Санта Мария Маджорегуен в Болонье. Говорят, древние египтяне тоже это умели. А еще на острове Пасхи статуи голые туземцы не только высекали, но и перемещали. Статуи 90 тонн, при росте в 15 метров!

— Ого! — сказал я. — Удивили, товарищ капитан. Так что — мне начинать бояться этих коммуняг.

— Я, кстати, тоже коммунист. И вступил в партию не прохладаясь за столом, а во время боев. В разведке я воевал...

— Простите, — только и нашелся что сказать я.

— Да ладно, ты во время войны еще пацаном был. А бояться не надо: ты пока больной и работаешь у нас сторожем, ничего тебе предъявить невозможно. Но ты начинай вспоминать, начинай. Человек должен знать, кто он такой есть! И у меня к тебе поручение есть: надо составить записку в управление, где обосновать необходимость собаки в нашем РОВД. Особенно, в плане профилактики правонарушений.

— Ну это же просто: вечернее и ночное патрулирование с собаками в скверах, парках и темных закоулках почти полностью избавит район от грабежей и насилий. А в плане розыска — может увеличить раскрываемость квартирных краж и краж в государственных предприятиях, совершенных путем проникновения на охраняемую территорию.

— Вот, как по писанному чешешь. Ясно, что у нас служил, в МВД. Иди — пиши.

Ну я и пошел.

Пристроился в комнате участковых, попил чайку, нагрел на плитке с открытой

спиралью помятый чайник с деревянной ручкой, взболтнув пузатый заварник — есть заварка? Это процедура отвлекла от грустных мыслей, а вот если бы чай был в пакетиках и электрочайник... Прервал нелепую мысль: во-первых, чай не бывает в пакетиках, а вот только так — байховый, Краснодарский или Два слоника из Индии. Во-вторых, электрочайник у нас был, но в нем вода невкусная, накипь на спирали постоянная. Самый вкусный чай, конечно, на костре, но и на плитке нормально.

В комнате спокойно — участковые все по участкам разбрелись: утренний обход. Набрал себе бумаги (какая-то она сероватая), обмакнул ручку в чернильницу. Хорошо, хоть перо уточка, не будет царапать. А вот стальное перо № 11 со звездочкой эту бумагу бы рвало.

— Эта бумагу для пишущих машинок, а пишем мы на хорошей, из тетрадок. — Это зашел в кабинет один из участковых, пожилой старлей. — Вот эту скобку металлическую вынимаем, листы отсоединяем и пиши на здоровье. А ты что пишешь?

— Да вот, шеф сказал написать о применении собак в милиции.

— Ишь ты — шеф! Где нахватался только? Баловство, эти твои собаки, только жрут и лают. Вот на охоте — да, там собакам первое дело. А тут — баловство.

— Не слушай его, — вошел в кабинет мой ученик Горбатов. — Петрович у нас лицо старорежимное, привык по старинке работать: наганом да добрым словом.

— Сам ты старорежимный! — обиделся старлей. — Когда мы в пехоте Берлин брали, так ты на печи сидел.

— Ну я же не виноват, Петрович, что годами не вышел.

— Вот и не болтай тут не по делу.

Поняв, что тут я ничего не напишу, пошел искать тихое место. И забрел в кабинет угро, где опер одним пальцем что-то изображал на разбитой пишущей машинке «Москва». Я взглянул ему через плечо:

«Заявление. Прошу предоставить мне отпуск за свои счет...»

— Букву «Р» пропустил.

— Где? Вот черт!

— Давай напечатаю, а потом мне надо машинку на полчаса.

— Да хоть на весь день. А ты умеешь?

А что это я так резво? Действительно, не помню. Не попробуешь — не узнаешь.

Сел, руки сами легли на клавиатуру, отпечатал большими буквами заголовков, нажав на кнопку регистра, передвинул каретку и, будто на рояле сыграл.

— О, как ловко! — Восторгнулся опер. — Теперь тебя будем звать, если что. Ну я побежал, а ты, будешь уходить, вон ключ — запри и дежурному отдай.

Полчасика я успешно работал, набросав основные тезисы докладной на бумаге, а потом начисто выдал их в пяти машинописных листах форма А-4. Тут тоже была чернильница «непроливайка» и вставка с пером уточкой. Память сигнализировала про удобные наливные авторучки с золотым пером и, даже, о каких-то «шариковых ВИС Cristal» (я что — иностранный язык знаю?). Но я не дал фантазиям разгуляться, а поволок свою докладную к начальнику угро.

— Неплохо, — резюмировал Виктор Борисович, проглядев мое творчество. — И даже профилактику не забыл, надо же. «Предполагается резкое снижение уличной преступности против личности, в частности по статьям 206 УК РСФСР, при условии подвижных патрульных групп с обученными собаками в скверах, парках и в районах питьевых алкогольных заведений» — процитировал он. Откуда статьи знаешь.

— Хулиганка, каждый баклан знает.

— Вот и жаргон воровской тебе знаком. Ботаешь, что ли?

— А кто у нас в России по фене не ботает? — по-одесски ответил я.

— Нет, уверен я, что ты проводником служебных собак был. И возможно, что начальником целого питомника в МВД.

— Хорошо бы... — сказал я неуверенно.

И тут зашел дежурный...

«Группа, на выезд! — завыли в отделе репродукторы, понуждая эксперта, опера, следователя и кинолога поскорее садится в машину».

Ну да, в кино про майора Пронина. А тут зашел дежурный и сказал:

— Товарищ капитан, там сельпо обворовали, а оперов нету-ти.

— Ладно, сам съезжу. Вот с инструктором по собакам и съезжу. Позови там Горбатова, он должен во дворе с собакой возится. — И, обращаясь уже ко мне: — Как думаешь, может уже наша Джуля пользу принести на краже?

— Попробуем, — ответил я. — Рановато, конечно, четыре месяца надо, чтоб подготовить следовика. Но все равно привыкать ей пора, да и младшему полезно попробовать.

Село Андрейково недалеко. Приехали, полчаса всего протряслись. Узнали, о до революции тут было имение купца Плетникова. До сих пор живи развалина двух помещичьих дома, которые деревенские растаскивали, растаскивали, но так до конца и не растаскали. Имеются в селе село Андрейково: птицеферма, станция защиты растений, Андрейковский сельский дом культуры в аварийном состоянии, сельпо, медпункт и библиотека. Продавщица магазина болела три дня, сегодня пришла замок с засова отстегивать и обнаружила, что дужка перепилена. Заходить не стала, а сразу пошла в сельсовет и вызвала милицию, то бишь — нас.

— Ну, за это время воры уже всю водку выпили, — сказал бывший участковый.

— Посмотрим, — сказал капитан.

— Первое правило проводника, — сказал я, поглаживая Джулю за ухом, — проверить первобытность места происшествия. Если оно нарушено, то собака пойдет за тем, кто последний раз был в этом месте. Никто, даже эксперт, не имеет права первым его осматривать. Ты — первый. И собаку вперед всегда пускай.

— Ну, эксперта у нас последние полгода нету. А в уголовке кроме меня всего два опера. Я их предупрежу. Давай, Непомнящих, работай. А мы посмотрим, поучимся.

Я запустил собаку в магазинчик, дав команду: «Ищи, Нюхай», зашел сам. Прилавок, за ним полки, на полках консервы: «Морская капуста», «Завтрак туриста», «Шпроты рижские», «Тушенка говяжья», стеклянные банки с березовым, томатным и персиковым соками и пара рулонов с марлей. Еще видны закрутки для банок, но без крышек — крышки для домашнего консервирования у нас дефицит, ими цыгане торгуют из под полы. Псина обнюхала пол, не вполне понимая, что я от нее хочу, и притащила рукавицу. Брезентовая, рабочая, но внутрь вставлена шерстяная перчатка, зима все же.

Вышел с этой перчаткой, держа ее осторожно, двумя пальцами. Спросил продавщицу:

— Ваша?

— Нет, у меня на мне... — она протянула вперед руки с меховыми варежками.

— А рабочий?

— Так нет пока рабочего, запил. Одна управляюсь.

— Вот и хорошо! — протянул я Джуле перчатку, нюхай, ищи...

Собака принялась, покрутила головой, а потом догадалась, опустила морду к земле, принялась. Я не надеялся, что в снегу и хоженной мерзлой земле псина найдет нужные запахи, но она, как ни странно, взяла след, пошла по нему, обернулась — «Я правильно делаю?», «Да, хорошо — «Ищи!» — поощрил я. И она пошла резво, натягивая поводок, который я совсем бросил на дорогу...

Ангелы не летают на крыльях,
Ангелы крыльев давно лишены,
Ангелы лишены даже жены,
Ангелы к серии инвалидов
Отнесены.

Ангелы ужасно страдают
каждую ночь -
Им невмочь.

Ангелы ходят на костылях,
Потому что у них слабые ножки,
Которые не могут бежать по дорожке,
Ползают по планете, как грудные дети,
Впотьмах.

И ужасно страдают
каждую ночь –
Им невмочь.
В.Круковер, «Декадентские стихи».

Привела она нас к хате на отшибе, которая на первый взгляд казалась нежилой. Не шел дым из трубы, поваленный плетень никто не восстановил, да и следов на недавней пороше не было свежих. Но Джуля, взрывая эту рыхлую порошу носом, все таки доперла нас до чахлых ступенек в избу и обернулась вопросительно. «Мол, я свое дело сделала, теперь за вами ход». Николай рванулся было войти, но капитан придержал его за плечо, махнул головой на низкое окно, прикрытое ставнями. Потом ударил в дверь ногой, так что что-то хрустнуло и ворвался внутрь. Там загрохотало, вскрикнуло, затихло. Вошли мы с собакой, осторожно вошли. В полумраке, свет слабо сочился сквозь щели в ставнях, обнаружился мужичок, лежащий прямо на полу лицом вниз и капитан, одевавший на него наручники. На дощатом столе стоял ряд бутылок с водкой и несколько консервных банок, грубо открытых ножом. Попировал мужик!

Вообщем, дело оказалось простым. Откинулся владелец хаты и сразу же, узнав что сельпо не работает по причине болезни, рассчитал: никто не хватится в ближайшее время. Вот и взял ночью в руку пилку по металлу. Да и взял там пустяк: ящик водки, консервов да банку томатного сока. Ну еще мелочь выгреб из секретного места (в поддувале печи), семь рублей 43 копейки. Но общая сумма получилась чуть больше сотни, да и государственное предприятие этот магазинчик. Так что 144-ой (кража личного имущества) не отделается, по полной бедняге впаяют. Тем более — рецидив, второй раз он это сельпо грабит.

Дело пустое, капитан и без собаки его б раскрыл, там особых оперативных сложностей не было. Опросить население, проверить освобожденных недавно, пустое дело... Но теперь к

моей записки по теме собак можно присовокупить реальное дело, раскрытое овчаркой и её доблестным вожатым — младшим лейтенантом Горбатовым!

Обратно ехали в одной машине с задержанным, который всю машину пропитал перегарным духом. Так что вышли у РОВД уже вечером, Николай повел собаку кормить, а я, попрощавшись с капитаном, заглянул в рюмочную. Она и расположена так, что не минуешь: между милицией и общагой.

В забегаловке, не успел угодливый хозяин выставить мне сто грамм с кусочком хлеба (денег он с меня теперь не брал), как с приветствиями вылез пьяный шпаненок с таким же хулиганистым напарником.

— Братишка, чао! Выпьем?

Недавно Муслим Магомаев привез из Италии эту песню: «Прощай, красавица» своеобразный гимн участников сопротивления в войне с фашистами, и теперь всяк упражнялся:

O partigiano, portami via,

o партиджано порта ми виа

o bella, ciao! bella, ciao! bella, ciao, ciao, ciao![1]

— Чего надо? — хмуро отодвинул я парня. Ну не было у меня охоты сегодня с ним общаться.

— О, я его знаю, — вдруг встрял второй парень. — Он в мусарне работает. Ты что — с мусорами дружишь?

Он сказал это истерически громко. В забегаловке наступила на миг тишина, а хозяин доброжелательно улыбнулся мне из-за прилавка красной рожей: мол знаем, одобряем, помним, заплатим...

Я не являюсь драчуном, мое преимущество — мозги, это я в постоянном самоанализе давно понял. Да и пробовал физические возможности этого тела, подозревая, что сознание ему чуждо. Гирю в два пуда, распространенную в спорте этого времени, могу вытолкнуть от плеча три раза, выжать — один. На перекладине подтянулся девять с половиной раз. Сегодня бегал за собакой, метров пятьсот пробежал — запыхался. И оказывается знаю кой-какие приемчики из бокса, потому что напарнику своего хулигана вlepил классический хук — согнутой рукой по печени. Парень скрючился и осел на пол, покрытый мокрыми опилками.

— Корешей выбирай, — прошипел на ухо я шпаненку, — базарит не по делу, баламут. Я — шильник, кидала, фармазон, ломщик... Я кем угодно могу прикинуться по своей воровской масти! Хиляй отседова, да своего баклана заberi.

Все настроение они мне от вечерних ста грамм отбили. Тем более, что феня шестидесятых все время путалась у меня в голове с жаргоном более позднего времени. Например, как назвать надзирателя в тюрьме? Я применял старинное — «вертухай», но на язык просились так же: цирик, пуговичник, попкарь, дубак... Прав был Екклесиаст: “многие знания многие печали”!

До своего сиротского общежития доплелся утомленно, будто выпитый заботами и блужданием в сумраке собственной памяти. Мне бы психолога анонимного, но нет таких в СССР — узнавал. А есть только врачи психиатрических учреждений, к которым только попади — упрячут в дурку. Попытался анализировать, завалившись в трусах на койку. Сегодня печка, одна керамическая стенка которой в моей комнате — настоящая голландка растоплена отчаянно, хотя на улице всего минус двенадцать.

Итак, детство у меня было нормальное, о чем говорит сон, где я на балконе в приличной квартире и в полном комплекте родителей. Даже бабушка в наличие. Остальные сны-видения намекают, что работал с женой в редакции. И что сидел в тюрьме, да похоже не первый раз. Когда же это я успел, ежели телу моему от силы четвертак? Да еще армия три года минимум, если не во флоте. Там — все четыре.

Так в мыслях о прошлом и пришел ранний сон в котором я шел по центральной улице непонятого жаркого до безумия города. Ну так печка, да, подсказала память, но почему улица называется Ха-Шакед. Шакед — знаю: миндаль, а вот почему вместо нормального артикля “The” вмешалось это: “ha”?

Тем временем жара превысило весь допустимый уровень и я вскочил с кровати, сдирая с себя рубаху и брюки. Было темно за окном и в комнате, сердце билось отчаянно, чуть не выскакивая между ребер.

«Ах ты, мать моя — женщина!» — воскликнул я в пустоту темной комнаты, которая была прообразом собственного мозга.

И вновь погрузился в жаркие воспоминания, на сей раз в трусах.

Было такое впечатление, что пишу на удобной клавиатуре какого-то удобного «Леново» заметку для газеты и сам себя заглядываю через плечо, читаю написанное. Такое странное раздвоение.

«Седьмой месяц досрочного рождения пришелся на январь. Те холода, с которыми приходилось сталкиваться в Сибири, мелочь по сравнению с холодами этой южной страны. Как только пальмы такое терпят. Впрочем, тут, в Афуле, больше сосны растут.

А еще выше, в микрорайоне Гиват-ХаМоре, на Горе Учителя по ночам спасает только электропростыня. Нет, можно, конечно, включить обогреватель, но счет за электричество через месяц может вызвать инфаркт миокарда.

В связи с этим очень интересно рассказать о единственном в этом микрорайоне супермаркете, вставить в грустное повествование еще более скорбные нотки.

Этот супер интересен многими факторами. Ну, например, тем, что летом в нем очень жарко, а зимой — очень холодно. Хозяин — странный человек, он уверен, что кондиционеры изобретены напрасно, они только вводят его в лишние расходы. Впрочем, как удалось выяснить в приватной беседе, у него в доме мазганы работают исправно. Естественно, там же нет продавцов, знающих о безработице в Афуле.

Я напрямую спросил об этом девушку-кассира (она, бедная, несмотря на несколько жакетов и куртку аж посинела от холода), но девушка лишь смутилась страшно.

Кстати, тут всегда один кассир. Поэтому все, кто хочет увидеть очереди, напоминающие советские за сервелатом, могут приехать в Гиват-ХаМоре и получить ностальгическое удовольствие. Заодно и на хозяина поглядят, такие монстры даже для Израиля редкость.

Странно, между прочим, другое. В этом магазине овощи и фрукты всегда плохие, в нем грязно, в нем убогий выбор продуктов и большинство этих продуктов залежалые, но, тем ни менее, покупатели есть. Не слишком много, но есть. Где-нибудь в Европе этот магазин покупатель обходили бы, как зачумленный, а тут, в микрорайоне, населенном на 70 процентов пенсионерами из России, Белоруссии и Украины, покупатель настолько не требователен, что покупает, стоит в часовых очередях и молчит. И становится страшно за этих людей, у которых израильские «благодетели» напрочь вырезали гордость, самолюбие.

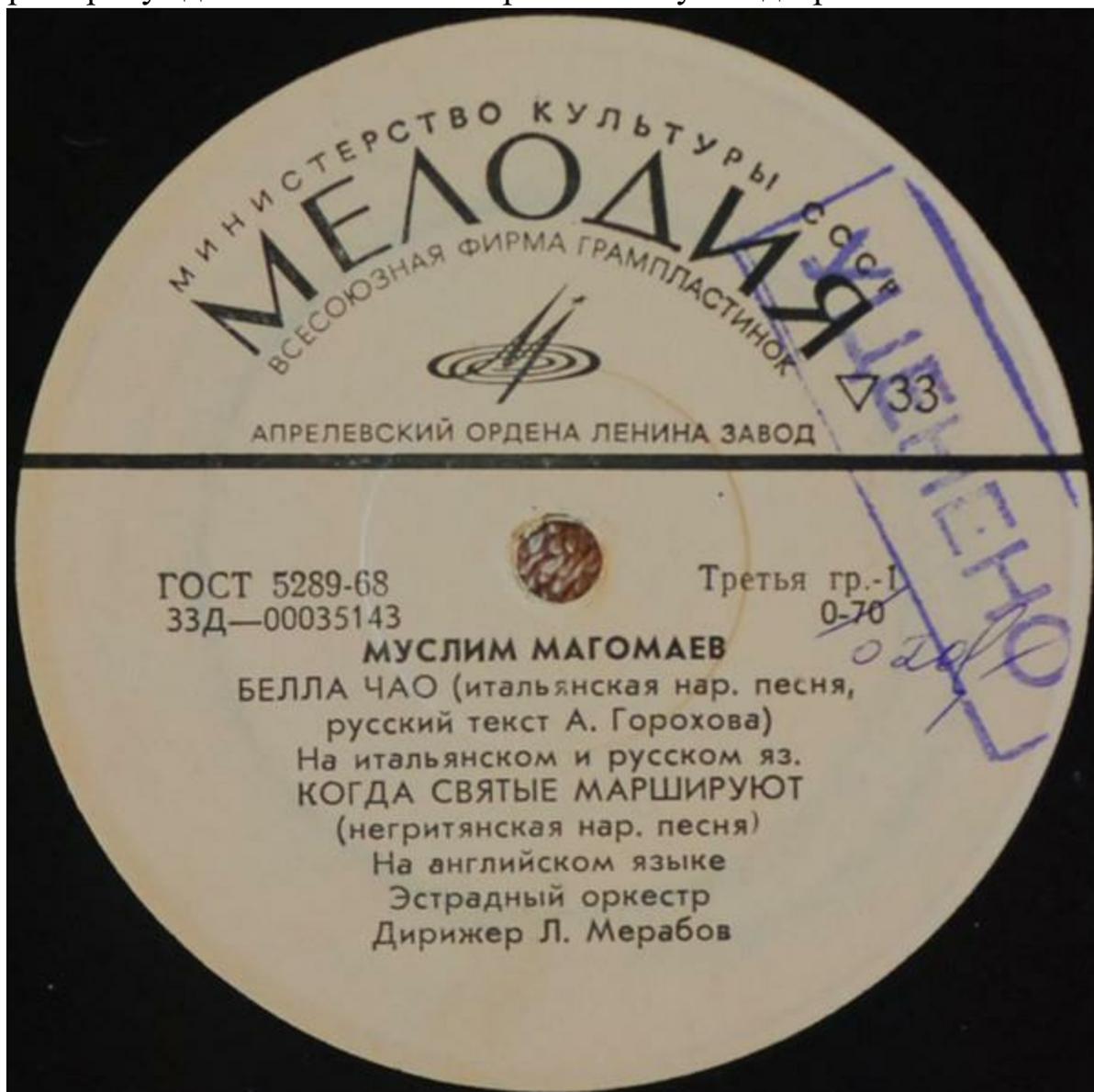
В этом же магазине (и не только в этом) можно наблюдать еще одну, уродливую сторону, которую проявляют уже не закомплексованные на порядочности выходцы из СССР,

а коренные израильтяне. Загребая руками орехи, изюм, финики, печенье, карамельки эти покупатели чавкают, пуская пузыри. Снимают пробу, пробуют! Я лично видел, как один из таких пробовальщиков раскрыл сапожный крем и начал чистить ботинки салфеткой. Я его спросил: «???!!!», а он говорит невозмутимо: «Должен же я проверить, подойдет ли по колеру?..».

Наверное, не подошел ему цвет, так как он купил пачку сигарет и ушел в начищенных ботинках и с горстью орехов в руке.

Да, тяжело семимесячному журналюге! Прошла эйфория приезда в солнечную и, на первый взгляд, комфортную страну. Наступил период распознавания теней, того плохого, что есть в каждом государстве. Уже не шокирует реклама в бесплатных и платных газетах разнообразных аферистов, ищущих гарантов для их афер, проституток для «массажа без интима», идиотов, обращающихся к знахаркам или готовых продать почку за десять тысяч долларов. Обратная сторона капитализм всегда противна. А противней всего, что меня тут ругают «русским», антисемитизм в высшей мере абсурда: «Понаехали тут, русские!..»

На сей раз пробуждение было не от жары — от стука в дверь.

[1] Магомаев исполнял «Белла чао» в двух вариантах — итальянском и русском (на слова поэта Анатолия Горохова):

О партизаны, с собой возьмите,
О белла, чао! Белла, чао! Белла чао, чао, чао!
О партизаны, с собой возьмите -
В бою готов я умереть.

Наша служба и опасна и трудна,
И на первый взгляд, как будто не видна.
Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет.
Значит с ними нам вести незримый бой
Так назначено судьбой для нас с тобой-
Служба дни и ночи.
Если где-то человек попал в беду
Мы поможем — мы все время на посту...

Слова — Анатолий Горохов, музыка — Марк Минков

Стучал не дятел, а вполне себе приличный офицер в синей форме и с капитанскими погонами. Начальник уголовного розыска капитан Свиридов Виктор Борисович.

— Извини что разбудил, — сказал он, переступая порог и протягивая мне китайский термос, — вот глотни чайку сладкого и поедем уже. Нас в Смоленское УООП вызывают. Поезд через полчаса.

Оделся я быстро, чай мигом прогнал сон — густой, сладкий, так и видится слоник индусский на упаковке этого чая. Поезд нам попался удачный: Москва — Минск, да и довезли на милицейском «бобике». Да и в поезде — чуть меньше двух часов, вот и предложил провести их в вагоне-ресторане. Оказалось, не имеется такого на коротком отрезке пути. Есть буфет — полвагона за спальным.

— Ты что, после Москвы разбогател что ли? Или аванс транжиришь? Мне вот докладывают, что рюмочную посещаешь.

— Ну она по дороге стоит, я так — остограмиться...

— Ты лучше купи бутылку да дома её у окна поставь. Пришел, выпил, поужинал и в кровать. Хорошо и денег меньше уйдет. Барыга в «рюмочной» сто грамм по рублю толкает, закуски там — тьфу, не считаем. Бутылка в пять рублей выходит, вместо двух с мелочью. С каждой бутылки он два рубля прибыли имеет. Вот скажу ребятам в ОБХСС, пусть там присмотрят за этой коммерцией. А ты думать забудь, мы на доклад в само Управление едем, а от тебя до сих пор перегаром прет. На вот съешь, жена собрала. — И он достал из портфеля пакет.

Развернул газету, под которой оказалась промасленная упаковочная бумага, а уж под ней знаменитая вареная курица и вареная же картошка. Рот непроизвольно наполнился слюной.

— Ты ешь, ешь, — подбадривал капитан, но видя как я глодаю крылышко, тоже не удержался, оторвал ногу и взял картошку. — Все посолено, хотел на обратном пути покушать. Ладно, купим потом что-нибудь, на вокзале всегда продают в дорогу.

Поели, запили чаем (не из термоса — проводник принес в красивых подстаканниках) с сахаром в специальных «железнодорожных» пакетиках на два кусочка. Вздремнуть еще успели. А на Смоленском вокзале нас встретила «Победа» с белой по красному надписью на

боку: «Милиция». Виктор Борисович уселся рядом с водителем — сержантом, а я сзади, сдерживая умиление от этой машины, так остро напомнившей детство. Именно на ней нас в десятом классе учили в ДОСААФ[1] шоферскому делу. На М-20 и на грузовичке попеременно. Обязательная прогазовка для переключения передач, особенно с высшей на низшую. И гордость — получить шоферские права третьего класса в 16 лет!

«Значит не просто благополучное детство у меня было, но и на «Победе» успел поездить, — прикинул я. — Только как-то по времени опять не совпадает».

В управе нас принял сам Николаев Николай Иванович, полковник[2]. Принял по простому, выйдя из-за Т-образного стола и присев рядом на полукресла дореволюционной мебели. «Из мастерской Генриха Гамбса, — мелькнула в моей отморозенной голове озорная мысль. — Остап разводит руками».

— Я чего вас вызвал, — сказал полковник. — Узнал, что ты, капитан Свиридов, в уголовке своей собак развел. Бухгалтерия пожаловалась, денег им на собак жалко, на пустяки говорят. А я заинтересовался. Нам давно пора свою службу милицейских обученных собак завести. Вон, я специально узнавал в НКВД, — и он протянул лист бумаги:

«Штат № 14/19 Центрального питомника
Командный состав — 17 человек
Рядовой состав — шесть человек
Курсантов — 12 человек
Обучаемых собак — 12 голов
немецкая овчарка — шесть (по связи)
доберман — пинчер — четыре (розыскная)
кавказская овчарка — две (караульная)»

Можешь у нас такой организовать, средства выбью. У тебя, говорят, специалист по собакам появился. Это он?

— Он то он, — сказал капитан неохотно, — переманить хотите? Так он у нас память потерял, нашли в снегу голого, воспаление легких — с трудом вылечили. Амнезия, не помнит кто и откуда. Запросы отправили, но пока безрезультатно. Но в собаках разбирается, да. Не исключено, что в милиции служил. Я уже отправил запросы в центральную кадровую службу, чтоб посмотрели проводников служебных собак, если где они еще есть.

— Я во время войны насмотрелся на работу собак, они многих из нас от мин спасли. И почтальоны у нас были, под пулями сообщения доставляли. И медикам помогали, тоже под пулями с санитарной сумкой ползали, раненых искали. Ты как — умеешь с собаками работать.

— Ну вроде как и умею, но не помню как. Доктор сказал, что профессиональные навыки у беспамятных сохраняются, вот и умею. Моя подопечная вчера кражу раскрыла, хотя занимался всего ничего, надо четыре месяца готовить следовую собаку. А универсальную полгода. Это, чтоб и задержание, и охрана, и работа по следу, ЗКС — защитно-караульная служба. Но обычно на след отдельных собак ставят, работа тонкая. А на караульную — тут чаще кавказских овчарок берут.

— Ага, разбираешься! — восторженно сказала начальник. — Ты иди пока, посиди в приемной. Попроси там секретаря, она тебе чаю принесет. А мы тут с твоим начальником кое-что обсудим.

Чай у секретарши оказался вкусным, с конфетами «Мишка на Севере», выпускаемых

Кондитерской фабрикой имени Н. К. Крупской в Ленинграде.

— Николай Иванович очень эту марку любит, — сказала секретарша, усаживаясь за пишущую машинку. Ты не стесняйся, бери еще.

Ну я и не стеснялся, третью уже ел, когда снова позвали в кабинет.

— В общем есть такое решение — создавать собственный питомник розыскных и караульных собак. Планируем тебя на эту должность. Оформим паспорт, все как положено... Только вопрос, какое звание присваивать?

— Ну я служил, это точно, сны снятся про службу на Дальнем Востоке. Скорей всего кончил институт или техникум педагогический, может — вечерний.

— Да, парень образованный, — подтвердил капитан. — Объяснительную заявку он писал, про собак.

— Тогда будешь мамлеем (мл. лейтенант). После испытательного срока, естественно. А первые месяцы будешь стажером, без звания. Там, конечно, оплата маленькая, но мы тебе премиями доплачивать будем. Зато потом и за звание, и за должность... Вопросы есть — вопросов нет!

— Вопросы есть, — озадачил я начальника. — Позвольте стажировку пройти в Вяземском РОВД у товарища капитана. Да и питомник целесообразней организовать не в Смоленске, а на периферии, в сельской местности. И набрать туда бывших погранцов, тех что с собаками работали.

— Насчет стажировки согласен, — ответил Николаев, — а насчет питомника и курсов собаководческих — это в Москву обращаться надо. — И, обращаясь к капитану Свиридову, спросил: — Найдешь там ему место в стажерах?

— Чего не найти, найду. Мы уже как-то привыкли к нему, одежду ему собрали, он же из больницы в одной пижаме выписался. В больничной. Да и работает он уже инструктором, учить нашего молодого участкового с собакой Джулей, вот недавно и кражу раскрыли по следу.

С тем и разошлись, капитан еще затащил меня в городской гастроном копченой колбасы купить. Сервелата не было, он, оказывается, дефицитный — особенно финский, а вот краковская лежала свободно. Было указано, что по ГОСТу «рецептурный состав колбасы полукопченой «Краковской» предусматривал использование говядины первого сорта, свинины полужирной и грудинки». И стоила не дорого — 2-40.

А мне вспомнился анекдот времён перестройки (что такое «перестройка».

Бабушка спрашивает у продавца в магазине:

— У вас есть сервелат?

— Нет.

— А докторская колбаса?

— Нет.

— А краковская?

— Ну и память у тебя, бабушка!

— Свешайте мне двести грамм краковской, — сказал я.

Свешали и дали талончик. С этим талончиком следовало пойти в кассу, пробить нужную сумму и лишь потом получить товар. Судя по очереди в кассу и поведению покупателей, эта процедура была им привычна и не вызывала удивления. Лишь один я чувствовал в этом некую неправильность. Мне казалось, что касса должна стоять прямо у продавца и не

выглядеть ящиком с ручкой, а сочетаться с аккуратными весами: продавец взвесит, упакует в бумагу и какую-то прозрачную пленку, наклеит поверх чек с ценой и на выходе из магазина я положу все пакеты с разных отделов на транспортную ленту... А касса щелкает, касса щелкает,

Скушал Шапочку Серый Волк!
И трясет она черной челкою,
А касса щелк, щелк, щелк...

— Эх, не пробовал ты сервелат коньячный! — прервал мои мысли капитан. — Какая там краковская, только сервелат московский коньячный. Иногда бывает в продаже в городе. Правда и стоит, целых 4-20, но вкуснятина! Я всегда беру, если есть.

Я мигнул продавщицы и отошел к краю прилавка. Она заинтересовано подошла.

— Видите капитана в форме? — сказал ей шепотом. — Новый сотрудник ОБХСС только прибыл из столицы. Я ему город показываю. Очень хочет сервелат коньячный, привык к нему в Москве. Ну ты понимаешь?

— Продавщица заговорчески кивнула и на миг удалилась в таинственные закуры гастронома. Появилась с пакетом, протянула его капитану:

— Вот, было отложено специально для вас. Платите в кассу два пятнадцать, тут полкило.

— Берите, берите, — одобрил я своего шефа, — все по уму будет.

На улице Свиридов прочитал мне мораль, что нехорошо выманывать у продавщиц отложенный товар.

— Успокойтесь, для себя отложила, наверное. Не обеднеет, они на пересортице и отходах приварок всегда имеют. Зато вы теперь с колбасой, с коньячной.

— Ну тогда приходи в субботу ко мне ужинать. Обмоем твое назначение и паспорт как раз новый обмоем. Полковник приказал делать тебе паспорт без волокиты, обещал и в военкомат позвонить, чтоб приняли на учет и военный билет выдали. Вот и попробуешь этот сервелат под водочку.

Доехали, вышли из вагона, пошли по домам. Я, как обычно, зашел в рюмочную. Остограмылся, зажевал хлебом с шпротами. И вспомнил наконец это стихотворение, где касса щелкает. Только автора не смог вспомнить.

А как маму схоронили в июле,
В доме денег — ни гроша, ни бумаги,
Но нашлись на свете добрые люди:
Обучили на кассиршу в продмаге.

И сидит она в этой кассе,
Как на месте публичной казни.
А касса щелкает, касса щелкает,
Скушал Шапочку Серый Волк!
И трясет она черной челкою,
А касса щелк, щелк, щелк...
Ах, веселый разговор!..

Стабильность – это когда несколько десятилетий подряд на эту монету можно было купить стакан холодного кваса неопишуемого вкуса

[1] Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России (ДОСААФ России) — общероссийская общественно-государственная организация, цель которой — содействие укреплению обороноспособности страны

[2] Николаев Николай Иванович — начальник Управления охраны общественного порядка Исполнительного комитета Смоленского областного Совета с мая 1954 года по сентябрь 1964 года, полковник милиции, на фото:

Дочь Фрейда спрашивает:

— Папа, папа, мне сегодня снился сон, что ты подошел ко мне и протянул банан. Я хотела взять его, но тут подошел дядя Густав и протянул свой банан. Я посмотрела на твой банан — он был маленьким и вялым, а у дяди Густава банан был аппетитным, большим и спелым. Я взяла банан дяди Густава и проснулась. Что это означает? Фрейд вздохнул и ответил:

— Бывают сны, доченька, просто сны...

Это были не только сны. Это было познание во сне. Я вспомнил фрагменты своего прошлого до девятого класса включительно. Не пришло озарения по поводу фамилии, зато точно определил возраст — я родился в июле 1935 года.

А воспоминание началось с эротического момента. Я, оказывается, в девятом классе на летних каникулах работал в Центральном парке заведующим шахматного павильона. Половину дня работал, а вторую половину — дед какой-то работал, ярый шахматист. Так вот, после работы остался посмотреть кино в открытом кинотеатре, были такие в те годы. И будучи работником этого парка (пусть и на полставки) пригласил без билета какую-то девчонку лет пятнадцати в застиранном сарафане. Билет стоил пустяк — 20 копеек, но не всегда у подростков в пятидесятых были эти копейки. И не такие уж копейки, найти на улице двадцатикопеечную монету, считалось удачей. Молоко и хлеб — это первое что приходит в голову из того, что можно было взять на двугривенный. Цена на хлеб в СССР была одинакова по всей стране. Кирпичик белого хлеба, стоил пятую часть от рубля. Буханка серого хлеба 16 к., черного 14.

Но было и много чего другого, что стоило примерно 20 копеек. стакан семечек, к примеру, стоил 20 копеек, а маленький стаканчик 10. А у нас в Сибири предпочитали кедровые орехи по такой же цене.

Еще покупали серу. Жевательная сера имеет полезный состав и собирают ее, срезая наросты на хвойных деревьях. Сера, топленая в печи, твердеет и сохраняет форму комочка. Чтобы ее разжевать, нужно немного подержать живицу во рту, пока она не размякнет.

Так вот, после кино мы нашли в парке удобный уголок, прикрытый со всех сторон деревьями, и девочка отблагодарила меня. Запомнилось, что никак не мог развязать тесьму на плавках и порвал ее (так и шел домой с плавками на правой ноге). И то, что девчонка оказалась не слишком чистой и у меня на другой день воспалилась кожа на члене. Пришлось, пряча стыд, обратиться к деду, с которым работал в паре. Тот посмеялся и посоветовал мазь: «Звездочка»[1]. Помогло.

И вот так, перематывая от этого эпизода в обратную сторону, память восстановила все воспоминания вплоть до совсем смешного возраста. Как я одеваю на ночь «спальную» рубашу из плотной байки. Как впервые иду в школу (с бабушкой: мама и папа на работе). Как хоронят бабушку. Кстати, большинство информации о своих предках, получил именно от бабушки.

...в отдельной комнате, где со временем возникнет папин кабинет (город оценил двух

докторов и выделил большую квартиру к рождению сына), живет бабушка. Мамина мама. Ей сто или тысяча лет, она любит сидеть в кресле-качалке, накрыв ноги теплым пледом.

Бабушка и сама по себе существо интересное, но ещё интересней её сундук. Не такой шикарный, как у мамы, но тоже могучий: в треть комнаты длиной и с металлическими полукруглыми полосами на выпуклой крышке. В сундуке имеются разные сказочные вещи, но наиболее любимых — три. Домино из сандалового дерева, не теряющее своего запаха до скончания мира. Огромная коробка с чёрными лакричными леденцами, которые несут в себе невероятную смесь соленого, сладкого и противного. Бабушка их сосёт от кашля, а я — для удовольствия. Третье чудо — квадратная жестяная пустая коробочка из под ваксы. На ней нарисован отвратительный чёрт в чёрных копытах с сапожной щеткой в лапе и написано: «Мылся, брлся одевался — Сатана на балЪ собрался».

— Слушай, слушай, — бормочет Бабушка, склоняясь к мальчику, — когда я умру, спрячь меня в сундук. Я лёгкая, ты справишься. Забрось меня в сундук и закрой его на замок, а ключ выброси.

— Бабушка, — говорю я, — а можно я сперва возьму домино?

— Ты можешь взять всё, что захочешь, но потом не забудь положить меня в сундук, запереть его и выбросить ключ...

(Бабушка умерла, когда мальчик спал, и он не успел выполнить её просьбу. Из сундучных сокровищ ему досталась лишь пустая жестянка с чёртом. Домино получил старший брат, а леденцы папа положил в аптечку и запретил трогать их без его разрешения.

— Это не лакомство, — сказал он маме возмущённо, — я вообще удивляюсь, как он их ел и что твоя мама ему их давала, это лекарство и мочегонное сильное. И вообще, что это за бред по поводу положить после смерти в сундук!?

— Это не бред, — сказал мальчик, — она так хотела, а вы всё по плохому сделали, зарыли её, как собаку.

— Не говори, чего не понимаешь, — сказал папа. — *Всех людей хоронят на кладбище).*

Дедушка мой по матери был скромным фабрикантом — миллионером. Благодарные за высокие заработки и человеческое отношение рабочие на собственные деньги поставили ему перед входом в цеха памятник.

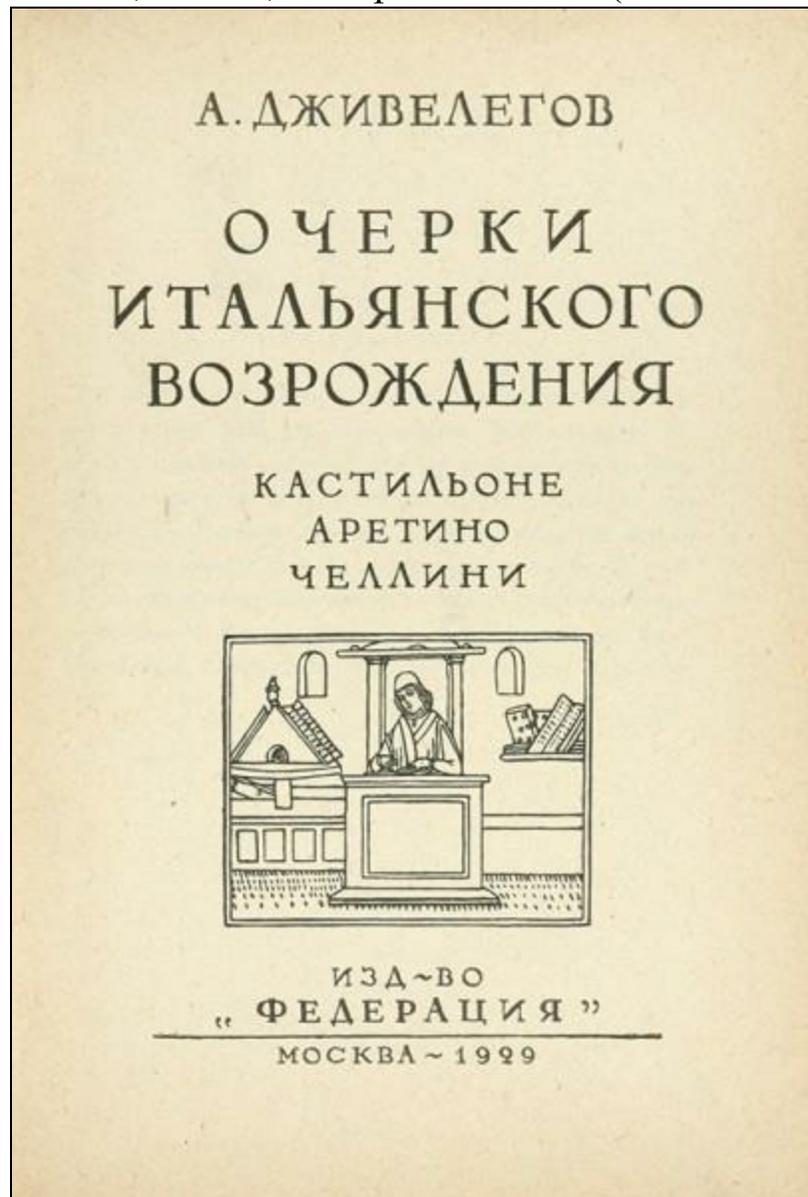
Когда дед перешагнул пятидесятилетие, он продал фабрику, раздал деньги на благотворительность и ушел с цыганским табором скитаться.

Бабушка родилась в Нахичевани, Ее мама была одной из наложниц в гареме султана, но султана видела всего один раз, мельком. Она была в группе армян, спасенным Грибоедовым из неволи.

Если кто не помнит, дипломат Грибоедов не только писал пьесы, но и участвовал в подготовке к Эриванскому походу и в самих сражениях, вел переговоры, освобождал армянских женщин из персидских гаремов, а также был инициатором переселения армян из Ирана в Россию. Как известно, в начале XVII века при шахе Аббасе I множество армян которые всегда славились своим талантом и трудолюбием, были насильственно вывезены из Армении и, в частности, из Карабаха в Персию. И перед российскими властями стояла задача вернуть их в родные места. Благодаря усилиям Александра Грибоедова в Туркманчайский мирный договор был включён 13-й пункт, согласно которому персы обязались не препятствовать возвращению угнанных в Иран армян на историческую родину.

Бабушка владела пятью языками и дала хорошее воспитание моей маме. Я запомнил её сундук с таинственными вещами и лакричными леденцами от кашля. Один раз рассказала, как отстегала Буденного мокрым полотенцем. "Вешала белье во дворе, въехал на коне и хватать меня ниже спины. Ну я ему и дала мокрым полотенцем по усатой харе. С коня соскочил, сам низенький, но широкий, ноги кривые..."

Мама окончила мединститут. В гимназии училась отлично, сидела на специальной парте для отличников, на которой была табличка: "Тут сидел отличник Дживелегов Алексей, ставший академиком". Мамин, кстати, двоюродный дядя. (Фото 1907 года и книга).

Ну а потом папу сослали в Сибирь. Учитывая что воевал, коммунист, кандидат медицинских наук не посадили, просто выслали подальше — в Иркутск, где он работал поначалу в лепрозории. Лечил больных проказой.

А мама работала терапевтом на машиностроительном заводе имени Куйбышева и бегала в поликлинику в любую погоду.

Иногда мы все выезжали за город сажать или выкапывать картошку, в СССР от этого никого не освобождали.

Я долго лежал с открытыми глазами, перебирая открывшуюся биографию Была

надежда, что и остальные элементы мозаики моей жизни сложатся в разумное панно. Но посвящать кого-либо в свои открытия я не собирался. Очень уж мои предки не вписывались в коммунистическую мораль этого времени. Конечно, сталинские репрессии уже позади, но и при Хрущеве КГБ продолжает работать.

Сказал только (потом, уже на службе), что определился с возрастом и местом рождения: Иркутск (Ангара в воспоминаниях четко проскальзывала) город в Сибири, середина июля 1935 года.

Ой как бесилась бухгалтерша, узнав, что меня зачислили в состав МВД. И что скоро, возможно, тут будет целый питомник служебно-розыскных собак. Почему-то она меня невзлюбила. Наверное видела во мне частицу хаоса и боялась за свой упорядоченный и организованный мирок!

А вот участковый обрадовался возвращению в свое прежнее (участковое) состояние. Ну не получалось у него с собаками должным образом. А вот участок он свой изучил и ходил по квартирам и домам уверенно и гордо. С толстым планшетом через плечо и здоровенной кобурой ТТ на боку.

Ну а мой новый старый начальник капитан Свиридов послал запрос в Иркутск по поводу семьи врачей, среди которых муж работал в лепрозории а супруга — на Куйбышевском заводе участковым врачом. По телетайпу послал, есть у нас оказывается в секретке такой аппарат. И вскоре мы узнали, что такая семья в Иркутске есть. И что их сын в данный момент работает в сельхозинституте преподавателем физики. После окончания Иркутского университета. И даже плохенькую фотографию переслали этого сына. Ни малейшего сходства со мной.

— Ложная память, — проявил неожиданное знание капитан. — У нас после контузии один боец начал считать себя бабушкой. Именно так — старой женщиной. И подробно рассказывал биографию этой бабушки. Мозг наш очень чудесное устройство и порой такие шутки отмачивает, никакая наука не определит что к чему.

Я же, будучи до этого телетайпа полностью уверенным в реальности воспоминания, был смущен, растерян. И поступил привычно — выставил сослуживцам литр столичной. Еду посоветовали не покупать, сгоношили сами. Три человека кроме меня и капитана еще работало в отделе уголовного розыска нашего РОВД. Все местные. Так что, пока я ходил в магазин, сбегали домой и натащили соленой капусты, моченых яблок, брусники, пересыпанной с сахаром, грибов и холодного мяса. Сам начальник милиции посетил наш небольшой сабантуй, поздравил по поводу вступления в славные ряды защитников порядка. Не с пустыми руками пришел подпол (подполковник МВД Грибов Сергей Данилович), а с бутылкой перцовки. Редкое лакомство в нашем райпо.

Конечно не хватило. И, конечно, послали гонца. Мамлея Горбатова. Как бы обмыть его возвращение в участковые.

Ну а дальше не очень-то помню. Кричал, вроде, что попаданцы обязательно должны уметь на чем-то играть, даже потренировал на гитаре: «Болеро, болеро, будь веселой не надо печали...». Никто ничего не понял, но поручили дежурной группе довести меня до дома. Так что проснулся среди ночи в общежитии от холода, встал, разворошил тускнеющие угли, подбросил дров и долго сидел на полу, глядя в топку.

Отгорает костер...

Все поленья давно прогорели
Лишь одно еще тлеет
И искорки мечет во тьму.
Отгорает костер...
Круг золы незаметно светлеет,
Превращается в саван
Прощальной одеждой ему.
По полену последнему
Прыгают желтые змеи,
Скачут синие искры,
Пушистый настил шевеля.
А потом и они
Подменяются пеплом
И слышно,
Как копается ветер
В беспомощном прахе огня[2].

Я четко знал, что в моей жизни были и тайга, экспедиции; была милиция в роли кинолога и была журналистика. И чувствовал я, будто давно отмотал эту жизнь, как отматывают срок на строгом режиме, давно где-то умер. И некую связь с ворами и зонами тоже ощущал. Но память завязла на первой женщине в девятом классе — грязной дворняжки из парка. И никак не давала подсказки — что же было дальше?

[1] Легендарная мазь «Звездочка» появилась в аптеках Советского Союза примерно в 70-е годы. Помнят ее буквально все, поскольку она была по-настоящему действенным, иногда даже незаменимым и недорогим препаратом.

[2] В.Круковер, сборник: «Тажные стихи».

— Лед тронулся! — в ужасе закричал великий комбинатор. — Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Он запрыгал по раздвигающимся льдинам, изо всех сил торопясь в страну, с которой так высокомерно прощался час тому назад. Туман поднимался важно и медлительно, открывая голую плавню.

Через десять минут на советский берег вышел странный человек без шапки и в одном сапоге. Ни к кому не обращаясь, он громко сказал:

— Не надо оваций! Графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы.

«Золотой телёнок» — роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова

Сидел у раскрытой печи, смотрел на огонь, думал о том, что в этом времени еще живы мои родители. Да и сам я жив. Угораздило моему сознанию угодить в чье-то тело в другой из множества миров. Это и угнетало, и радовало. Узнать бы еще чье тело я занял?

А утром, сонно войдя в райотдел, я и узнал чье. Оказывается демобилизованный офицер не доехал из Хабаровска до Москвы, куда направился после вынужденной демобилизации. (В 1960 года Верховный Совет СССР без обсуждения утвердил Закон "О новом значительном сокращении Вооруженных сил СССР". Из армии и флота были уволены до 1 миллиона 30 тысяч солдат и офицеров, это почти треть от общей численности всех военнослужащих в СССР к тому времени.) Его разыскивал военкомат, так как офицер не стал на воинский учет. Мужчина не имел родни — детдомовец, да и хватились поздно. Но запрос все равно возник и был разослан в форме ориентировки. Социализм — это, прежде всего, учет! И дежурный, который тоже интересовался собаками, но охотничьими (я как-то его консультировал по выбору породы для местных — болотистых лесов) обратил внимание на сходство.

На удивление хорошая была ориентировка. Так что, вскоре военкомат вышлет документы и по ним мне выдадут паспорт взамен утерянного, военный билет и другие документы.

Разыскивается

*Рост около 175 см. телосложение среднее,
возраст примерно до 30 лет,
волосы светло-каштановые,
короткая стрижка, глаза темные.*

— И кто же я такой? — спросил я с интересом, узнав новость. — И чего вы смеетесь?

Подполковник Грибов и капитан Свиридов даже согнулись от хохота в своих полукреслах, коими был обставлен кабинет начальника.

— Ой-ой, ой не могу... — Это Свиридов.

Но подпол все же взял себя в руки и произнес:

— Овчаренко Владимир Владимирович.

— Ну и что тут смешно... — начал было я, но тут дошло и я тоже засмеялся. — Ну надо же, вот почему я так овчарок люблю. А еще какие-то данные по мне есть. Образование, знакомые, друзья наконец?

— Мало, документы еще не пришли. Вкратце военком московский рассказал. Ты действительно тридцать пятого года, двадцать седьмого июля родился. Родители погибли в войну, в госпитале работали в Ростове-на-Дону. Ты беспризорничал, в Москве попал в облаву и был определен в Детский дом. Потом воинское училище, служба. Ты специалист по противовоздушной обороне. Да, ты старший лейтенант, так что у нас капитаном будешь. Вспоминаешь что-то?

— Папа служит в ПВО — морда — во и жопа — во! — сказал я уныло. Пока ничего нового не вспоминаю. Разве что Дальний Восток. Спасск-Дальний, Уссурийская тайга, лимонник, женьшень, Владивосток — Владик, остров Путятин... — Мне все это знакомо, но детали ускользают.

— В общем, — рассудительно сказал Свиридов, — тебе радоваться надо. Во-первых выжил, во-вторых нашел работу. Нынче вашему брату, офицерам, приходится гражданские профессии осваивать, учениками на завод идти, а ты — вот, сразу в капитаны и работа ответственная. Я лично очень рад, что в нашем угро будет такой грамотный офицер.

— Ну я тоже как-то рад, — сказал я неуверенно. — Можно я пойду? Переварить надо новость.

— Иди, только не напивайся до соплей, — сказал начальник Сергей Данилович, — немного можешь выпить, сегодня свободен.

— И не шастай ты в эту рюмочную, — добавил капитан. — Что тебе — медом там намазано. Возьми бутылку водки и дома спокойно выпей под хорошую закуску. Мяса купи на рынке да суп свари. Деньги еще есть?

— Ну есть пока.

— На днях оформим, как полагается. По званию тебе кроме формы и обуви кой-чего полагается. В общем, денежное довольствие, вещевое снабжение, дополнительные выплаты и льготы, паек — нормально заживешь.

Ну я и пошел, окрыленный этими советами. Надо же, мое сознание попало в офицера ПВО. А где он, сознание, служило? Нет ответа. Пока нет. Не сомневаюсь, что со временем все вспомню. «Вспомнить всё», вроде смотрел. Фантастический боевик 1990 года режиссёра Пола Верховена с Арнольдом Шварценеггером в главной роли. Помню еще, что взял специальный «Оскар» за визуальные эффекты.

Какого года?! Во, теперь точно. Я же действительно помню, как у него глаза вылазили в безвоздушном пространстве. И помню, что потом этот артист стал мэром Нью-Йорка. Значит надо вспоминать. Я смогу будущее предсказывать, если вспомню. И проживу, похоже, долго. По крайней мере до 1990 года доживу...

Переполненный мыслями я механически зашел в рюмочную. Деньги меня как-то не волновали, в тайнике в общаге лежала крупная по нынешним временам сумма. После московских ресторанов все равно оставалось больше тысячи. Да и цены в ресторане для меня не показались отвязными, самое дорогое блюдо было меньше трех рублей. Не, конечно при зарплате в сто пятьдесят по ресторанам особо не находишься, оставляя там семь-восемь рублей. Но мне в должности капитана милиции ресторанные обеды вполне по карману. Они и стоят-то, если без шика, меньше рубля. В Смоленске, вроде, есть парочка приличных. Ну а в Вязме мне сорить деньгами опасно. Каждый второй может оказаться стукачом, если не профессиональным секретным сотрудником (сексотом)!

По мере интуитивного вспоминания реальной действительности, сознание непроизвольно эту реальность сравнивало с чем-то более свободным, насколько вообще может быть государство. И мне казалось (опять таки на животном, инстинктивном уровне), что время нынче в СССР убогое, тусклое. Хотя с громадными возможностями для таких безбашенных, каким я себя с эгоистической уверенностью воспринимал.

Ну никак я не ожидал, что найдут тело кем-то убитого офицера, в которое и вселилось мое сознание. Нет, я ничего против второй жизни не имею, я только за! Но планы были другие: живя в Вязме под прикрытием милиции и работы организовать небольшую группу профессионалов по чужим квартирам и начать облегчать по списку руководящих работников пищевой и вещевой торговли. Продолжая жить в провинции, а столицу посещать лишь на время кражи. Прежде всего мне требовался наводчик, специалист по информации об этих (обязательно вороватых) торгашах.

Собрав приличную сумму я намеревался перевести её в драгоценности и затихариться где-нибудь под Ленинградом с тем, чтоб все же слить в Финляндию. Был и второй вариант. Откуда-то помнил, что во время туризма в Югославию туристов на полдня возят в Италию. Вот оттуда из автобуса слить и попросить политического убожества совсем просто, так как камни я могу зашить в одежду. Современная система контроля вряд ли обнаружит бриллианты или там рубины в швах нижней рубахи.

В общем, прямо из «Золотого тельца» сюжет почерпнут. Но с нюансами более рационального побега из страны победившего социализма.

Завершив диалог, Ильф и Петров выполнили «социальный заказ». Вот только сделали они это по-своему, и результаты получились несколько неожиданные. Да, соавторы доказали: Бендер не решил задачу личного обогащения незаконными способами, потому что в СССР она такими способами неразрешима вообще, а из СССР незаконно обретенное богатство вынести не удастся — отнимут. И все же роман не был вполне советским. Главный герой самым фактом своего существования протестовал, отрицал советскую власть.

В моей трактовке получалось, что убежать можно и построить благополучие буржуа в той же Италии совсем не так безнадежно.

Но нынешнее открытие моей внешней личности меняло все планы. Во-первых отпадала необходимость именно сейчас добывать деньги. У меня вырисовывался неплохой оклад и жильё в областном городе с вполне приятным климатом. Да и некоторая власть меня на этом этапе манила. Я спинным мозгом чувствовал, что грядут изменения и что в России можно будет не бояться богатства и жить в свое удовольствие. Меня никогда особо не манила заграница — это я тоже инстинктивно ощущал, будто мои рассуждения, раздумья все время покрывались флером эмоций, будто пахли они при слове «заграница» скверно, а «Россия» — прянно, волнующе.

От раздумий меня отвлек тот самый шпаненок, которого я планировал в шестерки и который теперь переставал быть нужным. Да и оброк на хозяина пивнушки тоже был теперь опасным, надо перевести в шутку и рассчитаться за выпитое на халяву. А пацана лучше вообще кончить, треплив больно.

Я спросил сам себя — умею ли убивать голыми руками и получил от спинного мозга уверенность. И мой разум от этой интуитивной уверенности забил тревогу. «Как так, — вопил он, — в прошлом я убивал людей?» «Неизвестно, — отвечало ему подсознание, — но видел и умеешь убивать!»

От всех этих сомнений меня отвлек опять же этот шпаненок, вернее то, что он повторял уже в третий раз:

— Вот он с тобой и разберется...

— Ты о чем? — спросил я.

— Говорю, вор в законе приезжает. Мы ему ксивы разные собираем. Вот он с тобой и разберется, узнаем какой ты законник, что в мусарне работаешь.

— Послушай, — мгновенно сообразил я, помня о том, что тело моего реципиента было без документов, — а продай мне паспорт. И вообще, давай я посмотрю — куплю что-то.

— А тебе можно доверять, ты же с мусорами крутишься?

Нет, этот шпаненок меня просто умиляет. Не буду его убивать.

— Мне можно доверять. Я тебе целых сто рублей заплачу.

— Ну пошли.

Мы пошли в хату, где жил этот телок с мамашей алкоголичкой. Общая неубраность, типичный для таких жилищ кисловатый запах, два топчана с тряпьем и стол из некрашенных досок. Три табурета и нетопленная печь.

Вот на печь и залез пацан, вытаскивая из-за трубы сверток. И в этом свертке кроме чужих документов нашелся мой воинский билет и удостоверение кандидата в КПСС.

Я протянул шпаненку документ, показал на фотографию.

— Так это ты на фото... — глупо сказал он.

— Нету нынче среди офицеров былого товарищества. Раньше, я помню, каждый офицер старался что-нибудь привнести в общее веселье. Поручик Данкель — служил такой, — так тот, бывало, разденется донага, ляжет на пол, воткнет себе в задницу хвост селедки и изображает русалку.

Человек-то хочет быть гигантом, а на самом деле он дерьмо.

«Похождения бравого солдата Швейка» — Ярослав Гашек

Не надо объяснять, что парня я все же отпустил, так как убедился, что местная гопота просто сдала ему ксивы на хранение. Расколов мелкого до доньшка и узнав где и когда вор в законе из «самого Смоленска» будет устраивать сходку с местной шпаной, отпустил его. Отпустил, объяснив, что если сболтнет, то сами гопники поднимут его на ножи или, наоборот, оставят в живых, но опустят, отхарят в жопенцию. Парень был на малолетке и знает, какова жизнь у опущенных, у педерастов! Так что я был спокоен в отношении тайны.

Ну еще побывал у начальника угро, рассказал ему приглаженную и частичную правду о приезде за документами авторитета из областного центра. Договорились с утра собрать оперативную группу и взять их прямо на хате (на малине, как говорили в этом времени).

И ночью, будто в награду, мне приснился яркий, но отстраненный сон. Оказывается я, в отличие от реципиента, не был добросовестным солдатом. Более того, я был очень недобросовестным солдатом.

Не то что я не хотел служить. Обладая профессией, полученной в ДОСААФ, считал, что могу сразу приступать к боевым дежурствам, а не проводить время с новичками, которых учат радиodelу, работе на кличе азбукой Морзе и прочим премудростям армейского радиста. Что не избавляло меня от внеочередных нарядов. Почему-то наказание всегда приходилось отбывать в посудомойке. Гора алюминиевых мисок, покрытых противным жиром, так мне надоела, что я купил в ларьке лист ватмана, тушь, перья, посидел вечер в ленкомнате, а на другой день зашел в комнатушку старшины-сверхсрочника, Кухаренко, заведующего общепитом.

— Разрешите обратиться, товарищ старшина? — спросил я бодро.

— Обращайтесь, — приподнял на меня томный от жары и похмелья взгляд кухонный командир.

— Я хочу показать вам вот этот чертеж. Смотрите, в посудомойке у нас ежедневно работает наряд из трех человек. И все же посуда недостаточно чистая. Можно сделать автомат для мытья посуды. Видите, все просто: вначале посуда замачивается в камере, затем в следующем отсеке она на ленте транспортера попадает под горячий душ, потом — в сушку. Обслуживает автомат один человек — загружает с одного конца грязную посуду и вынимает с другого чистую.

Старшина радостно вскочил:

— Вот что значит новый призыв, грамотное пополнение. У вас, наверное, все восемь классов?

— Десять, — сказал я с достоинством.

— Да, что значит образование. Пойдемте к командиру полка, об этом надо ему доложить. Меньше всего я предполагал, что кухонные агрегаты интересуют командиров такого ранга. Но старшине видней. Если уж он скромную десятилетку считает образованием...

Командир полка — невысокий подполковник Нечипайло, принял мой чертеж с удовольствием. Видно было, что ему до тошноты скучно сидеть в штабе и заниматься служебными вопросами. Он почти в тех же словах выразил одобрение грамотности нового призыва и спросил:

— Что же нужно тебе, сынок, чтоб эта машина работала?

— Свободное время — думаю, за месяц управлюсь: возможность выхода из части — тут рядом заводик небольшой, я там договорюсь о помощи с металлом, ну и местечко для работы. Да, еще небольшая сумма денег — придется подкупить кое-какие инструменты, шланги резиновые, в общем, в хозмаге посмотрю.

— Инструменты выдадут механики, денег выпишем, — а все остальное... — он позвонил в роту, — капитан, ты у себя? Зайди-ка ко мне.

В ожидании капитана подполковник распространялся о нехватке в полку грамотных и добросовестных солдат и офицеров. Единственной опорой он считал сверхсрочников, старшин и сержантов (институт прапорщиков тогда еще введен не был), но признавал, что у этих доблестных служак тоже грамотешки не хватает. Прибыл командир роты. Увидев меня, он довольно осклабился, уверенный, что я опять влип в какую-то историю и теперь внеочередными нарядами не отделаюсь. Капитан этот относился ко мне очень неодобрительно. Буквально в первые дни службы один “дембель” попросил меня сбегать за бутылкой. Старикам отказывать в такой мелочи неприлично, я махнул через забор, но на обратном пути неудачно напоролся на дежурного офицера, увидевшего мой оттопыренный карман. Он ввел меня в роту, держа эту злополучную бутылку, как факел с олимпийским огнем. У “дембелей”, наблюдавших эту картину, вытянулись лица.

Ротный особой трагедии в моем появлении не узрел. Его интересовало, кто меня послал? Видно, кое на кого из старичков у капитана был большой зуб.

— Ну, рядовой, кончайте сочинять, что для себя. Что ж вы, один бы ее выпили, что ли? Говорите, кто послал, и идите, вы еще присягу не принимали, что с вас взять.

— Разрешите, — шагнул я к столу.

Пока я открывал бутылку и наливал в стакан, капитан вел себя мирно — он еще ничего не понимал. Когда я выпил второй стакан и начал сливать остатки, он взревел и вырвал его из моих рук. После впечатляющего потока ругательств он вызвал взводного и приказал:

— В кровать этого обормота уложить, из казармы не выпускать, до утра не беспокоить. А с утра — на кухню, в посудомойку!

Во всем этом было одно хорошее звено — “дембеля” прониклись ко мне благодарным уважением, что значит немало для салажонка. Дедовщины, повторяю, в том уродливом виде, окутавшем нынче армию подобно ядовитому туману, у нас не было. Но, естественно, уровень загруженности у первогодков и солдат третьего года службы был разный. Все так и делились, по годам: “салага”, “фазан”, “дембель” или “старик”. Командир смотрел на меня и облизывался. Но долго радоваться комполка ему не дал.

— Этот рядовой на месяц освобождается от всех занятий и распорядка дня. Зайдите с ним в бухгалтерию, пускай выпишут деньги, я сейчас позвоню. И предупредите на КПП, что

у него свободный выход из части в дневное время. Увольнительные будете выписывать сами. — И добавил ошарашенному капитану: — Гордиться надо, хорошее пополнение получил.

Моя свобода совпала с примечательным событием. В армию пришли первые девушки. Им еще не сшили форму, вместо нее выдали лыжные костюмы, в которых девчонки походили на байковых медвежат. Одна из этих девушек благосклонно приняла от меня шоколадные конфеты и согласилась испить сладкого вина в мастерской — небольшой комнатке за казармой, которую я снабдил крепкой дверью без щелей.

...Дней через двадцать капитан спросил у взводного:

— Где этот салажонок, что там у него с машиной?

— Вон он, — ехидно сказал лейтенант, показывая в окно за спиной ротного, в которое был виден я в обнимку с солдаткой.

Конечно, мне не следовало целоваться напротив кабинета командира. Но двадцать дней постоянного общения с портвейном “три семерки” притупили мою бдительность.

— Сюда его! — заорал капитан. — Доставить!!!

Меня ввели.

— Ему! Поручили! Доверили! Оказали доверие!

Тут командир заметил, что я едва стою на ногах.

— Да он же едва на ногах стоит, — сказал капитан обиженным голосом.

Утром на плацу выстроился весь полк. Одни штабные занимали пространство целой роты

— Рядовой Овчаренко, — зычно скомандовал подполковник, — выйти из строя!

Старательно чеканя шаг, а вышел на середину плаца. Так обычно выходят отличившиеся для получения правительственной награды. Я казался сам себе очень маленьким на сером бетоне плаца, на фоне огромного П-образного строя.

— Вот этот, — указал подполковник на меня, — вот этот...

Тут он добавил десяток фраз, доказывающих, что служит он давно и речевой характеристикой подчиненных владеет на высоком уровне. Потом он вкратце пересказал историю проблемы.

— И что же он делает? — интригуяюще спросил командир у полка. Так как никто ему не ответил, он ответил себе сам: — Он пьянствует, в его каптерке найдено тридцать семь пустых бутылок из-под портвейна. “три семерки”! — По рядам пробежало глухое, но завистливое “Ого-о-о!” — Он развратничает (подполковник, правда, высказался более конкретнее), отрывает от службы наших девушек, деморализует их! — в последовавшем за этими словами междометии чувствовалось больше восхищения, чем зависти. — Он бездельничает, пропивает, пропивает казенные деньги... Он обманывает своего командира!

Последнюю фразу подполковник произнес особенно зычно и эффектно. Видимо, этот факт показался ему совсем уж кощунственным, чем-то вроде гопака во время службы в православном храме.

— Но он зря думает, — набирал высоту подполковник, — что меня легко обмануть! Я хохол, я всю жизнь в армии, я таких, как он, видал!

На этом запас риторики у него, видимо, иссяк. Он не стал уточнять, где именно ему

доводилось встречаться с “такими”. Он попросту отвалил мне пятнадцать суток, пообещав сгноить на гауптвахте, и распустил развеселившийся полк.

СКРОМНОСТЬ
УКРАШАЕТ МУЖЧИНУ,
НО НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА
УКРАШЕНИЕ НЕ НОСИТ.

Делá,
 чтоб черти ели вас!
Чем
 на работу злиться,
пойду
 вором,
 отстреливаясь
от муров
 и милиций.

Владимир Маяковский — Хочу воровать

Проснулся, смеясь. Дай мне бог так просыпаться чаще! И поспешил в оружейку, ну никак нельзя было пропустить такое веселье, как задержание банды. Среди которых и мой убийца: ведь сознание этого тела умерло. Ничего, за попытку убийства тоже несладко дают.

Оружие мне не выдали. Мол, не оформлен еще по-настоящему. Выручил Виктор Борисович, достал из сейфа наган и россыпь патронов.

— Умеешь обращаться?

— Со стариной наганом, конечно.

Я взял и начал снаряжать барабан. Бессмертное оружие.

— Здравствуй семизарядный револьвер, разработанный и производившийся в Бельгии. — приговаривал я, доставая шомпол и начиная чистку, — У нас Леону Нагану пришлось переделать револьвер под русский 7,62-мм калибр и, как и в 1883 году, исключить возможность самовзводной стрельбы, ухудшив характеристики оружия. Но все равно люблю я старинное оружие.

— Ишь ты, сказал капитан, — производя те же операции со своим ТТ. — Не волнуйся — это самовзводный («офицерский») вариант нагана. Любишь оружие?

— Естественно, я же офицер. Ну был им. А почему у тебя не «Макаров».

— Привык к тетешнику, да и сильнее бьет он. В разведке у меня тоже ТТ был. У нас в уголке каждый может сам выбирать удобное оружие. Многие в области до сих пор с «Вальтерами» ходят, хоть и с патронами бывает напряг. А кто-то «Стечкиным» балуется, у него дальность поражения целых сто пятьдесят метров. Но нам стрелять не придется, воры редко сопротивление оказывают. К тому же я вызвал подмогу — отряд из батальона охраны нашего военного аэродрома. Все с автоматами.

Пошли по темноте. По дороге выловили в кустах «сигнальщика» парня, который должен был кричать: «Шухер!» в случае опасности. Я и выловил, не успел парень крикнуть. Зато успел финкой мне предплечье вспороть. Бил в грудь, но я каким-то чудом отклонился. Я его не увидел, а услышал. Слух у меня в новом теле проявился удивительный, любой шорох улавливает. Надо сказать, что с приходом к власти Хрущева, который недавно услаждал Сталина украинскими танцами, авторитет милиции стал снижаться, так как в видении этого политика, в светлом коммунистическом будущем не нужны армия и милиция. Поэтому в 60-

е годы сначала начались массовые сокращения в системе МВД, затем была осуществлена ее реорганизация. Все это привело к падению авторитета милиции. Фактически единственным оружием милиционера был свисток. Разрешалось оснащение ОВД газовыми патронами «Черемуха», наручниками и резиновыми палками. Однако открыто их носить запрещали. Палки выдавались лишь автопатрулям, которые возили их в машине и практически не применяли. Ну а «уголка» держала в сейфах массу неучтенного оружия, так как парни из угро имели дело не с будущими жителями коммунистического далеко, а с бандитами.

«Стрёмника[1] скрутили и передали группе прикрытия.

— Ты как? — спросил капитан.

— Я нормально, — ответил я. — Царапина. Потом перевяжу.

Окружили дом, в котором проходила сходка. Объявили в мегафон расклад. Воры не рыпались, выходили по одному, поднимали руки под фарами двух подъехавших «воронков», подвергались обыску и отправлялись в нутро машин.

Наконец и шпаненок вышел, мой невольный стукач. Вышел как-то смущенно, замялся на пороге, потом прошел, доверчиво протягивая мне руки...

Вот уже чего от шпаненка не ожидал, так это решительности с которой тот выхватив финку бросился со спины на начальника угро. Я стоял за пять шагов и никак не успевал. Но револьвер, хоть и не пристрелянный, не подвел — из трех выстрелов два оказались удачными. Действительно — самозводный. Целился я, естественно, в туловище. Первым промахнулся, вторым попал в плечо, третьим, в уже немного развернувшееся от удара пули тело, прямиком в сердце. Так и решился вопрос, заданный моему подсознанию недавно, в рюмочной: могу ли я убить человека.

— Ты что творишь! — обернулся на выстрелы начальник. И замолчал, увидя лежащее буквально вплотную тело с ножом в левой руке. Парень, видать, был левша.

— Никак не успевал я пешком, — сказал я. — Он по-подлому в бочину целился.

И капитан, и я прекрасно понимали, что удар в почки или печень гораздо опасней слепого в спину. Именно так пользовались заточками и обточенными напильниками воры, выраставшие на этих мерзких навыках с малолетней зоны.

— Да у тебя кровь! — воскликнул капитан.

— Ну да, то наблюдатель успел задеть. Ерунда, царапина...

«Царапина» я произнес замедленно и едва успел сунуть револьвер в карман, как почувствовал слабость ноги и то, что земля справа качается. Ну а потом стало спокойно. И в этом спокойно я четко увидел заключительные сцены своей жизни.

Оказывается, я после долгих мытарств стал все же вором в законе, профессиональным аферистом. (Ранний период моих приключений пока не вспомнился, было лишь понимание, что сидел в тюрьмах). И Горбачев, ввергший государство в хаос, очень нам ворами в этом помог. Так что я с группой товарищей организовал на подставных лиц пару финансовых пирамид; принял участие в риэлтерском бизнесе, став владельцем десятка квартир; вывез за рубеж мешок алмазов (не буду вспоминать, как они мне достались); одно время вел бизнес с Ташкентским аферистом Львом Летаевым, которому и продал эти алмазы. И даже некоторое время владел скважиной нефти и пробовался в депутаты. Надо сказать, что воры активно продвигали своих ставленников в демократическую власть и добились в этом успехов: пятая часть парламента работает на этих «новых бизнесменов» с перстнем, наколотым на пальце.

Вернее, будет работать.

Итак, прожив вторую половину жизни в аферах и умножении капитала, заработал инфаркт и ревматоидный артрит. Сходняк снял с меня корону (да, имел счастье быть смотрящим в Иркутской области) и, вручив миллиардный общак, отправил на покой. Дом на Рублевке, личный кардиолог и личная ревматолог. Небольшой бассейн с «гуриями».

С временем сидеть на месте надоело. Избавившись по причине преклонного возраста от общака и прочих воровских обязанностей исколесил весь земной шар на собственной яхте с вертолетом. И вот в Израиле, куда заскочил полечить оставшиеся зубы (четыре штуки на которых держится челюсть) меня хватил инсульт. Платные врачи в Израиле хорошие. (Они везде хорошие, если платные). Откачали. В Москву вернулся самолетом, не советовали по воде из-за качки. И тихо угасал на своем Рублевском поместье, пока не решил заняться благотворительностью. Почему-то благотворительность распространялась только на животных и большей частью на собак. Так то у меня и на Рублевке жили две немецкие овчарки, которых я отлично отдрессировал. Так как из первой половины жизни помню лишь отрывки детства и армии, то ума не приложу откуда навыки собачника...

Вот так по кусам и вспомнил я заключительную часть своей восьмидесятилетней жизни. И окончательно убедился, что реальность этого мира, хоть и похожа на ту, в которой я умер, но несколько отличается. Например мой отец (действительно доктор) умер в январе 1955 года. А в этой реальности он жив и у него живой сын (мой двойник), который совершенно не похож на меня. Что вовсе не плохо. По крайней мере для меня, получившего вторую попытку. Пусть и в чужом теле, но ведь суть в сознании, а не в теле.

Я очнулся в уже знакомой больничке с пронзительным запахом карболки, который символизирует то, что я жив.

— О, очухался, — поприветствовал меня сосед. — А мы уж думали, что дуба дашь. Но вы, мусора, живучие падлы!

Я повернул голову. Слабость не позволяла вскочить, наверное много крови потерял.

— Ты кто? Назовись?

— Вор я! Съел!

— Ты не вор, а сявка беззубая.

Я наконец смог умерить скачущие в глазах мураши и разглядел соседа. То, что рукой он прикован наручниками к кровати раме, утешало. Наверное, один из задержанных.

— Засвети погоняло и масть, — сказал я.

— Я на шухере стоял, чё не помнишь?

— А-а, так это ты меня подрезал. Сявка и есть, вора на шухер не поставят.

Пацан бессильно выдохнул, что-то проворчал и закрылся от меня подушкой.

Но тут в палату зашли коллеги и мне стало не до мелкого шпаненка. Раньше, как недавно узнал в результате частично восстановившейся памяти, у меня были только кореша. А вот коллег, друзей у меня не было. По крайней мере во второй половине бытия.

Ручей на перекате очень строг,

Река на перекате, как шальная.

Из множества проложенных дорог

Я худшую зачем-то выбираю.

Иду, иду... Устану — упаду...

Родиться б мне в прощающем году.

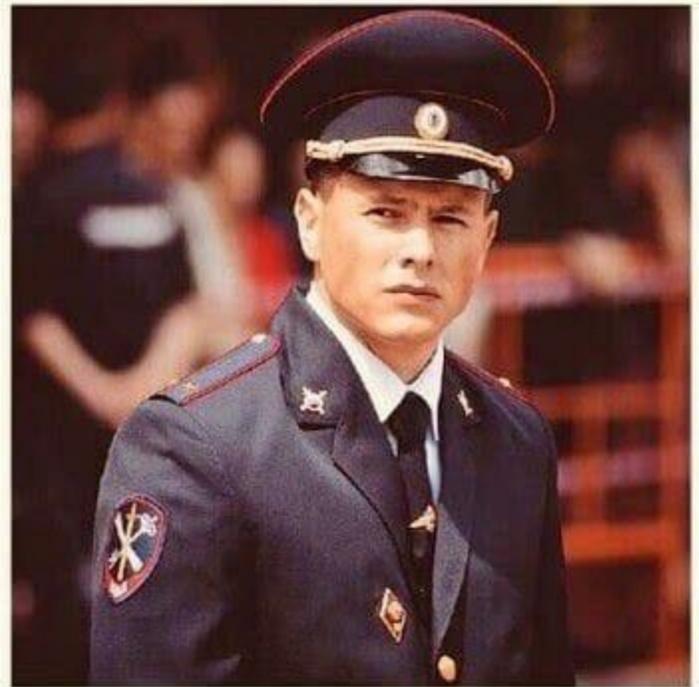
А я — в году потерянной любви,
А я — в году растерянной любви,
Растрепанной, но все-таки любви,
Дорогой худшей...
Ноги все в крови...
Иду, иду... Устану — упаду...
Родиться б мне в прощающем году,
В котором множество проложенных дорог
К прощению, конечно, примыкают.
По ним бы я дойти, конечно, мог
Туда, где обязательно прощают.
(Стихи мои)

МИЛИЦИЯ

Слово милиция образовано от лат. *militia*, ае - военная служба, войско или солдаты.

Административное учреждение для охраны общественного порядка и безопасности, а также личной безопасности граждан и их имущества

ПОЛИЦИЯ

(нем. *Polizei*, от греч. *politía* - управление государством, администрация)

Система особых органов надзора и принуждения, а также карательные войска внутреннего назначения, охраняющие существующий общественный строй путём прямого и открытого подавления.

[1] Стоять на стрёме — Прост. Охранять кого-либо (кто обычно занят чем-то непозволительным), чтобы предупредить в случае опасности. Мальчишки, кроме того, стояли «на стрёме», когда взрослые воровали (В. Гиляровский. Москва и москвичи).

*Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року Создатель;
Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.*

*Летящей горою за мною несется Вчера,
А Завтра меня впереди ожидает, как бездна,
Иду... но когда-нибудь в Бездну сорвется Гора.
Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна.*

Николай Гумилев

По результатам операции нашу группу наградили премиями в размере оклада. Ну а мне выделили временную «ведомственную» квартиру. Однушку в новом «хрущевском» трехэтажном доме. На втором этаже и с прекрасной кухней, где была газовая плита. А еще был балкон!

После каморки в общежитии — дворец!

В прошлой жизни купил коттедж на Карибах. Семь комнат, не считая подсобных помещений, джакузи, интеллектуальное освещение и автоматическая кухня. Даже пылесосы и полотеры сами в определенное время выползали из своих зарядных ниш и ползали по дому, драили полы из палисандровых плит.

Часто отдыхал в этом домике, пока здоровье позволяло. Так вот, эта квартирка в Вязьме меня обрадовала неизмеримо больше. Даже несмотря на то, что я не являлся её владельцем, а всего лишь арендатором, пока служу в Вяземском РОВД.

Я принимал реалии СССР. Порой с удивлением, порой с отвращением. Никак не мог смириться с тем, что в магазине нет ни туалетной бумаге, ни бумажных полотенец. В магазинах много чего не было, но именно этих деталей нормального быта как-то не хватало. Радовала квартплата. Фактически, в платежке было всего две графы:

Квартплата и ком. услуги — 4,53 рублей за месяц

Электроэнергия — 2,5 рублей в месяц.

И это при том, что не сэкономил воду, а свет на кухне и в туалете у меня горел постоянно.

В общем стопроцентная ностальгия. Но одно дело помнить это юным мужчиной, не знающим иных архитектурных вариантов, другое — пресыщенным снобом, пожившим на Рублевке. Впрочем, поправлюсь — вор не бывает снобом. А я был вором, а ныне строю карьеру милиционера. Но психологически действую и рассуждаю как вор. А кто лучше вора умеет раскрывать преступления?!

Но самое интересное так это то, что и в милицейских делах есть знания. Откуда — эту половину жизни (первую) пока не вспомнил.

Зато вспомнил, выученное в школе (где, в какой школе пока не помню) стихотворение Маяковского. Удивительный поэт, по любому поводу есть у него стих.

Владимир Маяковский — Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру

Я пролетарий.
Объясняться лишне.
Жил,
как мать произвела, родив.
И вот мне
квартиру
дает жилищный,
мой,
рабочий,
кооператив.
Во — ширина!
Высота — во!
Проветрена,
освещена
и согрета.
Все хорошо.
Но больше всего
мне
понравилось —
это:
это
белее лунного света,
удобней,
чем земля обетованная,
это —
да что говорить об этом,
это —
ванная.

И в самом деле. Ванная у меня теперь есть, хоть и совмещенная с туалетом. Ну так я один, кого мне стеснятся. Посрал, ванну принял — спасибо Никите!

Водка стоит три ноль семь,
Мяса, масла нет совсем.
Дорогой Ильич, проснись
И с Никитой разберись.

Но пока он у власти, а мне до политик дела нет. Пусть я и в какой-то мере попаданец, но тело я занял сиротское, офицерское, советское до мозга костей. И попробую продолжить в том же ключе.

Только чего это я лежу бревном, когда у меня в окне стоит бутылка жигулевского.

Вскочил и прямо босиком рванул на кухню. Действительно, стоит между окнами, ждет. Знает о моем пересохшем горле и больной голове. А в углу десятков водочных и винных бутылок стоят неммым укором. Только за что укорять? Новоселье есть новоселье. Февраль близится к концу, я тут уже несколько месяцев и сегодня у меня заслуженный отгул. Два дня дал начальник милиции, чтоб квартиру привезти в порядок. Меблишку там достать, еще что. Так мне со склада выдали:

Железную кровать с никелированными спинками — 1 шт

Тумбочка — 2 шт

Шкаф платяной фанерный — 1 шт

Стол канцелярский с выдвижными ящиками — 1 шт

Табуретки — 2 шт

Одеяло суконное — 1 шт

Графин стеклянный граненный — 1 шт

Стаканы граненные — 5 шт

На первое время хватит. Да еще на новоселье ребята из отдела кой-чего принесли. Подушку, постельное белье, непременно вазу (в неё поставил ветку сосны, красиво), клеенку (стол застелить), стул венский с гнутыми ножками, кое что из посуды. Даже сковороду принесла жена капитана, чугунную, вечную. Ценой в 43 копейки. Еще заварник с цветочками на фаянсовом боку.

Пиво допил и заглянул в застенный «холодильник» — не осталось ли чего пожевать. Осталось. И не мало. Шмат сала, пяток яиц, вареная картошка, банка с творогом и чекушка. Чья-то добрая душа позаботилась обо мне — похмельном и утреннем, заныкала чекмарик. Спасибо тебе, добрая женщина! Почему женщина? Ну, мужик бы не прятала, а выставил на стол. Нам и так вчера не хватило, посылали гонца.

Кто не понимает, какое это счастье с пересохшим ртом и гудящей головой выпить рюмку, запить пивом. Посидеть, чувствуя, как отливает от головы кровь, как светлеют глаза, а руки и ноги обретают силу. Наспех приготовленная (газовая плита мне в помощь) яишня с салом требует второй рюмки, а потом только мажай ситный хлеб в жирную сковороду, подцепляй корочкой желток, нанизывай на вилку хрустящие куски свинины.

Утолив первый голод, откинувшись на спинку изящного стула, насладится новыми воспоминаниями уже из своей новой жизни в новом теле. Вольер на четыре клетки построен, сооружена небольшая кормовая база: армейцы пожертвовали милиции полевую кухню. Еще дореволюционная, дровяная. Хоть сейчас запрягай лошадей и вдоль по дороге, что к привалу каша была готова.

Набран небольшой штат. Двух парней нашел через военкомат — пограничники, работали с собаками. Одного — в ДОСААФ, на шофера учится, но собак любит и держит суцелого волкодава дома.

Увы, в этой реальности так и не основан питомник «Красная звезда»[1]. Поэтому нет в библиотеке книг знаменитого Мазовера[2] и нет селекционных пород: московской сторожевой и московского водолаза. И что особенно обидно, так то, что нет «Собаки Сталина» — черного русского терьера, сочетающего в себе лучшие качества ризеншнауцеров, ротвейлеров, овчарок, ньюфаундлендов, других пород и их метисов.

Зато сохранился Ростовский питомник собаководства Главного управления милиции МВД СССР. На месте разрушенного в годы войны кирпичного завода, расположенного на

восточной окраине города, были построены вольеры на 40 собак, родильное помещение, спецкухня и помещения для щенков. В год от 18 племенных сук получают около 100 щенков, которых выращивают до 12 месяцев, приучают к условиям будущей службы, а затем передают в подразделения органов внутренних дел. Должны и нам прислать парочку. Пока у меня всего две собаки: Джулия, ставшая чутьистой следачкой и недавнее приобретение — щенок эрдельтерьера. Семья инженера завода, получив новое назначение, подарила его в наш питомник. Так и не удалось нашему юному участковому отвертеться от работы с собаками. Щенка поручили ему.

Ну и в розыскной работе были некоторые успехи. Забавный случай произошел в конторе Вяземского машиностроительного завода. Кто-то у кого-то спер ангорского пуха кофточку. Исходя из того, что хозяйка модной одежды кофточку носила, построил народ в коридоре, дал овчарке понюхать руку жертвы и пустил на выборку. Нашла мгновенно, видимо нюансы запах в шерсти сохранялись прочно. Гавкнула, воровка чуть в обморок не упала и сразу созналась: «я только померить взяла...».

Пару краж помогли с Джулей раскрыть. В одном выборе сделали: вор бросил на пол стамеску, которой вскрывал шкаф в ограбленной квартире. Стер тряпкой отпечатки пальцев или в перчатках брал, но напыление графитового порошка выявило смазанные следы, которые идентифицировать эксперт не брался. Я упаковал стамеску в целлофановый пакет и попросил вызвать в отдел возможных домушников. Коих оказалось в городке целых четыре человека. Произвели выборку каждого, используя трех подставных. На третьем собака долго принюхивалась, но опознала того, кто трогал стамеску, облаяла и даже попытался укусить. Ну а следователь быстро расколочил мужичка на косвенных, главное — была уверенность в том, что он виновен.

Тут необходимо пояснить, что следователей в милиции как бы и не было. Как недавно в газете «Известия» высказался генеральный прокурор СССР: «освобождение милиции от несвойственной ей функции предварительного следствия, которую она сейчас фактически выполняет, позволит ей направить свои усилия на предупреждение преступлений, принятие необходимых оперативно-розыскных мер для раскрытия преступлений и розыска преступников и ведение дознания...». Несколько позднее аналогичные нормы получили закрепление и в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик. Так, в п. 7 ст. 34 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., оговаривалось, что термином «следователь» наименовывались исключительно следователи прокуратуры и следователи органов государственной безопасности.

Но контора пишет, а дела делают на местах, так что были у нас в отделе, кроме оперативников, и следователи...

Я допило пиво, доел яичницу и приступил к походу по магазинам. Надо было купить пару смен белья и всякую домашнюю мелочевку. А то у меня даже вантуза не было!

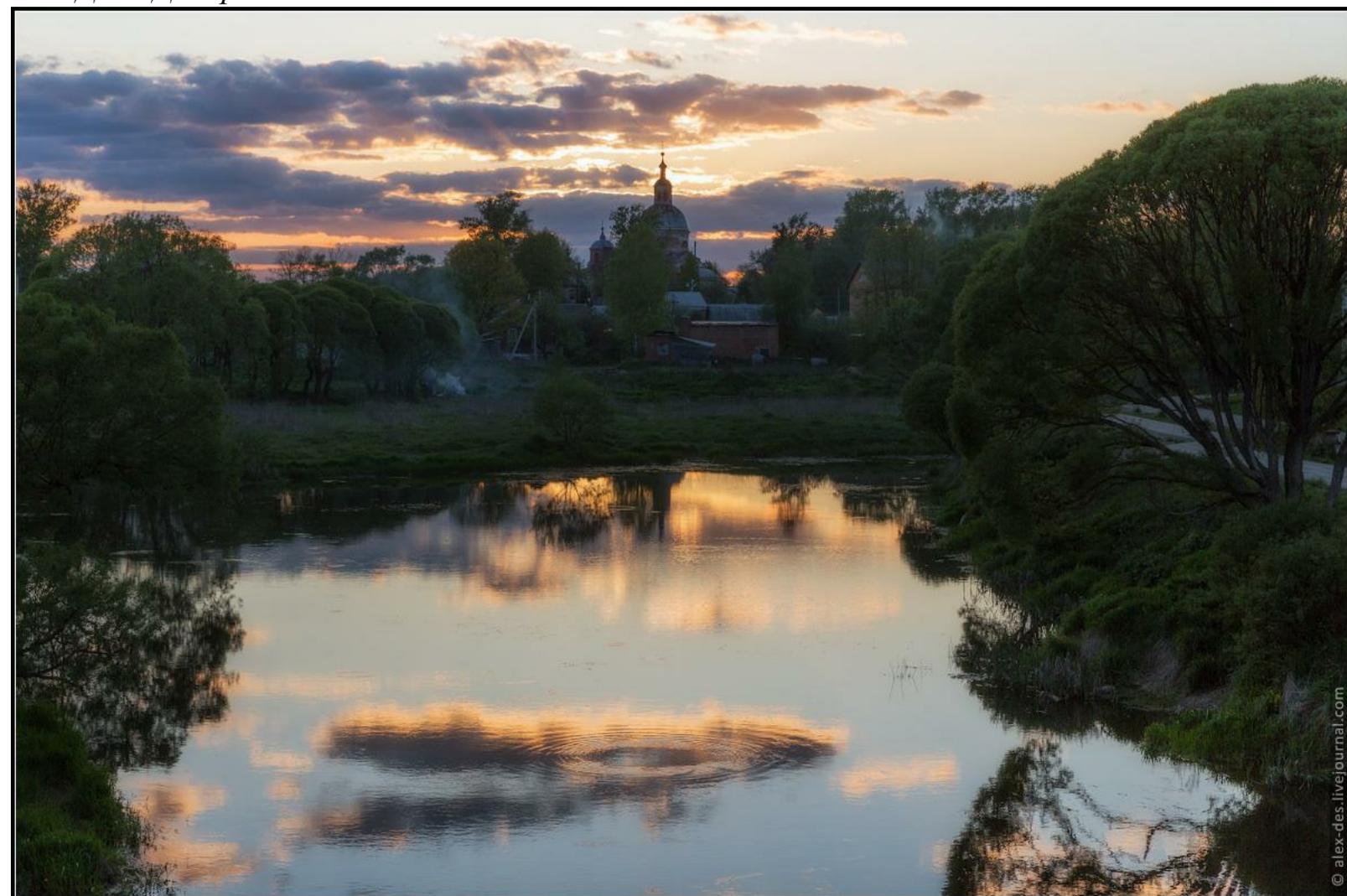

[1] История "Красной звезды" началась в далеком 1924 году. Тогда он назывался "Центральный учебно-опытный питомник-школа военных и спортивных собак". В его составе находилось всего 35 человек и 44 собаки.

[2] Александр Мазовер разводил немецких овчарок и другие породы в военном питомнике «Красная Звезда», игравшего очень важную роль в отечественном собаководстве того периода.

«В общем, я очень люблю и кошек, и собак. Что за славные, жизнерадостные создания! Как товарищи они намного превосходят людей»

Д. К. Джером

Прибыла комиссия из Москвы. «Что за комиссия, создатель...!»! Ну а как же, средства выделили, новое штатное расписание Вяземского РОВД финансово обеспечили, надо проверить. Социализм — это прежде всего учет!

Естественно, в местной двухэтажной деревянной гостинице с клопами и тараканами членов комиссии размещать не стали, а отвезли в домик горкома партии, где тоже два этажа, но комфортных. Рядом чистенькая банька, которую обслуживают горкомовские же комсомолки, девушки среднего возраста и без предрассудков. А какой вид на город и речку со второго этажа этого партийного домика!

Я, кстати, там был. Мед не пил, но пиво было. И неплохой самтрестовский коньяк КВК с солидной выдержкой.

Вызвали меня прямо с работы, только и успел китель накинуть вместо халата. Два веселых молодца (не одинаковых с лица) встретили меня раскрасневшиеся за скромным советским столом со шпротами, буженинкой, карбонатом, сервелатом и прочими яствами, которые в магазине только из под прилавка. Рыба была представлена похуже, зато икра была

обеих цветов.

— Мы — подполковник Замятин и майор Майоров из управления МВД прибыли по вашу душу, — душевно сказал полный и невысокий, привстав со стула, но сперва перекусим. А то мы только что из баньки.

Второй, длинный и тощий, привставать не стал, так кивнул — сидя.

Ну а я не стал кочевряжиться, присел, наложил себе на тарелку всего понемногу, коньяка махнул и принялся закусывать.

— Сейчас горячее будет, — появилась одна из комсомолок, — вы там не наедаетесь, гусь с яблоками.

Мы все трое утвердительно покивали головами, не прекращая жевать. А подполкан налил мне еще коньяка.

— Спасибо, — сказал я, — люблю самтрестовский, хоть он и резковат немного.

— Вы же в прошлом офицер? — вступил в разговор тощий. — Где служили?

— Бывших офицеров не бывает, — ответил я. — А служил на Дальнем Востоке, там снабжение по высшей сетки, так что выбор коньяков был хороший.

Но тут внесли огромного гуся и все разговоры на время превратились.

Вот, под гуся меня и накрыло еще одним детским воспоминанием. Праздничным. Семейным. Сперва стол покрывали белой праздничной скатертью, потом на скатерть ставили приборы и начинали выкладывать закуски. В круглых тарелках лежали тоненькие кружочки колбас, ветчины, буженины, в продолговатых тарелочках нежились в масле шпроты и сардины. В глубоких мисках горбились разнообразные салаты. Еще были тарелочки с огурчиками, грибами, помидорами. Между ними выстраивались бутылки с вином, водкой и коньяком. Женщины пили вино, Кто-то пил водку, а кто-то — коньяк. Чья-то мама всегда говорила своему мужу, чтоб он не пил каждую рюмку до конца, “не на поминках”, мол. Но он кивал ей: “да, милочка”, - и все равно пил до конца.

Вино или шампанское наливали и детям — мне и чьей-то дочке. Чуть-чуть, на доньшко. И тогда они чокались вместе со взрослыми. Бокалы звенели, как хрустальные колокольчики.

Потом закуски убирала, мама торжественно вносила горячее. Иногда это был гусь, иногда — индейка, иногда — жареное мясо с картошкой и зеленым горошком. Мясо бывало зажарено куском и Ромка никак не мог научиться отрезать от этого куска маленькие кусочки тупым столовым ножом. И удивлялся, как это получается у взрослых.

После горячего взрослые вставали из-за стола, мужчины уходили курить на балкон, а женщины шли с мамой на кухню. Ромка же с Наташей шли в пустую спальню: рассматривали Ромкины игрушки или возились, как плюшевые медвежата...

Это воспоминание потянуло за собой другие. Вот он поступает в медицинский институт, чтоб пойти по стопам родителей, а те его отговаривают.

Вот записывается в студенческую неформальную группу поэтов и читает там свои стихи:

Стою на берегу залива

И сам себя понять боюсь;

Рыбачьи лодочки тоскливо

Мою вычерпывают грусть.

Вон, тот рыбак смеётся звонко,

С тем рыбаком у нас борьба
Ведь приложением к улову
Меня ловить — его судьба!
Во мне, как в рыбе, глеет ранка,
А я чего-то не пойму:
Клюю на бабу — на приманку,
Клюю на девушку — блесну...

— ...Так расскажите нам про ваши задумки о собачьем питомнике для МВД. Мы, конечно, читали вашу докладную, но хочется услышать живьем. Так сказать — в натуре. — Это подпол, он, похоже, главный в команде.

Я отодвигаюсь от стола, с сожалением посмотрев на недоеденное крылышко (ноги достались московским гостям). Насчет воспоминаний не переживаю, ночью, как уже привык, будет озарение с подробным раскладом первой половины моей жизни. Вот и выясню — как дошел до воровского посвящения из такой хорошей и состоятельной семьи.

— Во время войны собаки в наших войсках применялись широко и грамотно, — начинаю я короткую лекцию. — Они взрывали танки, буксировали с поля боя раненных, работали почтальонами при невозможности другой связи, обезвреживали мины. К примеру, шотландская овчарка Дик, разыскала 12 тысяч мин (!), заложенных на дорогах войны, обнаружила за час до взрыва мощную бомбу под фундаментом Павловского дворца под Ленинградом. — Я все же не удержался, подцепил вилкой крылышко и обглодал. — Извините, гусь хорошо приготовлен, не удержался. Так я продолжу: — Собаки применяются всеми развитыми государствами в самых разнообразных областях. Например, как спасатели в снежных горах. Среди самых достойных четвероногих спасателей — Аякс, как говорят о нем — "герой Дахштейна". В горах Дахштейна в 1954 году лавина застигла в пути 11 школьников и учителя. В спасательной группе оказалась овчарка с именем древнегреческого героя. Аякс работал 96 (!) часов подряд. Он скреб когтями и разрывал слежавшийся снег, пока не свалился от изнеможения. Лапы его были стертые до кости и обморожены. Аякса отнесли в горную хижину, чтобы сделать перевязку. Но пса нельзя было удержать под крышей. Он кидался на запертую дверь, скулил, а вырвавшись, стремглав помчался к месту обвала и откопал очередного человека.

В Париже есть памятник сенбернару Барри. В течение 12 лет нес он трудную службу в горах. Он спас жизнь 40 (!) людям. Сорок первым оказался солдат армии Наполеона, пробиравшийся домой после разгрома под Москвой. Барри вырыл его из-под снега и привалился к нему мохнатым боком, согревая. Человек очнулся, испугался, нашарил рукой оружие. Чучело Барри — одна из самых дорогих реликвий Бернского музея.

Есть такая порода — ньюфаундленды. Они спасают людей в море. Эта порода умеет нырять, у них на глазах, как у птиц, третье веко, чтоб вода не мешала смотреть под водой. Эти собаки могут много часов плыть по бурному морю и поддерживать человека.

Собаки могут искать наркотики. Иногда за рубежом, где полно наркоманов, таможня с такими собаками проверяют груз и псы безошибочно вынюхивают тот багаж, где есть наркотики. В работе по следу моя нынешняя овчарка нашла грабителя сельпо спустя двое суток после взлома. Продащица болела и не ходила на работу, а вор пристроил перепиленный замок так, что и не видно взлома.

Кроме того, можно просто снять отпечаток запаха с места происшествия и спустя месяц

— два вычислить преступника по запаху. Я готов продемонстрировать вам эту возможность. Мою, так сказать, личную разработку.

— Это мы, конечно, посмотрим. Завтра. А как вы видите техническое развитие собаководства на базе МВД?

— Очень просто. Создать базу розыскных собак. Разных пород. Подключить ДОСААФ, открыть там клубы собаководов. Перед войной такие клубы были и треть пограничных собак были поставлены юными друзьями пограничников. Например у знаменитого Карацупы вторая собака Индус была из ДОСААФ (ой, меня понесло — есть ли в этой реальности Карацупа). Создать племенной питомник, где не только выращивать поголовье караульных и розыскных собак, но и проводить селекцию — скрещивание, выводить свои Советские породы. Например вывести универсальную собаку, как её вывели в Германии. Каждая семья выращивала немецкую овчарку, которая изначально была просто пастушьей, овец пасла и коров. А теперь мы имеем универсальную собаку: и по следу, и охранять, и мины искать...

— Хватит, хватит. Не надо нас агитировать. Сам Никита Сергеевич заинтересовался вашими планами, когда ему министр доложил об инициативе Смоленского МВД. Большие люди дают добро, так что вам не в Вязме ковыряться, а там, где больше ресурсов и возможностей. Вот мы завтра посмотрим все и доложим, а вы ждите вызова в Москву.

Домой шел сытый и немного взволнованный. Возможность возглавить советские кинологические службы радовала. Как-то странно в этой реальности получилось — своих собак во время войны растеряли, под танки элитные породы пускали на смерть, а нынче не племенных секций, ни агитации. Может Всевышний мне специально такое время подобрал, такую Землю из бесчисленного множества миров, где я могу себя в любимом деле проявить?

Зашел по дороге в отдел, погреться, к ночи морозец. Спросил у дежурного, уютно попивавшего чай, кто у нас сейчас главный в МВД.

— Ты что ж, служишь и не знаешь главного начальника? — удивился тот. — Генерал-лейтенант Николай Павлович Стаханов. Бывший погранец, кстати. Боевой министр.

— Спасибо. Ты же знаешь, что я долго с амнезией лежал, память совсем дырявая.

Выпив с дежурным байхового чая с кусковым сахаром отправился в свою новую квартирку. Ну вот, зря только деньги тратил, покупал мелочи всякие хозяйственные для спокойной жизни. Провинциальный период моего возрождения скоро закончится, надо быть готовым к столичным радостям. А вот спросят меня, где лучше организовать общероссийский питомник милицейских собак?

В моем времени общесоюзный питомник базировался около 100 км от Москвы на север, в небольшом поселке под Дмитровом, там была воинская часть, а на ее территории — единственный в России питомник служебного собаководства "Красная звезда"[1].

Собачьих специальностей на тот момент было много:

караульной,
связи,
розыскной,
санитарной,
сторожевой,
противотанковой,
диверсионной,
собак химразведки,

авиасигнальной,
ездово-нартовой
минно-розыскной.

Я дошел до дома, открыл ключом собственную (хоть и ведомственную) квартиру и первым делом, достав из шкафчика, бахнул коньяка. Полстакана. Слишком многое на меня наваливалось, следовало отдышаться, очухаться.

[1] История "Красной звезды" началась в далеком 1924 году. Тогда он назывался "Центральный учебно-опытный питомник-школа военных и спортивных собак". Первый выпуск школы военного собаководства состоялся в 1926 году. А первое боевое крещение собак и их проводников произошло в 1939 на Халкин-Голе.

"Всего за годы Великой Отечественной войны было сформировано 2 отдельных полка, 6 отдельных батальонов, 28 отдельных рот и взводов.

Было обучено собак 33071;

уничтожено свыше 300 танков,

обнаружено свыше 4 миллионов мин;

вывезено с поля боя 680 тысяч тяжело раненных;

собаками связи доставлено более 20 тысяч боевых донесений...

В 90-е годы питомник «Красная звезда» и вся школа военного собаководства чуть не пропали. Было даже нечем кормить собак, и офицеры делились с псами своими пайками. Такой треш на грани выживания продолжался десять лет. Но в 2002 году положение спас НИЦ "Уолсем Центр" из Великобритании, заключив договор о проведении испытаний, разработок и производстве собачьих кормов для животных, состоящих на службе армии Её Величества.

Утро наступило, как ему и положено зимой, во мраке и нежелании вставать. Но сегодня должны были московские гости посмотреть наши собачьи успехи, так что вскочил, умылся, потрогал щетину и решил не бриться. Выпил чая с бутербродом, пошел на службу.

Ночью почти полностью открыл в памяти историю первой половины жизни. Оказывается, не успел я поступить в мединститут, как умер отец. А мама последние годы не работала — ноги крутил жестокий ревматизм, заработанный в беготне участкового врача в любую погоду (чаще в мороз) по пустынным улицам нашего провинциального города. Нет, государство дало нам с мамой помощь по потере кормильца: мне 38 рублей в месяц до совершеннолетия, маме — 62 рубля. Прожить можно. Нормально жить трудно.

Вот я и начал помогать старшекурсникам делать аборт. Тогда аборты были разрешены только по медицинским показателям. Центральный исполнительный комитет и СНК принял такое решение и выпустил специальный документ. Он не только запрещал производить аборты в СССР, но и оповещал об изменениях в бракоразводном законодательстве, ужесточал уголовное наказание за отказ платить алименты, устанавливал государственную помощь роженицам, многодетным семьям, регулировал расширение яслей, детских садов, родильных домов. Такой режим действовал с 1936 по 1955 год. Когда в СССР были запрещены аборты, их все же делали, но только тем женщинам, которым нельзя было рожать по медицинским показаниям или ущерб их здоровью во время операции был велик.

Криминальные аборты, кстати, в СССР наказывались лишением свободы сроком до 10 лет. И то, что я через пару месяцев угодил под следствие, вовсе не облегчило маме жизнь. Правда, эти два месяца я приносил по пятьдесят рублей в неделю. Подпольный абортарий работал не покладая рук, возглавлял его опытный гинеколог и с ним два студента с пятого курса. Меня взяли, чтоб был кто-то на подхвате и по хозяйству.

Все это учел следователь, который, как выяснил, знал папу. Вот он и посоветовал мне пойти в военкомат. Обычно дело на призывников клали под стекло, если не очень серьезное преступление. (Характерная деталь: тогда в моде были канцелярские столы, обтянутые по столешнице синим сукном. Вот и клали органические стекла, чтоб писать. И под эти стекла засовывали документы, чтоб были на виду).

В общем, сам виноват. Три с половиной года служил на Дальнем Востоке, вернулся с совсем другим мировоззрением. Во время службы пристрастился писать стишки в газеты: «На страже Родины», Суворовский натиск» и «Красная звезда». Поэтому дома сразу поступил на заочное отделение филфака местного университета (отслуживших принимали даже с одними тройками). Работать пошел в милицию, куда бывших военнослужащих тоже принимали охотно. Немного поработал в вытрезвителе, а потом перевели (несколько раз писал рапорты) в угро проводником служебных собак. Параллельно писал заметки и стихи в

областные газеты. Даже в альманахе местном опубликовался.

Вскоре с собакой отправили на четырехмесячные курсы кинологов. В горную республику, в город Нальчик.

Когда я буду умирать, к моей больничной койке подойдет невысокая немецкая овчарка. И, упершись передними лапами в край кровати, привскочит, положит голову подбородком на край подушки: глаза в глаза...

Впрочем, я уже умирал. В первой жизни и немного в другом измерении. Собака ко мне не подошла. Ко мне подошла санитарка и сказала:

— Потерпи, дедуля, умирать не страшно.

Молодежь, их философия не вполне понятна нам, пережившим две войны.

Но и в новой жизни на новой Земле меня мучает скорбь по гениальной собаке, которая любила только меня.

После перестройки мы узнали, что не так гладко было в захваченных большевиками республиках, бывало и бунтовали. Один такой бунт мы всей милицейской школой (120 курсантов) кинологов подавляли в Кабардино-Балкарии. Часть и вовсе без собак, с автоматами (еще с деревянным прикладом) АК, которые нашлись в оружейке, а часть с макаровыми. Несколько человек все же с овчарками, их посадили в люльки мотоциклов.

Мотоциклов было пять, отличников с прекрасно подготовленными собаками было четверо. Один из них — я.

Басмачи спустились с гор, полностью из воинов кабардинцев, на прекрасных жеребцах (подозреваю, ахалтекинской породы, разводимой в Туркмении). С шашками времен гражданской и маузерами. Они, как выяснится позже, хотели разобраться с обнаглевшими крестьянам балкарцами, которые при советской власти совсем обнаглели в торговом бизнесе (осмеливались брать деньги с князей, вступали в партию и занимали должности). Кабарда, как известно, была под немцами и именно князя преподнесла немецкому командованию совершенно белого ахалтекинского жеребца. Когда советские войска отбросили немцев от Нальчика, князя преподнесли в дар Сталину такого же жеребца, но черного цвета. Так что, живущие в своем — феодальном мире, князя пустили воинов на резню рабов и торгашей, а напоролись на заслон из советских милиционеров.

Несмотря на то, что горцы изначально дружелюбно встретили новую власть, вскоре их постигло разочарование. Большевики закрывали мечети и довольно активно проводили антирелигиозную политику. Среди горцев это вызвало массу неодобрения. Кавказцы начали даже создавать небольшие отряды, что привело к еще большему беспорядку в этом регионе. Это было военное время, там в прямом смысле царил анархия: жители уклонялись от военной службы, грабили города, села и деревни. Подобные бунты после смерти Сталина проходили и в Осетии, и в Туркмении и, даже, в Казахстане. Так что нам, молодым кинологам просто не повезло.

Меня спасла собака, оттащила за поводок, который был захлестнут на запястье, в кусты, а потом умерла. Меня тоже сочли умершим, поэтому не добились.

Два часа спустя подошла армейская дивизия из Северной Осетии и покрошила из пулеметов и жеребцов, и всадников. А потом комиссия из Москвы выслала в Заполярье семье непокорных. Большая часть этих южных семей, оставшихся без мужской поддержки, так и сгинули в вечной мерзлоте Игарки да Туруханска.

Ну а я в той жизни до смерти проходил с серебряной пластиной под кожей головы, куда

достал меня всадник после того, как выстрелил в собаку. А я только и успел сделать предупредительный (по уставу) выстрел в воздух, совсем не видя второго всадника сзади.

«Особенно опасно смешивать алкоголь с одиночеством».

Уильям Фолкнер.

Как все неудачники я часто свое раздражение за несложившуюся жизнь перекладываю на семью, на обстоятельства.

Но в глубине души знаю — вина за все лежит на мне самом, на неумение подавлять страсти и прихоти, желания и слабости.

В старости часто думал: ах, если б не пил, то со своими писательскими способностями после армии мог бы сделать хорошую карьеру в Москве или Питере. И пригласить в свою столичную квартиру маму, помочь ей освоиться в столице, закрепиться, врачи, наконец там лучше.

Жизнь прошла, как пуля нарезная,
Глупо и бездумно,
Лишь стрелок
Знал, куда ее он посылает, -
В собственный нацелившись висок...

В 2000 году я перестал любить детей. От них пахло телевизором и смартфонами. И они слишком быстро говорили. Киношедевр «Луговые собачки»[1] — мечта о прошлом. В чьих ладонях мой мир, чьи газоны я стригу?

После того, как меня за пьянку (после госпиталя пил по-черному) выгнали из милиции (несмотря на медаль, полученную за тот «бой»), первое время нигде не работал. Подвигался в обществе «Знания», с лекциями мотался по поселкам и районным центрам, план давал по охвату населения знаниями. Лекции, как студент универа, читал самые разные, но больше о литературе, о величии русской поэзии, о важном нравственном факторе произведения Островского: «Как закалялась сталь»! «Жизнь надо прожить так, что б не было мучительно больно за бесцельно прожитые...»

Общество оплачивало командировки: суточные, гостиничные, дорожные (по предъявлению квитанций и билетов), а так как я все время был на выезде, то гонорар (от 7 до 12 рублей за лекцию) оставался мне полностью.

Не помню, какой бес занес меня в Абакан, но в ресторане читал стихи про Ленина. Сперва Вознесенского:

Я не знаю, как это сделать,
Но, товарищи из ЦК,
уберите Ленина с денег,
так цена его высока!..
Потом Евтушенко, «На смерть Есенина».
Потом свои:
Вода живая — выдумка и сказка,

Мозг заспиртованный никто не возродит...

Заходишь в этой здание с опаской,

Где мумия великая лежит.

И подступает к горлу горьким комом

Столетие печальное его:

В своих цитатах собственных закован,

Он возрожден гримасой на него.

Он возрожден миллиардами брошюрок

И, как икона, многолик портрет,

Свои, чуть ироническим, прищуром

Он так же жалок, как похож. Раздет

Раздет гиеной жалкой ордой

И хорошо, что чуть несет душком.

А то, что называется свободой,

Лежит в спирту,

В том здании,

С вождем.

Задержали меня на вокзале. Перед поездом на Иркутск. Я был в зеленых вельветовых джинсах и в какой-то курточке. Стоял на перроне с баулком (маленький чемоданчик, с округлыми краями, модный в конце 50-х годов XX века), ко мне подошел какой-то мужик, попросил посмотреть за его чемоданом, пока сбегает в буфет. При появлении поезда я автоматически поднял его чемодан и попятился от путей. И тут же меня взяли под белые ручки.

Ст. 144 УК РСФСР установила ответственность за простую и квалифицированную кражу, а тут как раз кампания на эту тему. Так отделался бы условным, тем более сумма барахла в подставленном чемодане не превышала 100 рублей, но из КГБ позвонили... Годик впаляли.

Нижний Ингаш, исправительно-трудовая колония общего режима. Лесоповал. Катаем бревно, склад нижний и склад верхний, станок заглатывает бревно и выплевывает доски, но это бревно надо еще закатить и подравнять, а оно в снегу и ледышках, а стен у цеха нет — только крыша. Из одежды имеем телогрейку без воротника, ватные ношенные штаны и валенки, добытые в обмен на дачку (посылку с воли). И на обед жидкий суп из тухлой мойвы плюс каша с «машинным» маслом. Хлеба дают 400 грамм, но хлеб зоновской выпечки — сырой, с сорными травами, пластилин, а не хлеб. Кропчим на вечер, чтоб перед сном, посолив, хоть что-то схватить и свернуться клубком под тощим одеялом, так как буржуйка далеко в другом углу барака и греет плохо.

Хорошо, что начальнику отряда потребовалась курсовая, он в юрфаке заочно учится. Получил освобождение от промзоны, написал по криминалистике живую компиляцию с учебников. Слух пошел, замполит тоже учится. Жизнь началась, в группе дистрофиков меня больше нет — я работаю в теплой школе библиотекарем!

Жизнь проходит, как пуля винтовая... А я снова сижу, на этот раз всерьез и надолго. Четыре с половиной года за то, что посадил на кол участкового милиционера.

Дело в том, что пока отбывал срок мама умерла и квартиру передали другим людям. Просто отобрали под соусом неуплаты квартплаты. После освобождения все же прописали,

но дали взамен всего лишь комнату в общежитие для семейных при Куйбышевском машиностроительном заводе. Из универа тоже отчислили...

[1]Lawn Dogs, 1997: <https://www.kinopoisk.ru/film/1962/> — драма Джона Дайгана, повествующая о жизни маленькой десятилетней девочки по имени Девон и её необычной дружбе с парнем по имени Трент, который работает газонокосильщиком. Фильм имеет ряд наград и номинаций Европейских и Американских кинофестивалей.

Вновь в дорогу
Рок меня мой гонит.
Надоел и сам себе, и всем.
Унесут растерянные кони
Панцирь мой,
Мой меч,
Кинжал и шлем.
Без доспехов,
Со стихом и скрипкой
В мир пойду
Под рубищем шута,
С навсегда приклеенной улыбкой
На обрывке старого холста.
В.Круковер,
Тюремные стихи

За всеми этими соплежуйскими воспоминаниями дочапал до райотдела. А там уже ждут два молод... офицера, не одинаковых с лица.

— Ну, хвастайтесь собакой, — говорят. — Нам тут фантастические истории рассказывают про вашу с ней работу.

Ну, смотрите, думаю. И попросил их спрятаться в разных комнатах милиции, а мне оставить по перчатке или шапку. Подпол дал кожаную теплую перчатку, майор — шапку, ондатровую. Ну, Джуля засиделась в вольере, работала с удовольствием. Нашла обеих.

Потом была официальная часть. Рассуждали, что я могу показать в Москве, где «смотреть будут **ОЧЕНЬ** влиятельные товарищи!»

— Найдем, что показать, чем удивить, — говорю. — Собаки могут многое такое, что ни одна наука пока не сможет.

— А пример?

— А например, — отвечаю, — мы можем со следового отпечатка снять не только гипсовую копию, но и запах стерильным шприцом законсервировать. А потом, когда появится подозреваемый, произвести выборку с подставными. Это пока не служит доказательством, но у следователя появится уверенность в вине субъекта. Кроме того, не надо забывать о службе спасателей. Там собаки помогут найти пострадавших, доставят им аптечку, ракетницу, рацию, наконец...

Ну ладно, говорят. Убедил. Завтра выезжаем в Москву, первым поездом. Собаку с собой берем. А пока свободны.

Свистнул я Джуле да и пошел в свою уютную квартирку. «Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал». Попять меня судьба гонит по стране и неизвестно, где приют найду. Сознание старика отчаянно хотело покоя, но молодое тело не возражало против приключений. Да и вспомнил все. Ну... почти все. Следовало еще один кирпичик вложить в биографию моих приключений в Старом Мире. Разъяснить мою умелость в отношении кинологии.

И я предался воспоминаниям, поставив варится гороховый суп с тушенкой. Удобно в СССР устроены эти полуфабрикаты: супы обезвоженные в пачках, каши разные. Да и тушенка в этом времени из мяса, а не из сухожилий и красителей с соей, как в двадцать первом веке.

По дороге не поленился зайти в райпо, так что перед едой выпил полстакана столичной. Хорошо пошла на старые дрожжи. И слегка прикорнул, не раздеваясь. И память — тут как тут.

Оказывается, никак не мог устроится на интеллигентную работу. А заводских профессий нету. Да и общага была противна, нажился в тюрьме в коллективе. Отправился путешествовать. Когда возникала необходимость в деньгах подрабатывал на железке — там всегда нужны грузчики. Так и доехал до Калининграда, который наши у немцев отвоевали. Красивый городок, совершенно немецкая архитектура. Памятник философу Канту в готическом стиле, возле какого-то училища быки стоят бронзовые в натуральную величину. Говорят, студенты им яйца красят перед экзаменами.

Так в прогулке и дошел до ДОСААФ, где встретил на площадке группу молодежи, которые отрабатывали команды под руководством коренастой женщины.

Некрасивые бабы — наше все. Именно у них найдется странствующему режиссеру (капитану, летчику, подводнику, писателю...) и приют, и деньги на дальнейшую дорогу.

Общий язык нашли сразу, когда я проявил знакомство с кинологией. Два собачника — считай почти родственники. Представился просто туристом из Сибири, что отчасти соответствовало реальности. И не пожалел, девушка работал в железнодорожном питомнике, где была вакансия с жильем. Небольшой домик рядом с караульным помещением в охраняемой зоне огромного грузового ж/д узла. На две комнаты, но с мебелью и бесплатным электричеством. Ведомственная, естественно. Так в СССР компенсировали невысокие зарплаты на не слишком востребованных должностях.

Меня, поморщившись на судимость, приняли и дали ключ от домика. Оклад 74 плюс премиальные и разные железнодорожные льготы. Питаться можно на товарном дворе, там ж/д столовая, где в два раза все дешевле. Еще паек — ВОХР, как никак. Забавно, на зоне охраняла ВОХРа, а тут сам вляпался.

Но через пару месяц повысили до старшего на питомнике.

На этот раз было хорошо. Ввел на железной дороге охрану открытых платформ с ценным грузом собаками, которых на конечной станции встречает знакомый кинолог, обихаживает, а потом с грузом отправляет обратно.

В команду питомника набрал девчонок из Клуба ДОСААФ, они не пьющие и собак любят. Именно они проверяли с собаками подозрительные вагоны, временно охраняли опасные грузы, взрывчатку к примеру. Только две собаки выставались на постоянные блокпосты, в их числе неподкупный Байкал, который даже без цепи не отходил от охраняемого объекта. Типичный холерик, но озлобленный на весь мир. Долго с ним подружится старался...

Кстати, занимался и пропагандой собаководства. В пионерлагерь железнодорожников ездили с девушками, на берег Финского залива с просветительским визитом. Показали работу собак, рассказали о нашей работе на охране железной дороги. Пару стихотворений в местном альманахе опубликовал...

И тут пошли неприятности, одна за другой. Дело в том, что наше отделение ж.д.

подчинялось Вильнюсу, а литовцы (лабусы) и тогда, не меньше, чем после отсоединения, люто ненавидели русских.

Не все знают, что литовцы, а не немцы уничтожили 94 процента евреев Литвы. Об этом в советское время не говорили. Литовцы тогда просто отлавливали евреев, затаскивали в большой гараж в центре Каунаса и убивали. На площадке для мытья машин убивали. Некоторых убивали не просто, а вставляли в рот шланг и пускали воду под напором.

Погром начался, когда войска Красной армии отступили из Вильнюса, а немецкие — еще не вошли. Литовцы, среди которых было много скрытых нацистов, зверствовали, как старательные монстры. Убивали и грабили, грабили и убивали.

Парадокс, но немцам, оккупировавшим город, пришлось защищать евреев от литовцев. А потом убеждать литовских руководителей, что Германии не нужна их армия, созданная литовскими националистами буквально за несколько дней. Из этих вояк были сформированы два карательных батальона, которые превосходили по варварству даже эсэсовские формирования. Как зловещая память об этом в Вильно до сих пор существует могила литовского ксендза, попытавшего остановить убийства евреев и разделившего их судьбу. Эту могилу недавно в очередной раз осквернили.

Самое страшное — детская акция. Название такое канцелярское, немцы любят порядок. На самом деле литовцы в форме фашистских наемников просто убивали детей до 14 лет.

В Израиле на склоне лет я встречу с людьми, пережившими концлагеря. Один из них видел, как одна девочка — ей выбили глаз — как-то вырвалась и добежала до немецкого оцепления. Девочка выжила.

Она осталась жива, чтоб попасть в гетто.

Она не очень походила на еврейку, а в гетто было голодно. Она снимала звезды, выходила за пределы гетто, меняла вещи на продукты. Как-то ее поймал немецкий ефрейтор, завел в помещение, положил на лавку и стегал кнутом так, что она обделалась. И отпустил, предупредив, что второй раз отдаст на смерть.

О ней и других выживших я еще напишу, поскольку книга имеет много слоев. А пока вернемся в советский Калининград и на мой питомник, который проверяет чиновник из Вильнюса, настоящий лабус, цедящий слова с нарочитым акцентом.

И конечно, он не обращает внимание на двойное количество мяса, а на нехватку круп обращает. А я за эти крупы на мясокомбинате ухитрялся вдвойне мясо получать, зачем собакам крупы.

Влепили выговор, хотели уволить но начальник отстоял, успел проникнуться ко мне уважением, да и про хитрости на мясокомбинате знал.

Спустя неделю шел с обходом и вижу, как к моему охраннику у товарного вагона пристаёт здоровенный мужик. А в вагоне этом по описи находится взрывчатка. Это уж, не говоря о том, что посторонним вообще по товарной станции ходить запрещено. Я привязал собаку, чтоб не порвала наглеца, подошел. Мужик, конечно, пьяный, попер на меня буром. Взял его на мельницу, уронил нежно, чтоб не покалечился. А он как заорет! Лежит и корчится, будто рожает.

Оказалось, в земле слегка торчал ржавый арматурный прут, его из-за травы не было видно, и он насадился на этот прут прямой кишкой. Разорвал себе все там, да и боль адская.

Через пару месяцев на суд и то пришел в раскоряку.

Меня до суда под подписку отпустили, и все в охране были уверены, что мне ничего не грозит. Собаку не натравил, хотя имел право, оружие не применял, хотя имел право. Знакомые хлопцы из НИИ так вообще подсчитали, что вероятность попадания в этого мужика метеорита больше, чем то, что случилось.

Но мужик оказался участковым, с которого никто не снял экспертизу на наличие в организме алкоголя. Коммунистом.

В общем вклеили четыре с половиной при максимально возможном — пять. Должны были отправить на ментовскую зону, отправили на строгий режим воровской. Отсидел четыре, освободили досрочно, как туберкулезника.

Из зоны я уже вышел профессиональным вором с перстнем "КОТ" ("коренной обитатель тюрьмы". Воровской знак, символизирующий гордость, длительное пребывание в местах лишения свободы, удачу) на пальце. Достижения, чтоб после армии и метновки стать на зоне авторитетом:

* Приручил овчарку и натравил её на вожатого — охрана у нас была из Средней Азии.

... Он автомат растерянно поправит,

Сквозь зубы по-нерусски пробурчит.

А взор его в обученной оправе

Мою фигуру дважды прострочит.

Но я уйду своей походкой валкой,

Снег загребая валенком худым.

Останется стоять бревном под шапкой

Нерусский человек со взглядом злым.

* Ухитрился сместить с должности начальника режима, который хотел превратить зону в сучью, воров ущемлял. А я влез ему в доверие (со одобрения авторитетов) и подставил, вызвав московскую комиссию.

* Отсидел три карцера, но не покорился.

* Написал несколько тюремных песен.

Сижу на нарах. Лампа светит,

Зовется — лампа Ильича,

Еще тюрьмы три года светит,

И это изменить нельзя.

А лампа светит сквозь решетку,

(Такой порядок принят тут),

По коридору вдоль молодку

В восьмую камеру ведут.

Ведут два дюжих "джентльмена"...

Скажи им: женщина — цветок!

Посмотрят лишь в глазок надменно,

Как смотрят только в водосток.

Слова для них — пустые звуки,

Но виноваты ли они,

Что в нашей Родине лишь суки

У власти определены?

Что каждый дважды обворован:

И телом нищ, и духом нищ,

Что каждый трижды ошельмован,

Будь то профессор или бич.

Все относительно на свете:

И там тюрьма, и тут тюрьма.

В решетку лампа тускло светит

Мне в душу полную дерьма.

* Заболел в БУРе туберкулезом (БУР — барак усиленного режима. В зоне строгого режима!)

* Последние месяцы подменял больного смотрящего...

Глава 23

Много грязи в человеке,
Много чистого в грязи...
Ты прикроешь сонно веки,
Я воскликну — погоди!
Я воскликну — дай мне малость,
Погляди в глаза хоть раз,
Чтобы я, отбросив жалость,
Сам себя от грязи спас.
Владимир Круковер, Любовная лирика

Утро было веселым с примесью печали. Я уже как-то свыкся с Вязьмой, где у меня появились товарищи. Из ментов, но верные. В этом времени не говорят «менты», а говорят «мусора». (Аббревиатура МУС расшифровывалась, как Московский Уголовный сыск. Его агентов называли просто МУСор. Никакого пренебрежительного подтекста такое название не носило).

Но поезд, купе в спальном вагоне, Москва на горизонте — это весело. И мысль о сибаритстве московских варягов (ехать четыре часа всего) растаяла, когда вошел в купе. Во-первых оно было роскошное. Я помнил где-то детским воспоминанием, как ехали в чем-то подобном с родителями в санаторий, но никак не ожидал, что вместо привычного купе, из которого просто убраны верхние полки и матрас помягче, увидеть совершенно буржуйский уют с креслом, и стенами, обитыми плюшем. В стене купе была вторая дверь и я вспомнил, что там таится умывальник на два купе: когда заходишь, то автоматически стопорится дверь соседнего купе. Да уж, в советское время красиво жить не запрещалось. А я в своем мире застал поголовную утилизацию удобств в унисекс и жесткое классовое разделение.

— Ну, спать никто не будет, втроем поместимся, — весело сказал майор. — Чур, я на кресле. А ты, капитан, смотайся к проводнику за коньяком, надо командировочные добить.

— Закуски там не забудь, икорочки бери несколько банок, — добавил подпол, протягивая мне червонец.

Но занять кресло Майоров не успел, его заняла моя Джуля, сразу свернувшись калачиком и накрыв нос хвостом. Мол, сплю и ничего знать не желаю. Я её не кормил в дорогу, но хорошенько выгулял, ехать недолго, потерпит.

— Ну и нахалка! — сказал Замятин, что ж — потеснимся.

— «Лежать, место!», — сказал я, чтоб собака не побежала за мной, и пошел к проводнику.

К моему удивлению хватило и на пятизвездочный, и на четыре стеклянные баночки черной икры. Две забрал майор, сказав:

— Вы оба холостые, а у меня семья.

А подполковник пояснил мне:

— Ты на погоны не смотри, Майоров в нашей команде старший. И у него супруга очень любит икру.

— А ничего, если от нас будет пахнуть? — спросил я осторожно.

— Нам сегодня в министерство не нужно, нас завтра ждут. А сегодня мы просто тебя в гостиницу устроим. Денег, небось, у тебя мало, а Москва — город дорогой, вот и устроим все по линии МВД.

Я помнил, что после смерти Сталина в министерствах НКВД и милиции происходили какие-то перестановки, но никогда не уточнял детали. Из газет, принято решение об объединении МГБ СССР и МВД СССР в одно Министерство — МВД СССР, а пограничники переходят под крышу чекистов. Это, кстати, еще одна причина распада питомников служебных собак. Семичастному, поднявшемуся на комсомольской болтовне и сачканувшему от призыва в Отечественную, помог такой же бывший «комсомолец» Шелепин стать Председателем КГБ. Вся эта комсомольская шушера поддержала Хруща и автоматически получила высокие посты на период его правления. А Семичастный, вдобавок, был тесно связан с хохлами: после освобождения Донбасса, в сентябре 1943 года направлен в Красноармейск первым секретарём райкома комсомола и дорос до Первого секретаря ЦК ЛКСМ Украины.

Я и в прошлой жизни ненавидел комсу — этих холуев коммунистической орды. Мой отец, будучи старым большевиком, любил говорить, что без соперничества идеология извращается в диктатуру, что и произошло у нас в СССР. А Семичастного я еще презирал за травлю Пастернака. Комсомольское быдло, недоучка во власти осмелился назвать интеллигента высшей пробы, поэта и музыканта свиньей[1]!

Я как-то отвлекся от происходящего в купе, потому что выпив пару рюмок взял бутерброд с краковской (запасы не одинаковых с лица) и вышел с собакой в коридор, где присел на мягкую откидную скамеечку. Джуля легла у моих ног на ковер, поверх которого была еще и тканевая дорожка. За окном неспешно плыли деревеньки.

...Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую.

В каком же году написал эти стихи Рубцов? Или напишет? А я же могу с ним встретиться, мы нынче с ним ровесники и он скоро должен приехать в Москву, в литинститут поступить. Эта мысль вывела сознание на положительные рельсы, агрессия памяти о могущественном председателе карательного органа отступила. Все же в мире этого коммунистического безумия есть и хорошее. Да и сам Пастернак возможно еще жив... Как бы узнать про опального поэта? Съездить что ли в Переделкино? Там еще много знаменитостей живет. Наверное?

— Слушай, у тебя деньги есть? — тронул меня за плечо Майоров. — Мы тут все свои в покер посадили!

Я взглянул в купе. Действительно, там оказывается давно сидели два мужичка, один из которых тасовал колоду карт. На мой профессиональный взгляд — типичные каталы: неприметные, даже где-то интеллигентные.

Я прошел в купе, сел рядом с подполковником (они в дороге были в гражданском, как и я) и попросил колоду.

— Что, юноша, — спросил тот, что постарше, — хотите сыграть?

— Да нет, — ответил я. — Просто давно картишек в руках не держал.

Карты имели едва ощущаемые царапины в углах, грубо краплены были. А до Москвы оставалось еще пару часов, но мне не хотелось играть, используя знакомый крап против катал. Поэтому я попросил старшего выйти со мной на пару минут в тамбур, скомандовав собаке: «Место, ждать!».

— Ну че хотел? — спросил тот, сунув руку в левый внутренний карман пиджака.

Вряд ли там мог быть нож, обычно каталы стараются не наглеть в своей работе.

— Да ничего особенного, просто предупредить хотел, — я тоже сунул руку в левый внутренний карман пиджака, достал оттуда красную книжечку. — Вот я всего капитан, а те которых вы катаете, подполковник и майор из МВД, командировочные. Советую вернуть все да и с прибавкой.

— Так мы же не знали? А чё они такие тупые?

— Ну не оперативники, штабные. Зато власти у них побольше, чем у меня. Идите и проигрывайте.

Вскоре недоразумение было устранено, проигрывали каталы охотно и с юмором.

Который подмечал лишь я.

Оказавшись в выигрыше офицеры воспряли духом и начали сыпать анекдотами. В бутылке еще оставалось на доньшке, так что я выпил этот остаток и решил разродится анекдотом:

Выставка художников. Билетерша требует:

— Ваш билет!

— Я Пикассо!

— Докажите.

Пикассо рисует голубя мира, и его пропускают.

Следом идет Фурцева, тоже без билета. Билетерша ей:

— Мы пропустили Пикассо и вас пропустим, если докажете, что вы министр культуры СССР.

— А кто такой Пикассо?

— Проходите, товарищ Фурцева!

Успех был оглушительным. Я просто не знал, что Фурцева недавно попала в опалу и смеяться над ней было разрешено[2].

Вообще, как я заметил, в этом времени старые анекдоты вызывали яркую реакцию. Может тут с юмором было не так, как в моей реальности. Впрочем, Петросян существовал в обеих сущностях и был так же банален, как и в моей прежней.

Но вот, наконец, репродуктор заиграл во всем составе, в вагонах гимн СССР:

Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки Великая Русь.

Да здравствует созданный волей народов,

Единый, могучий Советский Союз!

Славься, Отечество наше свободное,

Дружбы народов надёжный оплот!

Знамя советское, знамя народное

Пусть от победы к победе ведёт!

Поезд пришвартовался к приподнятой платформе Белорусского вокзала, мы направились на выход, я — с собакой на поводке и сумкой через плечо, штабные — с портфелями в левой руке.

Таксист на «Волге» было заворчал при виде собаки, но подпол сунул ему под нос удостоверение.

То же самое повторилось и в гостинице. Сперва я подумал, с интересом разглядывая столицу 1961 года, что везут в Метрополь или Националь, но оказалось — в самую советскую и роскошную — Москву. Ту, чей интерьер отделан мрамором, цветным камнем и ценными породами дерева, бронзовой фурнитурой. И чей ресторан был устрашающих размеров.

Дежурный вызвал администратора, вопрос урегулировали, лифт поднял нас на третий этаж и по коридору, увешанному картинами советских художников (о чем сообщил провожатый) по коврам и дорожкам мы дошли до моего двухместного номера. Меня

умилила передняя с зеркалом и шкафом, понравился санузел с ванной и полотенцесушителем, отдельный туалет, Также в номере находились кнопочный аппарат для вызова персонала и телефон. И неперенный телевизор — Беларусь-5. Вот он, на фото.

— Вам еду сюда приносить или в ресторан пойдете? — спросил сопровождающий. А если собака лаять будет?

— Так я с собакой и пойду обедать, мне можно, — проказливо сказал я. — Кто-то против?

— Да нам, в сущности, все равно, — сказал подпол. — Разбирайся тут сам. Завтра к девяти будь готов, заедим. Отдай горничной погладить форму, прием официальный.

Ну я отдал форму дежурному, что передал куда следует, пусть глядят. Сменил сапоги на остроносые туфли и пошел в ресторан. Без собаки. Которая легла на ковер у кровати и приготовилась ждать. Пройдя до лифта, я все же вернулся и позвал ее гулять. Стоял в скверике недалеко от гостиницы, ждал, когда набегается. Похоже с этой овчаркой меня связала судьба. В новой жизни новая собака, вроде есть закономерность.

Я вернулся в вестибюль гостиницы и решил все же посетить ресторан с собакой. Швейцар на входе встал грудью:

— Спецобслуживание, гостей гостиницы обслуживают наверху в кафе «Огни Москвы».

— В уголок хочешь, падла! — рявкнул я, махнув красным удостоверением. Собак тоже служебная, не надо препятствовать.

Похоже, в этом времени милицию еще побаивались. Пропусти. Зал с колоннами и

шикарно разрисованным потолком оказался полупростым. Вот, сучья лакейская! Официант, доверяя чутье цербера на входе на собаку не среагировал, положил передо мной была толстую папку тёмно-вишнёвого цвета. Оказалось — меню. Перечисление еды и напитков занимало пару десятков страниц. Нам предлагали отведать лангет (отбивная из говядины в панировке); фрикасе (французское мясное рагу), нежные и сочные рыбные котлетки; сельдь под названием "Олимпийская" (к ней подавали соус из майонеза и сметаны); сыр "Советский, а также салат "Столичный" и многое другое. Названия были обозначены с разъяснениями и уточнениями. Действительно, шикарно.

— Винную карточку подавать? — спросил официант.

— Просто принесите двести грамм армянского коньяка, — ответил я. — На свой вкус, но чтоб хороший. А столичный салат[3] — это вроде оливье?

— Ну не совсем, замялся лакей, — его наш шеф-повар Ермилин придумал. А вы что — ели оливье? Его, вроде, в нашем общепите не делают.

— Да ладно, — увел разговор я, чувствуя себе на скользкой тропе иных реалий, — читал как-то. В общем, бог с ним — с салатом, принеси любой. И мясное рагу. А собаке моей просто мяса вареного. На большой тарелке, чтоб ковры не испачкала.

Официант продолжал мяться у стола.

— В чем дело, проблемы какие-то? — спросил я.

— По талонам командировочных этот заказ не уложится, надо доплатить...

— Нет у меня никаких талонов. Только советские червонцы и четвертаки, — удивился я.

Оказывается, ресторан кормил командировочных комплексным обедом за 97 копеек, а тем на предприятиях выдавали специальные талоны, которые оплачивались по безналичному расчету. Чудны дела твои, СССР!

[1] 30 октября 1958 года в докладе на пленуме ЦК ВЛКСМ выступил с речью, в которой сравнил лауреата Нобелевской премии Бориса Пастернака со свиньёй:

Иногда мы, кстати, совершенно незаслуженно, говорим о свинье, что она такая, сякая и прочее. Я должен вам сказать, что это наветы на свинью. Свинья, — все люди, которые имеют дело с этими животными, знают особенности свиньи, — она никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит. Поэтому, если сравнить Пастернака со свиньёй, то свинья не сделает того, что он сделал.

[2] Вынужден подробнее рассказать о том, какие страсти кипели у власти в те годы, яркий пример порочности системы:

31 октября 1961 года Фурцеву не избрали ни членом Президиума, ни даже кандидатом. Она ушла с последнего заседания, тем самым нарушив Устав КПСС, а когда вернулась домой, легла в ванну и вскрыла себе вены.

...После выздоровления Фурцеву и её второго мужа Фирюбина, который тоже не явился на заседание съезда, вызвали к Хрущёву, который перед всем Президиумом отчитал и её, и мужа. Суслов же, не снимая галош, предлагал сместить Фурцеву со всех постов и отправить на отдых, но Хрущёв к этому времени остыл. Сама же Фурцева заверила Президиум в том что попытки суицида не было, а со съезда она ушла по причине сильной головной боли, после чего вызвала врачей, была госпитализирована в больницу, там же ей и повредили руки.

В новой должности Фурцева занялась обычной министерской деятельностью, хотя частичная опала продолжалась, чему способствовали такие события, как выставка авангардистов, где Хрущ ногами расшвыривал полотна. В 1964 году поддержала на пленуме смещение Хрущёва с поста Первого секретаря ЦК КПСС.

[3] За основу был взят, по-видимому, тот самый салат «Оливье» из ресторана дореволюционного «Эрмитаж» — но без рябчиков, ланспика, раковых шеек и тому подобных буржуазных пережитков. Так появился классический рецепт Столичного салата.

Я шагаю по Москве,
Как шагают по доске.
Что такое — сквер направо
И налево тоже сквер.
Здесь когда-то Пушкин жил,
Пушкин с Вяземским дружил,
Горевал, лежал в постели,
Говорил, что он простыл...

Геннадий Шпаликов — Я шагаю по Москве

Еда оказалась вкусной, коньяк мягким, а собака так и вышла из кабака с полуобглоданной костью в зубах, мясо ей не пожалели. Умиротворенно вышел на морозец, проветриться. Заодно выгулял псину (она присела по маленькому, потешно торопясь и скосив глаза на свою косточку). Вернулись в номер, Джуля с облегчением занялась костью, а я включил допотопный телик. Шуршали помехи, высветилась таблица настройки. Взял газету, лежащую рядом. Вот программа на сегодня. Ну да, сейчас еще рано. Надо все же часы купить.

13:00 — настройка телевизоров.
18:30 — "Телевизионная хроника"
18:40 — Международный обзор
18:55 — Для детей: кинопрограмма
19:45 — Гордые сердца Африки
20:10 — Новости Кино
20:35 — Литература и современность. Встреча с писателем А. Чаковским
21:00 — "Последние известия"
21:05 — Эстрадный концерт
21:45 — По заявкам зрителей. "Укротительница тигров", х/ф

Концерт и фильм хороший, обязательно посмотрю. А пока вздремну часик, После сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать и... Забыл, как дальше.

А спустя полчаса проснулся от возбуждения. Причем, девушка ощущалась под рукой так явственно, что некоторое время не открывал глаза — щупал. Потом все же окончательно проснулся, согнал на пол устроившуюся под бочком овчарку и решил выйти в город. Последний раз гулял по Москве в году 2010, не столько гулял, сколько катался на самокатах по центру, а потом — на арендованных машинах. Такой туристический кикшеринг. Но нынешняя Москва была другой. Сперва меня занесло на незнакомую улицу с деревянными домами. Табличка сообщала, что это 2-й Луговой переулочек в районе Дорогомилово, где открывался ничем на заслоненный вид на здание МИДа.

2-й Луговой переулок (ныне не существует)

Потом, спустя минут двадцать вышел к Киевскому вокзалу, где поймал такси — новенькую «Победу». Не успел сесть, как счетчик щелкнул и высветил 20 копеек. Но это не главное, деньги у меня водятся — это в Вязьме их опасно было светить, а тут — кто узнает. Просто ностальгично это.

— Так куда едем? — это шофер в фирменной фуражке вопрошает.

— На Тверскую.

— Вы имеете ввиду улицу имени Горького? Вроде не в таком возрасте, чтоб старорежимные названия помнить. Комсомолец, наверное!

Я неожиданно взбесился:

— Останови машину, фраер. Давно у зубного не был!

Пожилой и усатый шофер, явно не ожидавший такой реакции на безобидное брюзжание, резко тормознул. Я вывалился из машины, глотая морозный воздух. И обратил внимание на его чистоту и свежесть. В прошлом (в будущем для этого мира) площадь у Киевского была так загазована, что хоть противогаз надевай. Метро было рядом, я пошел туда. В свое время я наоборот избегал медлительные такси, так как пробки запирали Москву постоянно и на метро было сподручней. Но в этом времени я боялся запутаться, забыл видать, что надписей в этой гордости СССР множество, да и дежурные у эскалаторов подскажут какой веткой пользоваться. Все оказалось более чем просто, хоть и с переходом с Площади Революции на Театральную. Ну а там — одна остановка до Горького. Надеюсь, что проститутки толкнутся тут, не обращая внимание на смену названия улицы.

Улица Горького (Тверская),
1960 г

И тут меня будто торкнуло. И на фиг было так далеко ехать, когда сексуслуги испокон веков прямо в гостиницах. Под «крышей» НКВД или там КГБ, как сейчас эта контора называется? Во я дурак, беспамятный!

Обратно я шел неспешно, наслаждаясь вечерним мягким морозцем, чистыми от слякотного снега тротуарами и витринами магазинов без назойливой рекламы. Все как у Маяковского:

Окна разинув, стоят магазины.

В окнах продукты: вина, фрукты.

От мух кисея. Сыры не засижены.

Лампы сияют. «Цены снижены»

В Елисеевский (Гастроном № 1) зашел, не удержался. И жадно поужинал прямо в гастрономе: там был в одном из залов стоячий кафетерий с местной выпечкой. Так вот, отстояв небольшую очередь, я взял десяток пирожков и чашку кофе. Пирожки в «Елисеевском» делали изумительные: на один укус из слоеного теста и с разнообразной начинкой. Когда я в прошлой жизни бывал в столице, то специально ездил сюда — полакомится выпечкой. У них была своя пекарня. И я эти пирожки брал наугад, чтоб надкусывая столкнуться с сюрпризом. Вроде печеной тыквы или красной икры. Стоили эти крохотные пирожки не мало — 50 копеек вне зависимости от начинки. А вообще пирожки стоили семь (максимум 12) копеек. Здоровенные, из дрожжевого теста.

Нажравшись от пуза и побрел обратно в гостиницу. К этому времени желание снять ночную бабочку сменилось скептицизмом, а память тревожно просигналило про триппер

или, что страшнее, сифилис. Вряд ли комитетчики проверяли своих шлюх у гинеколога. А если заразится зарубежный гость, так это им только в хохму — а не блядуй. Кино периода перестройки о желании иностранцев связать судьбу с нашими проститутками — это всего лишь кино. А на западе в большинстве проституция относится к законному и легальному бизнесу, так что оснований кидаться именно на русских нет никаких.

Так что дошел до номера, вывел собаку на вечернюю прогулку и собрался было уже обратно в номер, как она дернула меня в темную сторону сквера, где не было ни одного фонаря, но слышались ругань и возня.

Через мгновение раздался мужской крик с призывом убрать собаку. Ему вторил женский:

— Не убирай, пусть сперва заплатит!

Джуля сдержанно рявкнула. Она вообще-то не разговорчивая псина, видно прежние хозяева отучали лаять в квартире. Я на всякий случай расстегнул кобуру с револьвером. Я так и носил его на поясе с того памятного задержания. Оружейка зарегистрировала и выдала жетон. Но патронов пока не достал, все собирался на железке (ж/д) поспрашивать у вохры. Тем ни менее два патрона в барабане имелись.

— Эй вы двое, выйти на свет с поднятыми руками. — подумал и добавил: — Если не хотите получить пулю!

— Эй, не стреляй, сейчас выйдем. Только собаку отзови.

— Джуля, — сказал я спокойно, — «Ко мне!»

И действительно вынул оружие, которое при свете фонаря блеснуло грозно.

Вышла женщина, буксирующая за рукав встрепанного мужичка.

— Вот, платить отказывается! — сказала она возмущенно. — А я всю жопу поморозила на снегу.

— Не ври, Соня, я пальто подстелил, — возразил мужичек, действительно держа в руках полупальто с шалевым воротником. — Я тебе уже пять рублей дал, куда еще за один раз.

— Я не выдержал, засмеялся.

— Ох, барышня, — сказал, — надо гонорар вперед брать.

Желания снять шлюху окончательно прошло. Вспомнилось хрестоматийное: «В СССР секса нет!» Ну нет и не надо, найду еще себе даму для взаимных утех. Проснувшаяся память подтвердила: «Ябуться в СССР, еще как ябуться!»

— Пойдем, Джуля, — сказал я, пора и спать ложиться. Я вот тебе пяток пирожков принес, слоеных с печенкой.

Впрочем, я еще успел посмотреть «Укротительницу тигров», восхитившись смелости артистов и решимости режиссера. Вспомнилось из поздней инфы про этот фильм (в «Экране» писали), что по сюжету тигр должен был хозяйничать в кабинете директора цирка — гулять по столу, снимать трубку с телефона и бросаться в погоню за зашедшим мотогонщиком в исполнении Кадочникова. Для съёмок бумаги смазали клеем, чтобы тигр их активно стряхивал и красиво раскидывал, а трубку намазали сырым мясом, чтобы он ее «снял». Когда тигр бросался на дверь, которую с другой стороны пытался закрыть актёр, то Кадочникову поступали прямо противоположные просьбы — дрессировщик просил убрать лицо подальше, чтобы тигр не достал его лапой, а операторы кричали, что актер выпадает из кадра и лицо надо приблизить...

Вот так и уснул под размышления о советском кино. И впервые с момента переноса сознания сны мои были радужные, спокойные.

В конце концов сознание — энергетическая характеристика, спутанность каких- там торсионных полей... Вон, перед смертью читал, что Нобелевскую премию по физике 2022 года получили физики Ален Аспе из Университета Париж-Сакле, Джон Клаузер из Венского университета за эксперименты в области квантовой запутанности, изучение нарушений неравенств Белла и «новаторство в квантовой информатике». Не знаю, что это такое, но вполне и с сознанием, имеющим физическую природу, может произойти эта самая «квантовая запутанность»...

Вот с такими мыслями я и проснулся, под шорох не выключенного телевизора. Экран светился, по нему пробегали темные и светлые полосы, символизирующие, быть может, нарушение неравенств неизвестного мне Белла. А собака не кормленная и писать хочет, вон как смотрит укоризненно.

Вскочил, наскоро оделся и прямо в пиджаке направился на улицу, не пристегивая Джулю к поводку. Она, конечно, забежала вперед, нетерпеливо повизгивая, чуть не сшибла какого- мужика со знакомой внешностью, выбежала и сразу присела, орошая свежий снег.

Мужик повернулся и платок, повязанный на шею вместо типичного для этого времени галстука, прояснил мою память:

— Андрюша! — закричал я. — Здорово, как жизнь?

— Простите, — повернулся ко мне живой и молодой Вознесенский, — мы знакомы?

— Да брось ты, кто не знает поэта, которого сам Пастернак хвалил. Я не удержался и процитировал его знаменитые «Антимиры», не будучи уверенным в том, что они уже написаны:

Живет у нас сосед Букашкин,
в кальсонах цвета промокашки.

Но, как воздушные шары,
над ним горят

Антимиры!

— Они же не публиковались, — сказал Андрей Андреевич.

— Ну, так слава вперед поэта бежит.

Я действительно был восторжен. Только сейчас осознал, что могу встретиться с кумирами своей молодости из той — пропитой и тусклой жизни.

...Люблю я критиков моих.

На шее одного из них,

благоуханна и гола,

сияет антиголова!..

...Я сплю с окошками открытыми,

а где-то свищет звездопад,

и небоскребы сталактитами

на брюхе глобуса висят.

Андрей Вознесенский — Антимирры

Два молодца не одинаковых с лица заехали за мной к девяти. Когда я был отглажен и выбрит до блеска. Синий китель над синими галифе, хромовые сапоги... а вот верх — гражданский, не нашли в каптерке новой шинели, когда собирали для московского представительства. А сапоги сам начальник угро пожертвовал, у нас с ним оказался одинаковый размер — 41.

— Присядь, — сказал майор, — успеем. Сперва у нас визит в Управление по контрразведывательному обеспечению транспорта — "Управление Т", там заинтересовались твоей докладной по применению собак на транспорте, в частности — охрана открытых платформ с грузом.

— А потом нас ждет, — подключился подполковник, — сам Владимир Федорович Чванов — настоящая легенда МУРа, фронтовик, орденоседец, сыщик «от Бога» и просто хороший человек, который сумел заслужить уважение не только коллег, но и матерых бандитов...

Я поднатужился и вспомнил: «Ну и рожа у тебя, Шарапов!» Я тогда жил в Москве, так город буквально вымирал, когда сериал шел по телевизору. И о прототипе Шарапова читал в «Огоньке», кто-то из Вайнеров писал. Владимиру Чванову было всего 20 лет, когда его комиссовали с фронта после тяжелого ранения. В Москве его приняли на службу в МУР простым оперативником. И в первый же день молодому милиционеру пришлось в одиночку задерживать преступника. Он только заступил на службу, в отделении, кроме него, не было ни одного сотрудника уголовного розыска. И надо же было случиться ЧП: сбежали два рецидивиста. Неопытный Владимир Чванов отправился к матери одного из преступников, справедливо полагая, что он непременно у неё появится. Рецидивиста удалось обезвредить, хотя тот и нанес милиционеру удар фомкой по голове. Владимир Фёдорович доставил преступника в отделение и в этот же день был уведомлён об окончании испытательного срока. Ему выдали оружие, хотя обычно милиционеры получали его через полгода успешной службы. Отделение, где работал Владимир Чванов, находилось в Марьиной роще, довольно сложном районе с высоким уровнем преступности.

Когда у одной из жительниц Марьиной рощи украли сумку с карточками, она обратилась к Владимиру Чванову. И точно так же, как в сериале, рыдала от горя: муж на фронте, а у неё двое малых детей. Молодая женщина решила вовсе уйти из жизни, её вовремя

сняли с петли, а оперативник пообещал найти того, кто сумку украл. И нашёл, только вот улик, чтоб привлечь вора по закону, у него не было. Но ему удалось подобрать нужные слова, чтобы убедить жулика вернуть карточки...

Оба визита были утомительными. В КГБ некто в форме гражданского летчика дотошно интересовался именно деталями, техническими нюансами. Явно хотел заработать на этой информации, выдав за личные наработки. У меня к комитетчикам было ровное отношение, но этот «гусь» раздражал. Поэтому я не разъярил ему главную фишку — отучение собак от прыгивания с платформ, категорическое отучение до прибытия к месту назначения. Единственный прием, который отрабатывается жестко, вплоть до электрических стимуляторов!

В МУРе, конечно, было не так напряженно. Первое, что спросил Чванов, так это: «Где же ваша собака?».

Выяснилось, что в Москве прошла серия краж из квартир известных людей. В том числе и всемирного советского скрипача Давида Ойстраха. Об этой краже много писали в моем позднеем времени, и по мотивам был снят фильм «Визит к Минотавру». С той разницей, что из квартиры Ойстраха не была украдена скрипка работы Страдивари — это уже вымысел сценаристов. На самом же деле вор-домушник некто Никонов недели две наблюдал, а как Ойстрах уехал на гастроли в Италию, вскрыл квартиру и обчистил. Были похищены валюта, драгоценности, в том числе подаренный президентом Турции золотой портсигар, инкрустированный бриллиантами; эксклюзивная драгоценная шахматная доска с золотыми и серебряными фигурами — подарок королевы Бельгии Елизаветы, символический золотой ключ от ворот Иерусалима.

На Никонова — старшего вышли по оброненному им в квартире музыканта эспандеру, на котором было написано «Никонов». Но сыскари узнали, что Никонов — старший еще сидит (информация об освобождении опаздывала сильно), отпечатки пальцев в квартире были не его тоже. А дело на контроле в ЦК КПСС!

Но это в моем времени, а нынче у оперативников пока только эспандер. И Чванов, ознакомившись с моей Докладной по применению служебно-розыскных собак на выборке, решил использовать в качестве морального давления на предполагаемого вора.

Дело в том, что в ночь ограбления в квартире Ойстраха два раза срабатывала сигнализация, однако оба раза прибывший по вызову наряд не обнаружил ничего подозрительного. Когда же сигнализация сработала в третий раз, дежурный по пульта отключил ее до утра. Как выяснилось, ложную тревогу организовал именно грабитель, доказав тем самым, что он намного хитрее стражей порядка. Затем он без труда вскрыл 3 замка в квартире и проник внутрь. Однако, сделав дело, он по непонятной забывчивости оставил на месте преступления серьезную улику в виде эспандера.

— А Никонова доставили? — спросил я.

— Так он же еще сидит.

— А позвонить, уточнить. Может, давно откинулся? И второй вопрос: среди потерпевших много торговых работников?

— Откуда знаешь?

— Я не знаю, предполагаю. В общем, если найдете старшего Никонова — зовите.

Надеюсь, эспандер герметично упакован.

— Ну ты нас совсем за дураков не считай.

— Извините, товарищ Чванов, я знаю, что вы — гордость МУРа. Но с собаками дело пока не имели. А в работе с запахом много нюансов.

— Да ладно, эксперт в его законсервировал в специальном пакете после снятия отпечатков. Брал пинцетом.

— Эх, все равно запах эксперта остался. Надо будет обязательно пригласить его на опознания, чтоб я объяснил собаке — его запах не прорабатывать.

Дело было далеко после обеда, так что мои кураторы (как я понял один из них, несмотря на шинель, был из ЧК) позвали обедать а потом отвезли в гостиницу. Выгулял собаку, накормил кашей с мясом, захватил из столовой, где мы обедали. И сел к столу — думать. Дело в том, что в прошлой жизни общался я (можно сказать дружил) с квартирным вором высокого уровня, который как раз в это время ставил (выставлял) квартиры известных людей.

...Олег Маневин получил 15 лет за вооруженные грабежи и кражи с применением технических средств. Его приговор напоминал приключенческий роман и по толщине, и по содержанию. Десятки эпизодов, из которых в суде рассмотрена только часть.

Одну квартиру, например, они с коллегами вскрыли под видом связистов. Зашли к соседке якобы ремонтировать телефон, который сами же предварительно отключили; пока один возился с аппаратом, второй подключил электродрель с насадкой алмазной фрезы, срезал замки нужной квартиры и через несколько минут вышел оттуда, аккуратно прикрыв дверь.

Потерпевшие не заявляли о взломе, а когда их при гласили в прокуратуру, старались подчеркнуть незначительность похищенного. Так, кольцо с бриллиантами они оценили в 250 рублей, приптели электробритву за 20 рублей... (в данном случае деньги советского периода, когда доллар стоил меньше рубля, а на черном рынке не больше 2–3 рублей, когда хлеб продавался за 12–22 копейки, пиво — 22 копейки, колбаса от 2 рублей, водка — 2 руб 87 коп и столичная — 3руб07 коп, когда ондатровая шапка в «Березке»[1] покупалась за 25

рублей, государственная цена запорожца позволяла накопить на него за год любому рабочему -1500 руб, а жигули в принципе тоже были доступны — 4300–5500.

Почти все ограбленные старались умолчать о своем несчастье. Только часть конфискованных ценностей была оценена в 800 тысяч рублей.

Группа часто работала в форме офицеров милиции, притом у них были и удостоверения МУРа — настоящие дубликаты действительно работающих там сотрудников. Отчасти это их и погубило.

Все уже было подготовлено. Куплены путевки в Югославию. (Оттуда туристы автобусом ездили на день в Италию...). Ценности, в основном драгоценные камни, запрятаны самым искусным образом. Все члены банды жили в Москве вполне легально, работали, все предварительно оформили отпуска. Их выезд нигде и ни у кого не мог бы вызвать подозрения. И они решили устроить прощальную вечеринку. Послали одного за вином, занялись закусками. Все были ребята малопьющие, но приверженные русским традициям.

Прошел час, другой. Их товарищ не вернулся. Никто ничего не мог даже предположить. Опознать их было нельзя, перед грабежами они маскировались профессионально, свидетелей краж тоже не было. Они не сочли ничего лучшего, чем рассосаться по Москве, пока что-либо не выяснится.

А произошло следующее. Их товарища сбила машина. Нелепый случай! И, если бы они не отложили поездку, а утром выехали в Югославию, откуда довольно легко пробраться в Италию, они были бы в безопасности. Их подвела собственная осторожность.

Сбитого машиной доставили в реанимацию. В кармане у него обнаружили удостоверение капитана МУРа. Из клиники позвонили туда, сообщили о несчастье. Капитана, настоящего, чей дубликат попал к врачам, в это время в отделе не было. Позвонили жене. Через час она была в больнице, где пережила, переволновавшись за мужа, второй шок: увидела незнакомого бесчувственного мужчину.

Дальше все развивалось закономерно — МУР сработал четко и неторопливо. Все оказались за решеткой, но большая часть похищенного милиции не досталась. На зоне Маневин работал технологом цеха, играл в оркестре, крутил кино. Это был (будет) удивительный человек с талантом не только инженерным. Играет на всех инструментах, сочиняет музыку. Обладает почти абсолютной памятью. Вырос в простой рабочей семье, рано потерял отца, но очень интеллигентен, корректен. Попав в тюрьму, не задумываясь, отказался от контактов с блатными. В то же время он невероятно консервативен во всем, за исключением техники. А в социальном плане и вовсе беспомощен. Главное для него — освободиться пораньше. Материальных затруднений он, если не допустит ошибки, испытывать не будет до самой смерти. Как, впрочем, и его коллеги, тоже получившие по 15 лет, но попавшие на другие зоны. А главная черта Маневина — он надежный друг. Мы с ним очень сошлись на зоне.

Однажды у него болели зубы и он не вышел с оркестром играть на плац. (Осужденных, возвращающихся с подневольной работы, в любую погоду встречает оркестр, играющий старые марши. Деталь, не требующая никаких комментариев, но прекрасно характеризующая болото зоны). За это замполит наказал его семью сутками ШИЗО — штрафной изолятор с выходом на работу. Олег сидел в штрафном изоляторе, днем работал руководителем крупного цеха за зарплату разнорабочего, кем и был оформлен официально, а вечером крутил в клубе кино. Еще один эпизод, характеризующий абсурдность и бесчеловечность всей системы. И возвращался на ночь в штрафной изолятор, на нары без

матраса.

Этот мир был тщательно похож на мой прежний, так что совпадение домушника было возможно. И вот сейчас мне предстояло выбирать. Сдать, еще не попавшегося Маневина со товарищи или не предавать память о нашей зонавской дружбе?!

[1] «Берёзка» — в СССР — сеть фирменных розничных магазинов, реализовывавших пищевые продукты и потребительские товары за иностранную валюту (иностранцам) либо за сертификаты, позднее чеки Внешторгбанка и Внешпосылторга (советским загранработникам — дипломатическим, военным и техническим специалистам, в частности специалистам «Зарубежстроя» и членам их семей).

Существовала сеть «Берёзок», принимавших чеки серии «Д» для обслуживания дипломатического корпуса, а также сеть магазинов и киосков при гостиницах «Интуриста», принимавших иностранную валюту (продажа сувениров, мехов, продуктов, напитков и сигарет).

Многие склонны путать два понятия — "Отечество" и "Ваше превосходительство",
М.Е.Салтыков-Щедрин.

Ночь спал плохо. Да что там — плохо, практически не спал. Сидел, ходил, думал. Не пил спиртное! Совсем, хоть в тумбочке была бутылка «Старки»[1], чем то напоминающая вкусом шотландский односолодовый виски, а также те сорта бурбона, которые выдерживаются в сильно обожженных бочках из белого дуба.

Вот подумал о виски и сразу ассоциация: ну как я буду жить честно, коли привык к доступности удобств и вообще привык достойно жить, не думать о деньгах. Например, привык утром окунаться в бассейн, а потом ложится на стол к опытному массажисту. Привык, что за ногтями и прической ухаживают специальные люди, как и за транспортом в гараже и в яхт-клубе, что есть платные, а не социальные, врачи высокого уровня.

А тут я даже нормальную «Старку»[2] не могу поставить в тумбочку!

Невольно вспомнилось одно из продуманных преступлений из прошлой жизни — во Фрунзе.

Во Фрунзе я бывал часто и очень любил этот спокойный, зеленый город. (В период СССР). Но сейчас я ехал туда не отдыхать, а работать. С собой у меня были необходимые бланки с печатями, четкий план действий.

Остановился в гостинице ВДНХ за городом. Полностью оплатил четырехместный номер — других там не было, купил в ближайшем магазине канцтоваров пару листов ватмана, зеленую и красную гуашь, плакатные перья. Вечером я, уподобившись Остапу Бендеру, занялся искусством:

“Хотите иметь вагон древесины? В бревнах или досках? Если хотите — зайдите в сельсовет. И договоритесь с семьей о трехмесячной отлучке. Подробности при собеседовании с представителем леспромхоза”.

Эти объявления я на другой день расклеил в ближайшем поселке. Сам зашел в сельсовет, представился вербовщиком леспромхоза из г. Игарка Красноярского края. Лет пятнадцать назад воровская занесла меня в эти края, с тех пор в архивах завалялось несколько бланков с печатями Игарки. Сейчас онигодились.

Вскоре в сельсовет потянулись желающие. С лесом в Киргизии всегда были трудности, строительная древесина стоит дорого, достать ее сложно. Мои же условия были очень просты: три месяца работы в леспромхозе по самым высоким заполярным ставкам, а потом можете выписывать вагон кругляка или пиленки. Отправить по железной дороге поможем. Работа несложная, хоть и тяжелая: в леспромхозе на верхнем или нижнем складах, на распиловке, на лесоповале...

Видимо я тогда еще не полностью очухался после запоя. Деятельность леспромхозов была мне хорошо известна, практику я проходил в зонах, но как-то у меня совсем выскочило из головы, что Игарка окружена тундрой; которая мало подходит для лесозаготовок, и что железную дорогу в Игарку даже не прокладывали. Впрочем, леспромхоз в Игарке был. Небольшой. Там сортировали экспортную древесину перед загрузкой на иностранные суда в

порту. Строевой лес продавали комуныги за валюту!

Киргизы, мечтающие начать строительство из собственного леса, в географические подробности не вникали. До вечера записалось сорок человек. На сборы я им дал сутки. Подъемные были обещаны после прибытия на место — якобы не рисковал возить с собой большие суммы. Добираться до места мы должны были тоже за свой счет, с непременной оплатой билетов сразу после прибытия.

Через сутки доверчивые труженики с вещмешками и топорами заполнили автобус. (Пилы я им брать отсоветовал, обещал выдать бензиново-электронные, японского производства.) В аэропорту я разместил их в главном зале тесной туристической группой, запретил отлучаться куда-либо, кроме туалета, провел переключку по списку и поручил, пока я буду договариваться насчет билетов, собрать деньги на эти билеты. Старшим назначил козлоподобного старичка с седой раздвоенной бородкой, напоминающей по густоте волос лесопосадки в тундре. Потом я посмотрел расписание самолетов, идущих до Красноярска. Самый удобный рейс шел через шесть часов. Справился в кассе — билеты были свободно. Сумма транзита до Игарки составляла на каждый билет 320 рублей. Естественно, что без пропуска или прописки в этот город билеты не продавались. Меня это не смутило. Я вернулся к своим трудягам, и старик, кланяясь мне как большому начальнику, доложил, что не знает поскольку собирать.!

— Билет стоит 180 рублей, через Москву с пересадкой, но могут быть непредвиденные расходы. Собирайте, бабай, по 200 рублей, но побыстрей. Если бы не ваша медлительность, мы могли бы уже скоро лететь. А теперь на этот рейс опаздываем, придется шесть часов ждать.

Старик рассыпался в извинениях, ссылаясь на милость Аллаха. Деньги собрали быстро. Я подтвердил свое указание не расходиться, добавил, что и в туалет лучше ходить группами по три-четыре человека, сказал, что из-за их медлительности в сборе денег буду отсутствовать долго — с билетами трудности. На прощание еще раз подчеркнул крупные полномочия бородатого бабая, не удержался сказать вальщикам леса “ыракмат”, что значит спасибо, поднялся в кассовый зал, спустился по другой лестнице, сел в такси и отбыл на вокзал. Я всегда питал к железной дороге большую симпатию, чем к капризной авиации.

В здание вокзала я заходить не стал. На путях стоял какой-то поезд, я запрыгнул в первый же попавшийся вагон и протянул проводнику четвертак. “Скоро сойду”, - сказал я, не вдаваясь в подробности. И сошел через несколько остановок на крупной станции, где пересел в поезд алма-атинского направления.

До Алма-Аты я ехать не собирался. Через два часа я сошел снова, купил на вокзале билет в СВ до Оренбурга, а в Оренбурге все же воспользовался самолетом, который мигом домчал меня до Москвы.

Восемь тысяч, подаренных мне любителями леса, позволили без проблем разместиться в люксе гостиницы “Москва”, старой и достаточно фешенебельной. Потом я пополнил в ближайшей «Березке» (благо, чеки жучки всегда продавали за углом) свой гардероб, принял душ, переоделся и устроил праздничный ужин (он же обед) в гостиничном ресторане. С девочками.

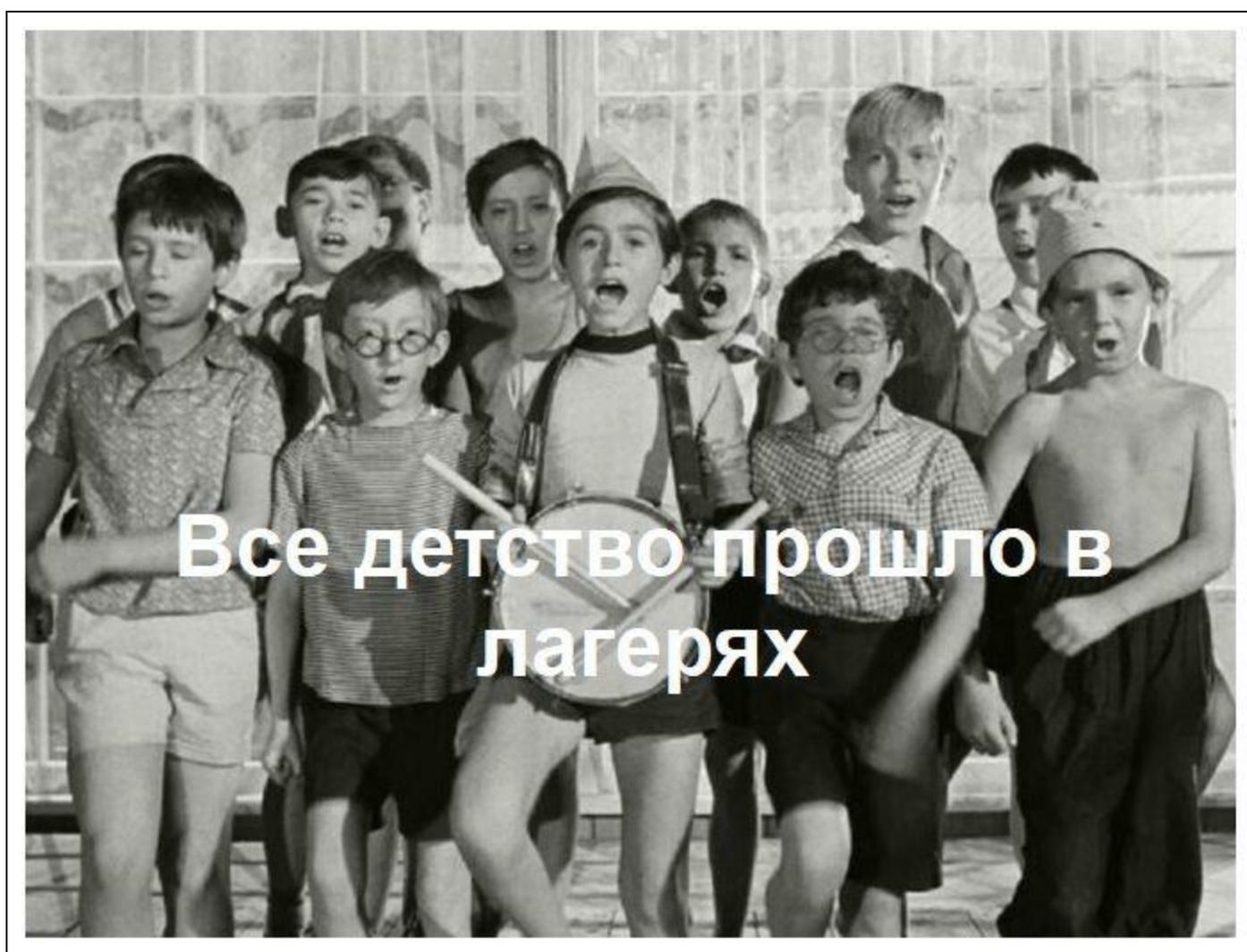
Утром следовало внести московскому смотрящему процент на общак (я, как профессионал, числился по Москве и надеялся со временем получить корону законника, чему

долго препятствовала моя недолгая работа в милицейском питомнике). И замутит хорошенькую аферу по продаже форели и лосося, для которой закупить пару тонн трески. Благо, в СССР её не считают ценной рыбой, хотя в правильном приготовлении она не уступит и лососевым. Треска нынче в гастрономе по 56 копеек за кило, а горбуша, если выбросят, по 4-75, посчитайте разницу. Тем более что я буду продавать филе лосося в красивой упаковке...

Воспоминание прервалось горечью во рту. Будто желчь разлилась от этих, как нынче оцениваю, преступных обманов обычных людей. Правда были у меня и обманы государства, но редкие. Опасные статье в УК РСФСР за обман государства. Вон, помню таксист, торговавшего валютой. Вместе чалились. Так я давно откинулся, а ему еще семь лет корпеть на лесоповале!

«Все это в прошлой жизни!» — сказал я сам себе и повторил вслух: «Это сейчас другая жизнь, я в ней воров ловлю, а то — страшный сон: людей обманывать подло! Скольких ты нахлобучил, просто войдя в доверие, пообещав что-то достать, как-то помочь, с кем-то договориться. Грязь все это, вот тебе дали возможность исправить грехи, половить ворье — пользуйся. Тоже мне, кого ты предать боишься? Маневина! Вора квартирного! Пускай он у торгашей воровал, у тех, кто сам на гражданах наживается — это его не оправдывает... Или оправдывает? Робин Гуд — хорошо или плохо отнимать у богатых? Вон большевики отобрали у богатых и поделили между бедными. Что в результате? Стали все нищие, вот что! Поэтому и рассыплется наше СССР, наш карточный домик. И превратится нищая РСФСР нищую Россию с мощной армией и кучей военных игрушек.

Вот так — весь в сомнениях и тревогах — пошел я утром на работу в МУР. На легендарную Петровку, так как МУР уже переехал с Большого Гнездиковского переулка. Сегодня должны были доставить Никонова, владельца эспандера, и я с собакой произведу выборку, чтоб все вокруг, включая понятых и самого Никонова, убедились — вещь принадлежит ему. Я собирался сделать это театрально и сперва продемонстрировать возможности собачьего чутья всем участникам этой выборки. Поэтому тщательно выгулял Джулю, а покормил утром всего лишь куском колбасы. Докторская за 2-30 — варёная колбаса без жира по оригинальным рецептам и с соблюдением ГОСТ.

Все детство прошло в лагерях

[1] — горькая настойка «Старка», в составе которой ректифицированный спирт, вода, коньяк, портвейн и, главное, — настои на листьях яблонь и груш.

[2] Старка (польск. *Starka*) — крепкий алкогольный напиток с содержанием спирта 40–43 % объёма и более, получаемый путём старения крепкой ржаной водки в дубовых бочках из-под вина с добавлением яблоневых и грушевых листьев, цветков липы. Спирт для старки изготовлялся путём двойной дистилляции перебродившего ржаного сусла в перегонном кубе, что сближает производство старки с производством виски.

В стекло уткнув свой черный нос,
все ждет и ждет кого-то пес.

Я руку в шерсть его кладу,
и тоже я кого-то жду.
Ты помнишь, пес, пора была,
когда здесь женщина жила.
Но кто же мне была она?
Не то сестра, не то жена.
А иногда, казалось, дочь,
которой должен я помочь.

Она далеко... Ты притих.
Не будет женщин здесь других.
Мой славный пес, ты всем хорош,
и только жаль, что ты не пьешь!

Евгений Евтушенко — Мой пес

В семидесятых с подачи "Комсомольской правды" страну обошла история овчарки, брошенной хозяином в аэропорту.

Больше года ждала она предателя. Потом ее взяла любительница из Красноярска.

В полете их сопровождал ветврач из Московского общества защиты животных. И не зря, у овчарки дважды отказывало сердце...

Мое стихотворение об этом, тоже было опубликовано в «Комсомолке», я тогда еще не определился уголовником, хоть первый срок оттянул, и публиковать стихи не считал нарушением воровской этики. К тому же для мошенника не все криминальные законы писаны. Например, я имел право не ставить на руку наколки, так как профессия требовала скрытности. Кем я только не представлялся: профессором, маэстро, сотрудником КГБ, работягой с Заполярья, шахматным мастером... Кстати, в шахматы действительно был кандидатом в мастера еще по школе. Чаще всего притворялся журналистом, которых в СССР побаивались. Ну и ксивы, естественно, имел соответствующие.

Вернусь к стихам... тут как раз подумалось, что в отличие от многих попаданцев, делающих имя на чужих стихах или музыке, вполне могу свои использовать. Для этого времени они не столь плохи, ибо еще не вырос Бродский, не прославились должным образом Евтушенко, Рождественские, Вознесенский, Окуджава, наша Ахмадулина... да и оттепель еще в разгаре. А вот это, про брошенную собаку, могу прямо сейчас в «Комсомолку» отнести.

Собаку бросили. Уехали. И — вот

Она встречает никого который год.

Она садится там, где гаснет гул,
Где самолет швартуется, у трапа.
В отчаянном движении вперед
Сидит, вся напряженная, собака.

Проходят мимо миллионы ног
И виновато смотрят стюардессы.
Собака просто ждет который год,
Как обнаженный символ ее сердце.

Прости же пес, ведь я не виноват,
Ну, разве, в том, что создан человеком,
Что стал твоим предателем собрат,
Что ты опять обманут нашим веком.

За то, что ждешь у трапа никого,
И горя не поделишь своего.

Я ждал, пока нагуляется собака и опять копался в прошлом своего сознания из другой реальности. Несмотря на схожесть, другой. И с этим следовало завязывать, ибо свихнусь на этих «памятных датах». Надо в сегодня жить, а не во вчера. Тем более, что карьера собачника удачно складывается. И нет смысла возвращаться в воровскую эпопею, которая кончается тюрьмами с потерей здоровья. Я сидел всего три раза, из пяти задержаний. Два раза отмазался. Но в результате переболел в тюрьме туберкулезом, заработал ряд кожных заболеваний, практически ослеп. А мог бы сохранить к старости отличное здоровье, да и много лет сэкономить вольной жизни.

И вообще, нет ни вчера, ни завтра — есть лишь сегодня. Миллиарды людей живут сегодняшним днем и никаких у них мерехлюндий[1]. А я сопли распустил, хотя нахожусь в здоровом и молодом теле.

Джуля ткнула мокрым носом в руку: нагулялась, мол, работать будем?
И мы пошли работать.

По моей просьбе в МУРе выделили актовЫй зал, куда натолкались заинтересованные сотрудники. На задних стульях разместили с охраной задержанного вчера вечером Никонова старшего.

Я пошел по рядам с авоськой, которую всю ночь вымораживал за окном, чтоб убрать посторонние запахи.

— Товарищи, хочу продемонстрировать работу настоящей ищейки. Сейчас вы дадите мне по какой-нибудь вещи, я вернусь на сцену и собака постарается найти владельцев этой вещи.

Я собрал семь вещей: перчатки, носовые платки, одна лыжная шапочка. Вернувшись на сцену разложил их на столе и взял первой в руку именно шапочку:

— Джуля, нюхай — ищи!

Держа в руках шапочку спустился в зал, где овчарка уже гавкнула на владельца. Так

повторил семь раз. Собака работала весело.

Вернулся на сцену, сказал:

— Внимание. Теперь, после демонстрации способностей ищейки, я достаю пакет с эспандером, найденном на месте преступления — в ограбленной квартире товарища Ойстраха. Заметьте, эксперт его законсервировал в специальном пакете после снятия отпечатков. Брал пинцетом. Так что запах владельца, который жал его в руке и, наверное, носил в кармане, сохранился. Сейчас собака понюхает и попытается найти владельца в этом помещении:

— «Нюхай! Ищи!»

Овчарка уверенно спустилась в зал и пошла по рядам, принюхиваясь верхним чутьем. Я специально отпустил её без поводка. Вскоре остался ожидаемый лай и возглас:

— Убери собаку, мусор, я чистуху напишу.

Ну а меня забрали из МУРа два молодца. Они, как я понял, долго будут меня курировать, так как Никита Сергеевич увлекся собаководством. Хрущев, будучи энергичным, но недалеким, был натурой увлекающейся. Одно из самых ярких проявлений хрущёвского волонтаризма — кукурузная лихорадка: попытка массового внедрения кукурузы в сельском хозяйстве СССР в 1950-х — 1960-х годах. Попытка не учитывала климатических условий страны, поэтому была в целом провальной. Привыкшие к рабскому повиновению председатели колхозов по указанию партийной власти сеяли кукурузу в местах, климатически не подходящих для её выращивания даже на силос.

Я где-то даже сочувствовал первому секретарю КПСС, который искренне хотел при помощи расширения посадок этого ценного зернового и кормового растения накормить всю страну, догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока.

Н. С. Хрущев не был дураком, иначе бы не выжил в сталинской мясорубке. Ему было выгодно выглядеть простачком-дурачком, но на самом деле это был мужик, крестьянского разлива, понимающий расклад политических сил. Он, конечно, был марксист-ленинец за коммунизм-социализм. Эта наивность его тоже лежит в плоскости социальных благ для общества. А вот интеллектом он не обладал, поэтому буквально ненавидел творческую интеллигенцию, авангард. Вот как он орал на Андрюшу Вознесенского — (историческая запись): <https://youtu.be/3f9izHJGIoo>

Но похоже я и сам смогу встретиться с Никитой Сергеевичем, воочию так сказать. С той же радостью, с которой он уничтожал военный флот, армию, органы правопорядка, Никита решил возрождать кинологию. Правда этого ученого слова он не знал, но собак уважал. Не удивительно, Хрущёв летом работал пастухом. Когда Никите Хрущёву исполнилось девять лет, отец окончательно забрал его из церковно-приходской школы и отправил работать в поле. «Я выучился считать до 30, и отец решил, что учения с меня хватит, — вспоминал Никита Сергеевич. — Всё, что тебе нужно, — выучиться считать деньги, а больше тридцати рублей у тебя все равно никогда не будет».

— Мне надо подготовиться заранее, — твердо заявил я сопровождающим. — Мне нужен стерильный шприц, герметичные склянки (тоже стерильные), к тому же мы с собакой сегодня еще толком не ели.

— В Кремле накормят, ответственвал мне куратор от КГБ, Никита Сергеевич назначил на пять, а сейчас только четыре.

— Тогда уж не будем кушать вовсе. Собака не может работать с полной отдачей, если

сытая. Чаю выпью.

Принесли чай. В знаменитых мельхиоровых подстаканниках со звездами. Сушки принесли, тоже памятные. Конфеты «Мишка косолапый» знаменитой фабрики: «Красный октябрь». «Если хочешь кушать «Мишку», заведи себе сберкнижку», — писал Маяковский.

Джуля негромко твякнула, возмущенная моим поведением.

— Извини — прости, — сказал я, развертывая ей парочку конфет. Удивительно, но если положить перед ней колбасу и конфету, выберет конфету. Я и сам в прошлой жизни был сладкоежкой, что часто встречается у потенциальных алкоголиков. А в этой равнодушен к сладкому, хотя отказываться от дорогих конфет не стану.

Пока суть да дело, подошло время встречи с Никитой Сергеевичем. Хрущев вкатился в небольшой зал, который нам выделили для демонстрации, бодрым коlobком. Он оказался толще, чем я считал раньше, но весь лучился азартом и жизненной энергией. Уверенно подошел к собаке, протянул ей кусок колбасы.

— Отказу от приема пищи от посторонних я всегда обучаю собак в начале дрессуры. Два приема, важных на мой взгляд: отказ от пищи на земле и из рук постороннего — первый, мгновенный подход по команде — второй. Не столько потому, что неправильно звать — зазывать собаку, сколько, чтоб не попала под машину, расшалившись, не подставилась под нож преступника... да мало ли. Чтоб ребенка — малыша не напугала!

Поэтому овчарка вопросительно посмотрела на меня, не раскрывая пасть. «Мол, как с утра кусочек колбасы съела, так две конфетки — пустяк для такой крупной собаки, как я!»

— Джуля, «Можно!», — сказал я, — «Можно, ешь!»

Псина осторожно взяла лакомство.

— Так её Джуля зовут: — чему-то обрадовался Хрущев. — У меня была собака, Джульбарс звали. Помогала коров пасти. Да, да, я в детстве и в церковно-приходскую школу ходил, и коров пас за еду. А теперь государством руковожу. Такая у нас политика, у коммунистов — любая прачка или пастух может выучиться и руководить заводом, колхозом или, как я, государством! Ну и что будешь показывать? Удиви меня!

— Удивлю, — сказал я, — только сперва выведу собаку за дверь, чтоб она не видела, что мы ей за испытание готовим.

— Интересно, интересно, — сказал Хрущев, усаживаясь на мягкий стул и приготовившись к развлечению. — Я читал твою докладную по собаководству в стране, упустили мы эту науку, упустили.

[1] Мерехлюндию придумал Чехов, впервые употребив этот неологизм в драме «Три сестры». Критикам слово не понравилось, но его стали употреблять.

Никогда не спорьте с дураками, они стащат вас на свой уровень и задавят опытом.
Марк Твен

Благодаря знаниям прошлой жизни мне бросилось в глаза, что Хрущёв бессознательно или вполне осознанно копировал сталинские привычки. Располагавший 4-мя окнами кабинет на 3-м этаже (за стенкой от квартиры Ильича) был очень похож по планировке и оформлению на сталинский, который мы часто видели на фотках и в кинофильмах.

Похожий на сталинский стол с аналогичной "загрузкой" на фоне всё тех же настенных деревянных панелей. Портрет Ульянова (Ленина), хоть и другой, а по смыслу — всё то же. Только телефонов поболее, и 2 модели самолётов. Плетёное кресло в ленинском стиле.

— Интеллигенты разлагают наше общество, — сказал Никита доверительно. — Шибко образованные, умными себя считают. Вот мне доклады пишут, так непременно умные словечки вставляют, которые и не выговоришь. Приходится перед выступлением перечитывать и вычеркивать. Скажу тебе честно — Сталина на них нет! Вот скажи мне, что такое амбифаланто, тьфу — амбиваланто, ну ты понял?

— Амбивалентно — двойственно, ответил я, — Так ученые много всяких слов выдумали. А в докладе надо просто говорить, чтоб народу было понятно.

— Вот ты меня понимаешь, что значит военным был. Я тоже много воевал, войну прошел. Ну ты знаешь...

Ну да, Никита здоров пить, мне с ним не тягаться. После демонстрации нас с собакой удостоили перекусом с горячительными напитками. Столик накрыли прямо в кабинете Хрущева, вернее прикатали этот столик на колесиках в уже сервированном виде. Из горячительных Никита Сергеевич предпочитал настоящую украинскую горилку[1].

Надо сказать, что Хрущев запомнился не только гражданам СССР, но и всему миру. Он стучал ботинком на заседании ООН, грозился обогнать США абсолютно во всех вопросах и боролся с творческой интеллигенцией. К тому же Первый секретарь ЦК КПСС не просто любил выпить, а пил как сапожник, совершенно не стесняясь публичности. Так, намереваясь показать главе Финляндии, что такое пить по-русски, Хрущев напивается сам и не стоит на ногах. А в Новосибирске совершает пьяный круиз по городу на санях с тройкой лошадей, после которого не может самостоятельно покинуть сани.

Кстати фраза "сообразить на троих" появилась именно при Хрущеве. Ведь купить можно было лишь целую бутылку водки и желающие выпить скидывались на ее покупку и коллективно распивали купленное. И все это благодаря хрущевской бездумной антиалкогольной кампании (что им всем так нейдет, придя к власти топорно бороться с алкоголем!) которую он запустил 1958 году, запретив отпускать спиртные напитки на разлив, закрыв все питейные заведения вблизи школ и больниц, подняв цены на алкоголь и даже разрешив делать водку из технического спирта, вследствие чего стали происходить массовые отравления.

Ну вернемся немного назад. Показ способностей обученной ищейки я обставил театрально. Выведя собаку из зала и приказав: «Место! Ждать!», я вернулся в комнату,

очертил мелом круг в стороне от толпы и попросил какого-то шестерку из свиты главы государства наступить внутри круга, потоптаться. Потом, вернув его к зрителям, набрал шприцев воздух с этого места (со следового отпечатка), законсервировал в склянке и прокомментировал свои действия.

— Мы не видим, но тут есть запаховый след, который ищейка «видит» носом. Теперь эксперт, первым прибывшем на место преступления, снимает не только отпечатки пальцев, но и следы запаха преступника. И вот зовем собаку.

Джуля распахнула лапами прикрытую дверь и зафиксировалась у левой ноги. Я распечатал склянку с запаховым следом и дал команду: «Ищи!».

Мгновение спустя подчиненный Хрущева кричал: «Уберите собаку!»

Ну а после, приказав работать с моей докладной и приготовить конечное решение, которое будет переслано в форме Указа в соответствующие органы, Никита пригласил меня обмыть удачный показ.

В кабинете мы были одни, не считая официантки, которой Хрущев абсолютно не стеснялся. Собака, сжевав кремлевскую колбасу, нежилась на коврике в углу кабинета. А мы с Никитой Сергеевичем опрокидывали стопки действительно качественной горилки.

— Мне её с УкрАины привозят, специальный «розЛив», чтоб с перцем и с чистого зерна гонят! В маГазине такой не купишь!

Он был такой весь розовый, довольный, в украинской косоворотке и просторном пиджаке с расстегнутыми пуговицами... Невольно вспомнилось, что Хрущев был один из немногих членов Политбюро, кто лично участвовал, вместе с Успенским, в допросах и даже пытках арестованных. На Украине репрессировали почти 200 000 человек. Хрущев лично пробивал увеличенную квоту[2].

Я налил себе сам и выпил, как бы иллюстрируя спич о горилке.

— Да, хороша, — сказал, — вы мне не выделите пару бутылок.

Хрущев нетвердой походкой дошел до стола и нажав кнопку сказал:

— Коменданта Кремля ко мне!

А прибывшему тот час коменданту дал задание:

— Моему другу (он указал на меня) выделить приличную квартиру, обставить (ко мне: ты какую мебель предпочитаешь?) и завести туда ящик моей горилки.

— Я старинную мебель предпочитаю, — ответил я на вопросительный взгляд коменданта, — а квартиру надобно рядом с парком каким-нибудь или лесом — с собакой гулять.

— А хочешь за городом, дачу хочешь? — Хрущев даже оживился.

Обретя власть он упивался возможности что-то дарить понравившимся ему людям. А я не мог не понравиться — детдомовец, прошедший такую же школу жизни, как и он сам, бывший военный, милиционер, кандидат в КПСС. То есть истинно Советский Человек Овчаренко Владимир ему всяко ближе, чем какой-то подозрительный Пастернак...

Приобрести или построить собственные хорошие дачи могли лишь люди, зарплата которых многократно превышала среднюю по стране: видные актеры, светила науки и медицины, высший генералитет, министры и их заместители. Но в сталинские времена те, кому полагался служебный загородный дом, обзаводиться собственной дачей не могли — это считалось грубейшим нарушением норм партийной этики и могло повлечь самые серьезные меры воздействия, вплоть до исключения из партии и изгнания с руководящих

высот. Послабления начались вскоре после кончины отца всех народов. И когда-то в прошлом я читал в "Огоньке" письмо Хрущеву от солдат-строителей про то, как шло возведение генеральских и маршальских дач в подмосковном Архангельском. Сейчас, конечно, не помню дословно, что-то вроде:

"Просим извинить нас тов. Хрущев, что отрываем Вас от больших государственных дел. Но считаем, что, если мы будем молчать, это нанесет вред нашему движению вперед, строительству социализма в нашей стране. Дело в следующем:

Мы, солдаты — строители Архангельской строительной площадки при военном санатории "Архангельское" Красногорского района Московской области, строим сейчас дачи маршалам Василевскому, Гречко, генерал-полковникам Желтову, Смирнову, Неделину и др. Всего предполагается строить в районе санатория "Архангельское" около двух десятков дач. Кроме того, уже построены ранее дачи маршала Конева, Мерецкова, Тимошенко и др., около десяти дач. Дачи все большие, двухэтажные, каменные. Участки отведены большие, по 2–3 гектара земли. Они огорожены высокими заборами, за ними собаки-овчарки. Окружающее население — колхозники и рабочие говорят: вот раньше здесь была одна усадьба князя Юсупова, а сейчас сколько стало "юсупят", советских помещиков.

На днях мы наблюдали такую картину: жена маршала Гречко приказала заменить стекла в дверях строящейся им дачи. Мы сняли двери с петель по распоряжению прораба и приготовились к замене стекол. Вставленные стекла были разноцветные, супруга маршала Гречко подошла к дверям и стала ногой выбивать эти разноцветные прекрасные стекла и все выбила. Кроме того, она дала нам сто рублей и приказала вскопать на усадьбе огромную площадь земли, и мы подчинились. На что это похоже. Мы — не рабы. Мы гуляем с девчонками и от прислуг министров слышим многое об их жадности, скопидомстве и издевательствах. Например, жена министра культуры т. Михайлова за два года сменила десятки прислуг, все ей никак не угодят...»

Но куда больше граждан СССР возмущало то, что личные дачи для маршалов и генералов строятся за государственный, а не за их собственный счет. Даже в Переделкино! Еще в 1935 году Иосиф Сталин подарил советским литераторам землю в Переделкино и разрешил строить за казенный счет дома. Сначала в поселке появились 24 дома, которые достались самым известным писателям и поэтам — Демьяну Бедному, Александру Фадееву, Леониду Леонову...

Все это как-то живо промелькнуло в памяти, ибо пресса в мое время тщательно исхитрялась замазать дерьмом все советское. И опять возникла амбивалентность между выбором — между милицией и криминалом. Уголовником я бы отлично вписался в эту, отравленную властью и вседозволенностью коммунистическую шайку.

Между ангелом и бесом

Темной ночью, темным лесом

Амбивалентно я хожу,

Ничего не нахожу...

[1] Считать украинскую горилку водкой, в корне не правильно, так как рецепт приготовления намного больше похож на бренди, виски или коньяка. Горилка — это продукт дистилляции, а водка ректификации.

[2] Когда Хрущёв стал первым секретарём ЦК КП Украины. В числе первых его обращений к впоследствии осуждаемому за кровожадность Сталину была просьба разрешить ему расстрелять дополнительно 20 000 человек.

Человек не может двигаться вперед, если душу его разъедает боль воспоминаний.

М. Митчелл

В итоге из Кремля я вернулся в гостиницу, благо не с моего кармана её оплачивать. Вернулся я поддатый и с великолепным чувством брезгливости. Которое безуспешно пытался подавить, сравнивая Хрущева с бывшими и будущими правителями. Все как один — дрянные люди. Впрочем, в США не лучше. Что стоят хотя бы инфантильный мажор Трамп или угрюмый ипохондрик Баден! Но там хотя бы негодных отстреливают!

Вспомнился параллельно еще один грех Хрущева. Он в 1956 году волевым решением ликвидировал артели — этот мощный сектор народного хозяйства вместе с приусадебными участками (которые, кстати, при Сталине были до 1 гектара).

Большинство работников государственных предприятий (а государственными тогда были почти все предприятия страны) получали стабильную, но всегда одинаковую зарплату. То, что независимость зарплаты от результатов труда — это плохо — понимали и тогда. Но реальных шагов по изменению ситуации не предпринимали.

Этого же стиля придерживался Андропов и его коллеги, а вот Косыгин хотел вернуть страну к кооперации, к индивидуальному труду, но не к спекуляции (а ведь этот термин, как и уголовная статья, исчезнут после перестройки и люди начнут зарабатывать ПЕРЕПРОДАВАЯ).

Совсем иная ситуация была в сталинские годы. Директоров предприятий не уговаривали, от них требовали по максимуму переводить всех, кого только возможно, на сдельщину. В годовых отчетах директора предприятий непременно указывали процент трудящихся, работающих по сдельной системе оплаты труда.

Некоторые высококвалифицированные рабочие первоуральского Новотрубного завода в годы Великой Отечественной войны зарабатывали в месяц до 2500 рублей. Для сравнения: зарплата директора Новотрубного завода, лауреата Сталинской премии Якова ОСАДЧЕГО составляла 3000 рублей.

Вы можете представить себе, чтобы сейчас слесарь 6-го разряда получал зарплату, сравнимую с зарплатой топ-менеджера промышленного гиганта (на тот момент Новотрубный завод был самым крупным трубным предприятием СССР)?

Вспоминается мощный производственный роман Галины Николаевой: «Битва в пути». Там молодой слесарь ввел в производственный процесс кокильное литье и с использованием этой рационализаторской новинки сделал за смену в десять раз больше деталей, которые до того вытачивал на станке. И ему вынуждены были оплачивать эту грудку работы по старым — высоким расценкам. Правда, руководство завода быстро смекнуло и корректировало цены, уменьшив их как раз в десять раз.

Галина Николаева — врач, фронтовик, мужественная и талантливая женщина, незаслуженно забытая торопливыми потомками. Оба её романа экранизированы, а её стихи пронзительно чувственны:

Женские письма. Развод

«Прощай.

Взял все?

Тот коврик ты привез.

Ты удивлен — не плачу, не тоскую.

Ошибся ты. Мне жаль почти до слез

Часов и чувств, растраченных впустую».

У зеркала помедлил, как всегда.

И вот галантно подошел прощаться.

Как глубоко, как больно иногда,

Как слепо можно в людях ошибаться!

И вот одна. Все те же дом и сад.

Но так тоскливо опустели стены.

Но я твержу десятый раз подряд,

Что только нож спасает от гангрены.

Вот щелкнул ключ.

Все стихло.

Ты ушел.

Я широко окно свое открою.

Как хорошо, как все же хорошо,

Когда уже отрезано больное!

Лично я перечитывал её книги и всякий раз восхищался величиим реализма и честности автора!

Но опять меня унесло в прошлую жизнь. Маргарет Митчелл в вечном романе: «Унесенные ветром» говорила, что «Человек не может двигаться вперед, если душу его разъедает боль воспоминаний». Вот и я топчусь в обретенной памяти, как в навозе, не в силах решить: кем мне стать в новом мире — вором или собачником. Мне не нравится видимость дружбы с Хрущевым, ибо это знакомство — его благосклонность вовлекает меня в интриги, гораздо более страшные, чем интриги в воровской стае, на зонах и в тюрьмах. Хрущев, которого вскоре снимут, вовлекает меня в хреновый блудняк, а отказываться от его щедрот уже поздно.

Я читал в прошлом (опять таки в прошлом) воспоминания своего ровесника об отце, руководителе крупной и успешной артели, коммунисте, фронтовике. Ему поручили организовать артель в небольшом поселке, где он жил. Он съездил в райцентр, за день решил все оргвопросы и вернулся домой с несколькими листками документов и печатью новорожденной артели. Вот так, без волокиты и проволочек решались при Сталине вопросы создания нового предприятия. Потом начал собирать друзей-знакомых, решать, что и как будут делать. Оказалось, что у одного есть телега с лошастью — он стал «начальником транспортного цеха. Другой раскопал под развалинами сатуратор — устройство для

газирования воды — и собственноручно отремонтировал. Третий мог предоставить в распоряжение артели помещение у себя во дворе.

Вот так, с миру по нитке, начинали производство лимонада. Обсудили, договорились о производстве, сбыте, распределении паев — в соответствии с вкладом в общее дело и квалификацией — и приступили к работе. И пошло дело. Через некоторое время леденцы начали делать, потом колбасу, потом консервы научились выпускать — артель росла и развивалась.

А через несколько лет ее председатель и орденом за ударный труд был награжден, и на районной доске почета красовался — оказывается, при Сталине не делалась разница между теми, кто трудился на государственных и частных предприятиях, всякий труд был почетен, и в законодательстве о правах, о трудовом стаже и прочем обязательно была формулировка «...или член артели промысловой кооперации».

Ну вот, не удержался — поделился скучной для читателя информацией (инфой тут еще не говорят, сленг будущего). Ничего, в следующей главе исправлюсь.

Известно, что в 1961 году в Ленинграде был возведён первый и единственный индивидуальный дом-хрущёвка. Он делался из пластика, с цокольным этажом. Площадь «коттеджа» составляла 48 кв. м, его себестоимость была всего 850 рублей. Но эксперимент на единственном доме был завершён: индивидуальный дом шёл вразрез с советским образом жизни, так как воспитывал в людях индивидуальность, а не коллективизм. Но мир, в который меня забросили, развивался немного по другому. Например, кинология тут вообще не возникла, а племенные псы и вообще обученные собаки были истреблены во время войны. Поэтому явивший поутру комендант не ошарашил меня вручением ключей от пластикового дома в Снегири — посёлок городского типа и дачный посёлок в Истринском муниципальном районе Московской области. Расположен на Волоколамском шоссе, к северо-западу от Дедовска, в 25 км от МКАД.

Мы быстро подъехали на просторном ЗИМе с шофером. Дом поражал воображение советского человека середины 20 века[1]. Меня не поражал. Ни о какой старинной мебели при виде этого пластикового уродца и думать не хотелось.

А комендант восторгался.

Дом состоял из двух этажей: первый высотой 2,2 метра был выполнен из стеклоблоков и занимал площадь 6 м² — он исполнял роль защиты вентиляции и инженерных систем; второй этаж из армированного пластика с толщиной стен 14 сантиметров (что соответствовало кладке в 4 кирпича по теплоизоляции) был жилым. Здесь были большие окна из пластика (оргстекла), комната, кухня, совмещённый санузел, кладовка и небольшая терраса. Общая площадь второго этажа составляла 49 м².

— Давайте, поставим тут обычный финский сборно-щитовой домик, — разрушил я обаяние прогрессом бедного коменданта. Место хорошее, тут офис сделаем — в этом пластмассовом домике, огородим пространство, чтоб собакам выгул был, а мне поставьте обычный домик. Только чтоб горячая вода была с отоплением и электричество. Если коммуникаций нет, то можно отопление и батареи для тепла сделать электрическими. А еще потребуется кормокухня для животных, желательно с электрическими котлами для варки.

— Вы не поняли, собачник ваш будем в другом месте организовывать. А тут дачу вам хотели выделить.

— Я предпочел бы жить рядом с работой, да и жилье хочу нормальное. Можно в городе, но тогда машину выделяйте.

— Тогда в Мытищах. И не слишком далеко от центра — электричка ходит, и места полно. Есть старые дома. Большие. С земельными участками.

Забавно играет время со своими марионетками — человеками. Думал ли я когда, что во второй жизни буду жить и работать в Мытищах!

Надеюсь, мне выделят место в районе северной стороны, где к городу примыкает Пироговский лесопарк, а вблизи с востока знаменитый национальный парк «Лосиный Остров».

А тем временем ЗИМ плавно пришвартовался у гостиницы и я поспешил в номер — вывести собаку. Пока она молодая, требуется хотя бы три раза в сутки выгуливать, чтоб не нажила неприятности с мочевым пузырем. Ладно — кобель, тот не постесняется и в номере стену обоссать, а сука будет мучиться, но терпеть. В прежней жизни (тьфу, опять!) мы с собакой отдыхали на Байкале и решили покататься на катере. Так вот, собака захотел писать и сообщила мне об этом характерным поведением и поскуливанием. Отвел её в галюун, сам пописал для убедительности — бесполезно! Пришлось платить капитану, чтоб пристал к берегу. Где овчарка молнией выбежала на берег и с наслаждением (под взглядами команды и пассажиров) присела на добрых пять минут.

[1] Экспериментальный пластмассовый дом был построен в СССР в 1961 году как

опытный образец индивидуального жилого дома с применением новых для того времени технологий. Спроектирован архитектором Алексеем Щербенком и инженером Леонидом Левинским. Располагался в Ленинграде между первым и вторым корпусами дома № 24 по улице Торжковской.

И ты будешь волков на земле плодить,
И учить их вилять хвостом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом!
Александр Галич

Как и в прошлой жизни на меня (не успел толком удержать хвост удачи!) сыпятся неожиданности, могущие похерить возможности благополучия. Моя Мойра — абсолютно безличная необходимость, неподвластная даже богам. Короче, я встретил в вечернем ресторане Маневина. Того самого — организатора серии нынешних преступлений, среди которых квартира Ойстраха лишь частность. Естественно, он по мне скользнул равнодушным взглядом.

Во-первых, мы еще не познакомились: зона, большой срок, наше знакомство — все это осталось в другой реальности. И не исключено, что в этой он избежит случайности, пославшей его на тюремную шконку.

Во-вторых, достаточно мне подойти к нему с разговором и, убедив в своих знаниях будущего, присоединится к компании перераспределения народного добра, как я обеспечу себе богатую жизнь и, возможно, жизнь не нищей России с драконовскими законами, а в свободной Италии. Где со временем смогу посидеть в кафе на «Набережной Неисцелимых» за бокалом Кьянти[1] с самим Бродским!

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

И не будет в содружестве с интеллигентным воров в моей жизни тупорылых правителей, жирных «работников администрации», наглых продавщиц, дефицита туалетной бумаги, переполненных автобусов и всей нелепости советского строя, который с болью и кровью перерастет в рыночную экономику, получив в итоге неразвитый капитализм с коммунистической рожей!

Олег уселся за столик в углу ресторана, в тени и подальше от оркестра. Даже в этом мы с ним обладали схожими привычками. Я тоже выбирал места, чтоб спина была защищена и подальше от кабацкой музыки.

Мы дружили в зоне. А я по своей «поэтической» натуре в любовь и в дружбу кидался, как в детстве — в сугроб, отчаянно, с визгом и самозабвенно. Плохо лишь, что с любовью не повезло... Да и не могло повести, ибо нравились мне заведомо порочные, низшего статуса

женщины. Все верил в контакт между принцем и пастушкой, где себя определял непременно принцем.

А вот друзья (их было трое за всю жизнь) попадались надежные. И один из них сидит за столиком и не ведает о моем существовании.

Что бы не сойти с ума от гаммы чувств я принял половинчатое решение — проследить за Олегом. Тем самым оставил себе время для того, чтоб окончательно принять сторону легального существования (долго очень ждать нормального времени, около 35 лет) или все же пойти по преступному пути (с неизбежной тюрьмой, как ни исхитришься). Впрочем, благодаря близости к Хрущеву я нынче могу и на развитие СССР повлиять!

Эта мысль преследовала меня, пока следил за грабителем и своим виртуальным другом. (Многое казалось виртуальным — вся прошлая жизнь). Ну а когда Маневин исхитрился сбросить хвост и напасть на меня со спины — ударить по голове чулком, наполненным песком, то выбора в сущности и не осталось.

В блаженном помутнении сознания, в ватной слабости от сотрясения мозга я, лежа на «мягком» асфальте все же ухитрился выдернуть револьвер и засадить виртуальному персонажу пулю в ногу.

А потом меня выворачивала рвота, а Олег пытался встать, кусая губы от боли.

И подошли патрульные, которым успел сказать:

— Это — бандит, грабитель! Надо доставить в МУР к Чванову...

А потом раздолбанная «Волга» с красными крестами отвезла меня в больницу. Когда раздевался, оказалось что брюки мокрые.

— Обмочились, это при сотрясении бывает, — успокоил дежурный доктор. — Я скажу сестричке, постирает. Вы у нас командировочный, как вижу (я ему подал документы одной пачкой — слабость, спутанность сознания), так что медицинскую карту новую заводим. Потом, когда будете возвращаться в Вязьму, обязательно заберите и отдайте в свою поликлинику.

— У меня собака в гостинице, ищейка! — сказал я, сдерживая тошноту. — Надо позвонить в МУР Чванову.

— Позвоню. Вы не волнуйтесь. Сейчас мы вам укол сделаем и баиньки. Сон в вашем положении — лучшее лекарство.

Поутру они проснулись. Ну и я проснулся, а чего? Оказывается до сих пор лежу в изоляторе (или как еще эта палата на одного называется?). Лежу весь такой слабый, а сознание все перематывает сюжет слежки за грабителем. Как по-первости удачно следил, отставая на десяток шагов и удачно маскируясь прохожими. Но потом отвлекся на снегоборочную машину, буквально на секунды отвлекся. И Олег скрылся от наблюдения. Я совершил стандартную ошибку неумелого сыщика — начал ускоряться, оглядываться и заглядывать во дворы и подъезды. Вот и пропустил удар.

«А как там собака!?» — молнией пробила память тревога.

Попытался встать, даже спустил ноги с кровати. Сразу затошнило, голова кружилась, будто я неделю квасил по-черному. Лег обратно...

— Ну как ты? — спросил некто над ухом. Оказывается я все же заснул, так заснул — будто впал в беспамятство. И пропустил визит Чванова.

— Ну так, Владимир Федорович, — ответил я, — смутно. Голова кружится.

— Чем он тебя приложил, наверное чулком с песком? — сказал Чванов. — На коже

головы практически врач не обнаружил повреждений. Старая воровская методика, чтоб мокрушникам не стать. Как только у тебя сил после удара хватило оружие достать? Сразу видно — военная косточка.

— Собака, что с собакой? Она сутки не гуленая.

Послал я в гостиницу девушку. Наш сотрудник, собачница. С детства овчарками занимается. Светлана Позднякова, сержант.

— Ну слава богу, а то я волновался. А подпустила к себе, Джуля-то?

— Свету-то? Подпустила. Та к ней сразу с колбасой пришла.

— Ну а что с грабителем? Их там целая шайка с фальшивыми ксивами.

— Постарайтесь не употреблять воровской жаргон, не к лицу офицеру. Подозреваемый в госпитале под охраной, ждали, когда ты очнешься. Почему решили, что он грабитель?

Случайно услышал в ресторане обрывок разговора с подельником. Оказывается, они к Ойстраху не имеют отношения, они только по торгашам работают, список у них богатых торговых начальников. Я проследить хотел, да не удалось. Это у них, похоже, главарь. Он разработал план. И они собираются вскоре, переведя деньги в драгоценные камни, лиять из страны через Югославию. Уже путевки должны быть куплены или вскоре приобретут.

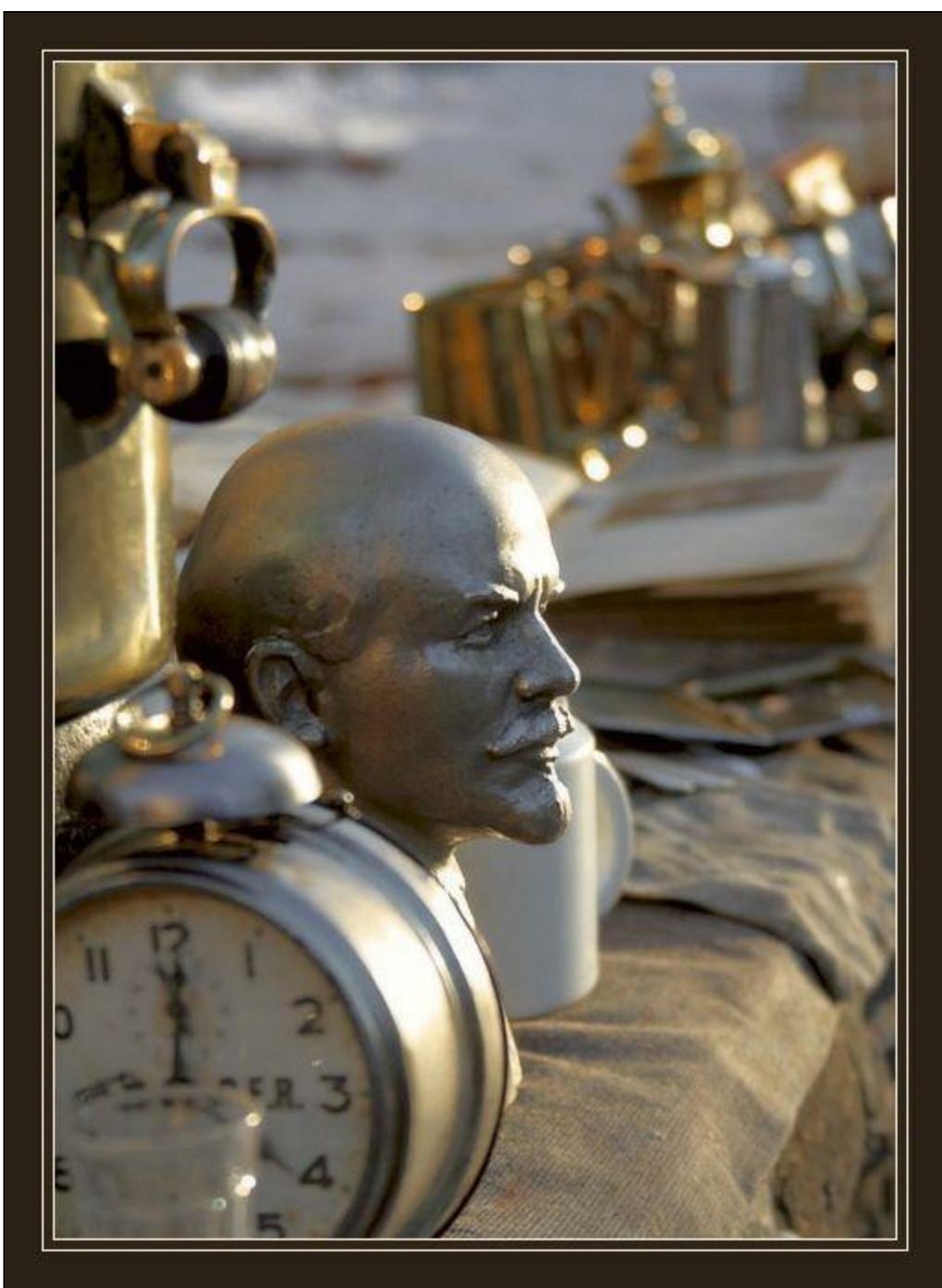
— Лиять? Интересное выражение. И что мы можем предъявить твоему подстреленному сейчас? Ладно, разберемся. Не так много Москвичей в турпоездку собирается. Только прокурор по подозрению не даст ордер на обыск.

— А если собака приведет с ограбленной квартиры к дому этого подранка?

— Хорошая мысль! Нам тогда и ордер не требуется. Ну ты отлеживайся, за овчарку не беспокойся. Там вон на тумбочке я тебе мандарины принес, редкость большая в это время года. На рынке купили, грузинские. Поправляйся.

Чванов ушел, а я продолжил лежать в сомнениях. Я же не знал, где хранят награбленное, Маневин никогда не уточнял детали. А он обычно все предусматривал, даже обыск.

Пришла медсестра, уколола в предплечье, капельницу поставила. Уже уплывая в покой, я подумал, что все выбрал новую дорогу новой жизни. Забавно, теперь буду бороться с криминалом так же активно, как в прошлом ему способствовал!

[1] Кьянти — итальянское сухое красное вино, производимое в регионе Тоскана на основе винограда сорта Санджовез